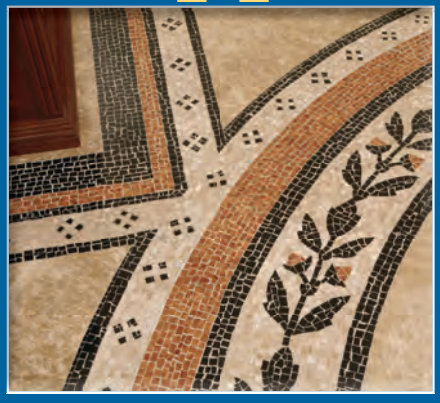
2010 • журнал № 3 (14)

МОСН

московское наследие

Пешком:

Побольше бы пятниц, или Улица Святой Параскевы

У Булата Окуджавы есть про эту «счастливую, как река», улицу стихотворение: «Как мне нравится по Пятницкой в машине проезжать! / Восхищение увиденным не в силах я сдержать. / Кораблями из минувшего плывут ее дома, / будто это и не улица – история сама...»

Тема номера:

Законодательство

Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников ставить,
Их за прилавками Октябрь застал.

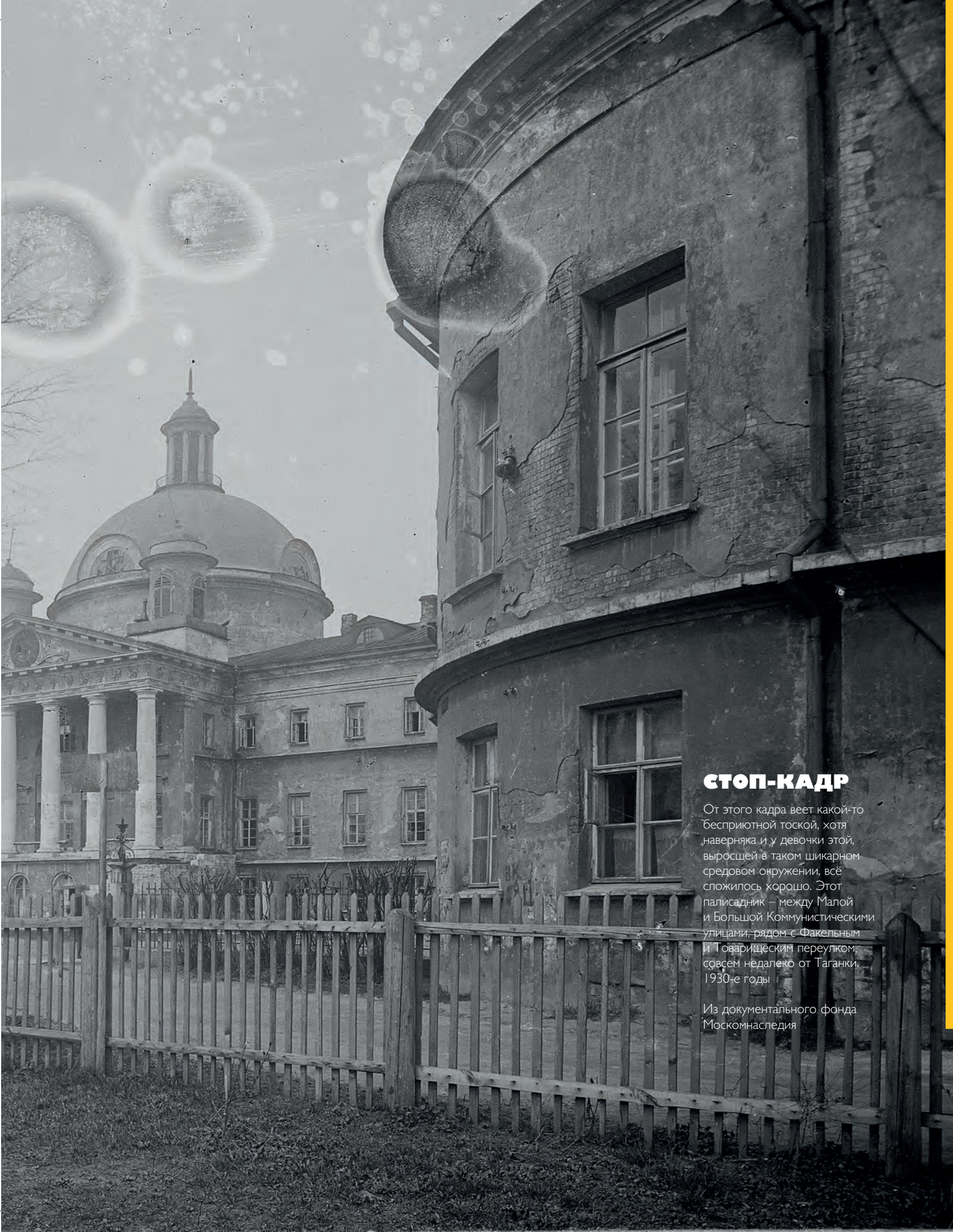
Случайно им мы не свернули шею.
Я знаю, это было бы под стать,
Подумаешь, они спасли Расею!
А может, лучше было б не спасать?

Реставрация:

Помпейская лестница, Перловый зал

Хозяин усадьбы, генерал А.Н. Соймонов имел внебрачного сына – Сергея Александровича Соболевского. Это был выдающийся библиофил, библиограф, эпиграмматист и близкий приятель А.С. Пушкина. Скорее всего, поэт неоднократно бывал в усадьбе на Малой Дмитровке. Таким образом, сегодняшнее возрождение дома добавило ещё один адрес пушкинской Москве

СТОП-КАДР

От этого кадра веет какой-то бесприютной тоской, хотя наверняка и у девочки этой, выросшей в таком шикарном средовом окружении, всё сложилось хорошо. Этот палисадник – между Малой и Большой Коммунистическими улицами, рядом с Факельным и Товарищеским переулком, совсем недалеко от Таганки. 1930-е годы

Из документального фонда Москомнаследия

МОСКОВСКОЕ наследие

2010 · журнал № 3 (14)

Главный редактор
Наталья ЛОГИНОВА

Для этого номера мы пригласили побеседовать о теории, истории и практическом применении законодательства в области охраны наследия историков архитектуры, юристов – разработчиков законов, а также экспертов-эмпириков. В рубрике «Пешком» – Пятницкая улица. Дух Замоскворечья здесь наиболее ощутим. Пожалуй, есть что-то символическое в том, что наиболее эффективная в России организация в области охраны памятников вдохновляется на свои деяния видами этих старомосковских мест – Москомнаследие находится в доме № 19. Руководитель Комитета Валерий Шевчук первым поставил вопрос о необходимости изменения законодательства. Именно его ведомство ежедневно ощущает недостатки и пробелы законов, сталкиваясь с нерадивостью собственников и арендаторов, недальновидностью архитекторов. Почему архитекторы, создавая новые проекты, зачастую не думают о контексте, в котором будет построено их здание; может ли архитектор игнорировать опыт предшествующих поколений – об этом мы говорили с ректором МАРХИ Д.О. Швидковским в «100личном журнале». Об этом же пишут наши авторы в статьях по истории законодательства. В новой рубрике «Персона» мы представляем Николая Померанцева, учёного, реставратора, подвижника, посвятившего всю свою жизнь спасению отечественной культуры.

На страницах журнала – открытия реставраторов в Донском монастыре, только что отреставрированный дом на Малой Дмитровке, и многое другое. Журнал как всегда получился разнообразный. Ждём ваших отзывов.

«МОСКОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ»
благодарит за помощь при выпуске номера:
Леонида БЕЛЯЕВА, Марию БЕХТЕРЕВУ, Софью БОРИСОВУ, Леонида БРАТКИНА, Романа ВАСИЛЬЕВА, Татьяну ВДОВИНУ, Светлану ГРЕГОРЖЕВСКУЮ, Марину ДУБОНИНУ, Алексея ЕМЕЛЬЯНОВА, Полину ЕРМОЛАЕВУ, Антонину ЗОЛОТУХИНУ, Светалану ЗОРИНУ, Александра КАЧАЛОВА, Елену КОЗЫРЕВУ, Леонида КОНДРАШЕВА, Дмитрия МИКЕРИНА, Надежду МУХИНУ, Артёма ПОПОВА, Анну РЕЗВАНОВУ, Ольгу РЕШЕТНИКОВУ, Алексея РОГУЛИНА, Романа РЫБАЛО, Ирину САВИНУ, Алёну СВЕТУШКОВУ, Светлану СОЛНЦЕВУ, Екатерину СТАРОВЕРОВУ, Владимира СТРАХОВА, Андрея СПИРИДОНОВА, Александра ФИЛЯЕВА, Владимира ХРАБРЫХ, Максима ХРАБРЫХ, Александра ШЕЛУХИНА, Алексея ЮДИНА, Михаила ЯБЛОКОВА

Учредитель Комитет по культурному наследию города Москвы

Руководитель проекта Валерий ШЕВЧУК

Главный редактор Наталья ЛОГИНОВА

Выпускающий редактор Ирина ЕРМОЛАЕВА

Редактор Филипп СМИРНОВ

Обозреватели Станислав ВЕЛИЧКО, Алексей ЧЕРЕПАНОВ

Литературный редактор Елена БОРИСОВА

Корректор Наталия НОВИКОВА

Фотографы Глеб АНФИЛОВ, Сергей ПУШКОВ, Ашот САРДАРЯН

Бильд-редактор Денис ЧУВАЕВ

Дизайн, вёрстка, препресс Филипп СМИРНОВ

Сканирование и цветокоррекция
ООО «ПОЛИГРАФ-ДИЗАЙН»

Над номером также работали
Сергей АВДОХИН, Леонид ВАЙНТРАУБ, Алексей ДЕДУШКИН, Полина ЕРМОЛАЕВА, Александр КУЛЬЧИЦКИЙ, Елена КУРОЧКИНА, Сергей МАТРОШИЛОВ, Раиса НАЙДЕНОВА, Ирина СИЛЯТИЦКАЯ, Тимофей СМИРНОВ, Маргарита ШЕВЧУК, Эдуард ЮШКИН

Научный консультант журнала Андрей БАТАЛОВ

Научный совет Александр ВЕКСЛЕР, Галина НАУМЕНКО, Владимир КОЗЛОВ, Дмитрий ШВИДКОВСКИЙ

Адрес редакции 115035, Москва, ул. Пятницкая, 19
Тел.: +7 (495) 951 05 35, +7 (495) 973 34 95

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ № ФС77-26667 от 18 декабря 2006 г.

Издатель
ООО «АРТ-Реставрация»

Отпечатано
в ООО «Интеррост»

Заказ № 1527
Тираж 3000 экз.

© «Московское наследие», 2010
Полная или частичная перепечатка материалов или размещение их в сети Интернет допускается только с письменного разрешения редакции

стр. 68

Ещё несколько лет назад дом № 18 на Малой Дмитровке казался безвозвратно потерянным: без ограды, с разбитыми окнами – и это в самом центре Москвы. Памятник федерального значения, связанный с именами Пушкина и декабристов, выглядел заброшенным

стр. 80

Бетанкур составил проект ремонта канала; запустил воздушный шар; основал технический музей; построил паровую мельницу; изобрёл гидравлический печатный станок, паровую землечерпалку, машину для срезания тростника, машину для дробления камня; спроектировал оптический телеграф; отремонтировал или возвёл заново больше ста сорока мостов...

стр. 147

«Художественно-промышленный музеум составился и поддерживается на суммы, пожертвованные московскими фабрикантами. Он устроен по образцу Кенсингтонского в Лондоне, в роде подобных же музеумов в Лионе, Вене и Берлине»

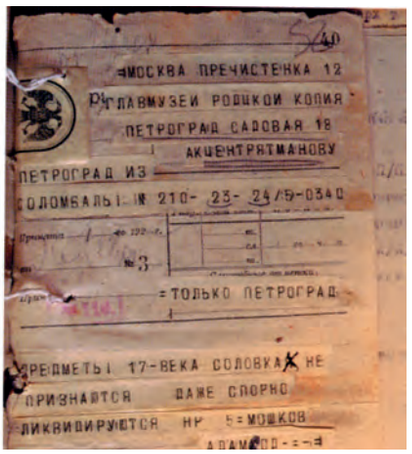
стр. 132

В 1934 году, в период сноса ряда памятников в Москве, я был выслан в г. Вельск Северного края, сроком на три года. Защита таких памятников в Москве, как Сухарева башня, Красные ворота, Триумфальная арка 1812 года и ряда храмов, в то время была поставлена в вину некоторым специалистам, сотрудникам мастерской, в том числе и мне

стр. 18–74

Кузнецкий мост, Тверская, Никольская, Ильинка – какое зрелище пред очи представляете вы? Домище на домище, дверь на двери, окно на окне, и всё это, от низу до верху, усеяно вывесками, покрыто ими, как обоями. Вывеска цепляется за вывеску, одна теснит другую; гигантский вызолоченный сапог горделиво высится над двухаршинным кренделем

ОТКРЫТИЯ

6 **Татьяна Божутина.** Цветы для архимандрита
Донской монастырь: случайная находка стала открытием

ТЕМА НОМЕРА:

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

20 **Лев Лифшиц.** Закон о памятниках. XX век
Советское понимание культурных ценностей

24 **Елена Разбицкая.** Музей кремации с техническим уклоном
История попыток спасти ценности московских монастырей

28 **Борис Еленин.** Как урезали ленинский декрет
«Кучка музейных фанатиков» в борьбе за национальные сокровища

31 Цитаты разного времени. XX век
Обзор Ирины Ермолаевой

36 **Галина Семенова.** Преемственность и новации закона 2002 года
Аналитический взгляд юриста

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

33 **Сергей Конев.** Национальный траст: как это делается
О системах охраны памятников в Европе

ЗАДАЧИ

44 **Ирина Силятицкая.** Закон пугает, а никому на страшно
Почему плохо работает строгое законодательство

46 **Ольга Решетникова.** Изменение закона – требование времени
Новые поправки должны заставить работать закон

50 **Александр Филяев.** Архитектура – не подставка
Современная реклама и исторический город. Что можно и что нельзя

53 **Интервью Николая Никифорова.** Что имеем – не храним, потерявши – платим
Почему инспектор нежеланный гость

56 **Леонид Кондрашев.** Закон суров, но это закон
Dura lex sed lex

ПРАКТИКА

De minimis non curat lex. О мелочах закон не думает
Мнения специалистов о действующем законодательстве
62 **Алексей Рогулин**
63 **Кирилл Кутырин**
64 **Андрей Ивлиев**

A PROPOS/ТЕМА НОМЕРА

60 **Олег Пычин.** Закон есть, а результата – нет
Грозит ли уголовная ответственность варварам

74 **Наталья Титова.** Как реклама начала XX века влияла на облик Москвы
Двигатель торговли, не всегда честный, грамотный и безопасный

136 **Ирина Комарова.** От «куриозных вещей» до австрийской модели
История российского законодательства в области охраны памятников

НОВОСТИ

66 Смесь. Хроника охранной жизни

СОДЕР

стр. 154

Первая дверь казалась высокой и тяжёлой. Мне было года четыре, и чтобы её открыть, нужно было поднять руку и повиснуть на ручке

стр. 6

В центре внимания как исследователей, так и гостей Донского монастыря всегда находились Большой и Малый соборы, несколько замечательных церквей, башни ограды. Но по-своему интересен и дом настоятеля – небольшое двухэтажное здание сравнительно скромной архитектуры, разместившееся в северной части монастыря

РЕСТАВРАЦИЯ

68 **Евгения Твардовская.** Помпейская лестница, Перловый зал
Почему подрос дом на Малой Дмитровке

ИМЕНА

80 **Алексей Че (Черепанов).** Ах, наш милый Августин,
или Ошибка Бетанкура
Кто и как строил Экзерциргауз, и что из этого получилось

ПеШКоМ

Журнал в журнале

стр. 87

87 **Алексей Дедушкин.** Побольше бы пятниц,
или Улица Святой Параскевы.
От улицы Балчуг до площади Серпуховской заставы

100личный журнал

126 **Дмитрий Швидковский:** «Архитектор – профессия не просто созидательная»

ПЕРСОНА

132 **Елена Борисова.** «Крылья, чтобы лететь за радостью»
Исследователь Николай Николаевич Померанцев: хранитель, защитник, арестант, инспектор

ОКРАИНА

142 **Анастас Тростенецкий.** Алексеевское село, или По пути Водолея
Любопытный маршрут по старомосковским местам

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДОМА

147 **Илья Печёнкин.** «Золотой век» палаццо на Рождественке
К 185-летию Строгановского училища

ОТРАЖЕНИЯ

150 **Елена Борисова.** Семейное чтение

152 **Алексей Че (Черепанов).** .moscow,
или Зачем Москве домен

ДЕТАЛИ

154 **Ирина Ермолаева.** Высокий звонок, или Выбор пути
Эссе о московских дверях

ОБРАЗЕЦ

ОТКРЫТИЕ

О Донском монастыре естественно говорить как о выдающемся архитектурном ансамбле, свидетеле важных исторических событий нескольких веков, наконец, как о знаменитой московской обители. Неожиданная находка, сделанная этой весной в жилых покоях настоятельского дома, помогает увидеть в его былых обитателях не тени прошлого, а живых, реальных людей, для которых когда-то строился и украшался этот дом

Автор: Татьяна Божутина
Фото: Глеб Анфилов

Цветы для архимандрита

В 2010 году начались реставрационные работы в настоятельском доме, в котором до 1992 года располагались научные отделы и выставочные залы Музея архитектуры имени А.В. Щусева. До этого последняя реставрация проходила в 1970-е годы. Тогда восстанавливали анфиладную планировку парадного второго этажа и, казалось бы, исследовали все уголки дома. Однако реставрационные работы 2010 года принесли приятные сюрпризы.

Уникальный ансамбль

Донской монастырь – не только действующая обитель, но и своеобразная история четырёх веков русской архитектуры. Здесь сохранились выдающиеся сооружения зодчих XVI–XVIII веков, на монастырском кладбище стоят часовни – произведения мастеров классицизма, эклектики и модерна начала XX века. В советское время почти шесть десятилетий на территории монастыря располагался Музей архитектуры, сотрудникам которого удалось сохранить уникальный ансамбль. Монастырские постройки неоднократно реставрировались, их изучали историки архитектуры и живописи, но до сих пор монастырь удивляет нас открытиями.

Безусловно, в центре внимания как исследователей, так и гостей монастыря всегда находились Большой и Малый соборы, несколько замечательных церквей, башни ограды. Но по-своему интересен и дом настоятеля – небольшое двухэтажное здание сравнительно скромной архитектуры, разместившееся в северной части монастыря. Для историков московского зодчества он примечателен тем, что в нём отразились особенности архитектуры допожарного времени, ведь сейчас в Москве почти не осталось домов этого периода, дошедших до нас без изменений XIX–XX веков. Перестраивался и настоятельский дом, и, казалось бы, мы всё знаем о его метаморфозах.

«Властелинские келии» для Иоанна

Для того чтобы понять и оценить наше открытие, совершим короткий экскурс в историю. В 1748 году наместником монастыря был назначен ректор Славяно-греко-латинской академии – архимандрит Иоанн Козлович, который с 1743 года являлся преподавателем философии той же академии. В 1749 году монастырские власти решили выстроить у северных ворот новый дом для настоятеля, который, как и его предшественники, проживал до этого в кельях у западных ворот. Перенос «властелинских келий» не был случайным. Северные святые ворота служили главным входом в монастырь, именно через них входили крестными ходами из Кремля наши государи, совершался торжественный вход с иконой Донской Богоматери, главной святыней монастыря. Эти обстоятельства определили парадный характер архитектурного облика новых настоятельских келий.

Фрагмент росписи дома настоятеля. Цветочная композиция – единственная уцелевшая из тех, что обрамляли центральную часть плафона. Круглые отверстия – следы гвоздей подшивного потолка

Возводились кельи по заказу архимандрита Иоанна. Об архитектуре дома можно судить по подрядной записи: «...1749 году маия 5 дня ставропигиального Донского монастыря архимандрит …Иоанн с братиею договорился каменных дел с подрядчиками… Тимофеем Андреевым… до крестьянином Василием Степановым в том, что сделать нам подрядчикам своими мастеровыми и работными людьми во оном монастыре властелинских каменных ободном жилом апартаменте келии со сводами… противу рисунку, каковой рисунок нам ныне от оного Донского монастыря объявлен… а от земли наружных тех келий стен вывести кругом в три четверти аршина белым камнем и делать басы и пилястры и капители кругом того каменного строения».

«Дворовый человек и живописного художества мастер Мирон Григорьев сын Половцев… договорился в оном монастыре исправить при его настоятельском корпусе снутри и снаружи… малярную и живописную работу… а за оную работу получить мне денег 60 рублёв»

Через год тридцать человек из артели построили новый каменный дом с деревянным мезонином. Главным фасадом он был обращён к дороге, ведущей от святых ворот к Большому собору. Ближе к воротам выстроили одноэтажное здание кухни. Настоятельские кельи были по-барочному богато украшены. Как пишет монастырский летописец в 1749 году, «строение обделано алебастром как внутри так и с лица штукатурною работою под лицо к каменному и сделано каменное крыльцо». Интерьеры, предназначенные для наместника, украсили резными дверями и живописными плафонами потолков. Однако уже в 1753 году архимандрит Иоанн становится епископом Переяславским и отбывает в свою епархию.

Классицизм вместо барокко

В 1777 году настоятель монастыря Аввакум Миланкович (1743–1792) обращается в Московскую синодальную контору с просьбой о перестройке настоятельского дома. В этом же году был полностью разобран мезонин и над палатами заново отстроен второй этаж по проекту Ивана Романовича Залусского, в те годы архитектора Донского монастыря. К осени 1780 года перестройку здания полностью завершили. Теперь это был двухэтажный дом, облик которого не отличался от особняков богатых московских жителей. Внизу располагались хозяйствен-

Дом настоятеля. Вид от Большого собора. В глубине слева видны Святые ворота надвратной Тихвинской церкви

ные и жилые помещения, а на втором этаже анфиладой шли парадные залы. Прежнюю барочную пышность интерьеров с потолками, украшенными лепниной, сменила строгая классическая отделка. Росписи покоев выполнены по эскизам итальянского художника Антонио Клаудо. Исполнителем был русский живописец Антон Иванов, до этого работавший вместе с Клаудо над росписями галереи Большого собора. О росписях анфилады мы знаем по архивным документам, считалось, что они полностью утрачены. Снизу в парадные покои вела деревянная лестница с золочёными балясинами, освещённая световым фонариком и расходившаяся на два марша на верхней площадке. Это придавало торжественность парадным сеням.

Росписи покоев Аввакума выполнены по эскизам итальянского художника Антонио Клаудо, который в сотрудничестве с Василием Баженовым расписывал Большой собор, а исполнителем был русский живописец Антон Иванов

В архитектуре обновлённого дома, безусловно, сказались вкусы архимандрита Аввакума Миланковича. По происхождению он был серб, родом из города Митровицы, постриженный в монахи в Крушедольском монастыре. Известно, что сначала он служил при российском флоте архимандритом, затем был переведён в Донской монастырь, где скончался 1 марта 1792 года в возрасте 49 лет и был похоронен у старого собора. Аввакум был одним из образованнейших людей своего времени – богослов, переводчик, тесно связанный с кружком русских просветителей и преподавателей Московского университета. При нём в монастыре проживали греки, которые занимались переводами и правкой церковных книг. В окружение Аввакума входил Зой Павлович Зосима, русский дворянин с греческими корнями, купец, коллекционер, меценат, почётный член нескольких научных обществ и Московского университета. Крупнейший благотворитель, он пожертвовал университету свою усадьбу на Пресне, в которой разместилась обсерватория, действующая и поныне.

«Гирляндами и платками раскрасить и расписать...»

Роль Аввакума как заказчика была, несомненно, определяющей в создании интерьеров дома. Похоже, что работы по его отделке было так много, что привлечён к её исполнению был и некий крепостной художник. Благодаря подрядной записи 1780 года известно, что «1780 года маия дня отставного майора Михаила Ивановича Жембовского дворовый человек и живописного художества мастер Мирон Григорьев сын Половцев дал сие договорное письмо… отцу архимандриту Аввакуму в том, что договорился в оном монастыре исправить при его настоятельском корпусе снутри и снаружи… малярную и живописную работу… Внутри покоев в спальне гирляндами и платками по данному чертежу раскрасить и расписать же… а за оную работу получить мне денег 60 рублёв». Великолепные интерьеры парадных помещений использовались для приёмов знатных гостей, в том числе и членов императорской фамилии.

В 1812 году монастырь значительно пострадал от нашествия французов, которые не только осквернили и ограбили храмы, но и нанесли ущерб гражданским постройкам. Во многих помещениях были выломаны полы, а

Центральная часть плафона в процессе реставрации. Когда-то эта гирлянда из полевых цветов, окружающая золотистый орнамент в центре, придавала домашний уют столовой. Слева видны «раны» потолка

Лестница в доме настоятеля

в братских кельях разобраны даже перегородки, всё дерево пошло на отопление. После восстановления настоятельские покои потеряли свой богатый декор. Как видно по описи 1851 года, парадные помещения второго этажа оклеены обоями, потолок штукатурный с карнизами простого профиля, только полы из наборного паркета да белые кафельные печи несколько скрашивали простоту убранства интерьеров.

В 1896 году дом перестраивался, были приспособлены под жильё помещения нижнего этажа, вся отделка приобрела более строгий характер В таком виде дом дошёл до 1920-х годов, когда его превратили в коммунальное жильё. В эти годы в доме появились дополнительные перегородки, но в целом он сохранял планировочную структуру XVIII века, что позволило восстановить интерьеры конца XIX века при проведении реставрационных работ в 1970-е годы.

Замурованные букеты

В 2010 году в доме вновь начались реставрационные работы. Архитектором-реставратором О.Р. Протоповичем при тщательном изучении дома были раскрыты фрагменты архитектурного декора конца XVIII века, но о том, чтобы найти хотя

Цветочная композиция и изысканный гризайль – то, что осталось от росписи потолка буфетной

бы следы отделки парадных залов, не приходилось и мечтать: по мнению многих исследователей, эти интерьеры были утрачены ещё в середине XIX века.

Когда рабочие укрепляли чердачные перекрытия в одном из помещений, выходящих в сад, они неожиданно сквозь пролом в потолке увидели что-то похожее на живопись. Вызвали архитектора и стали осторожно снимать штукатурку потолка. Из-под полосок дранки сквозь войлок проступало изображение цветов. Специалисты установили, что подшивные потолки XIX века сохранили живопись предыдущего столетия. Бригада художников-реставраторов Межобластного художественного научного реставрационного управления под руководством художника-реставратора высшей категории М.Г. Чистякова провела полное раскрытие рписей и их укрепление. Сейчас уже можно составить представление обо всей композиции: в центре её – цветочный орнамент в овальной раме, а по краям – букеты цветов. Причём краски сохранили первоначальную палитру – очень яркую и насыщенную, роспись выполнена уверенной рукой профессионального художника. Перед нами половина живописного плафона столовой, которая до перепланировки конца XIX века располагалась вдоль северного фасада дома.

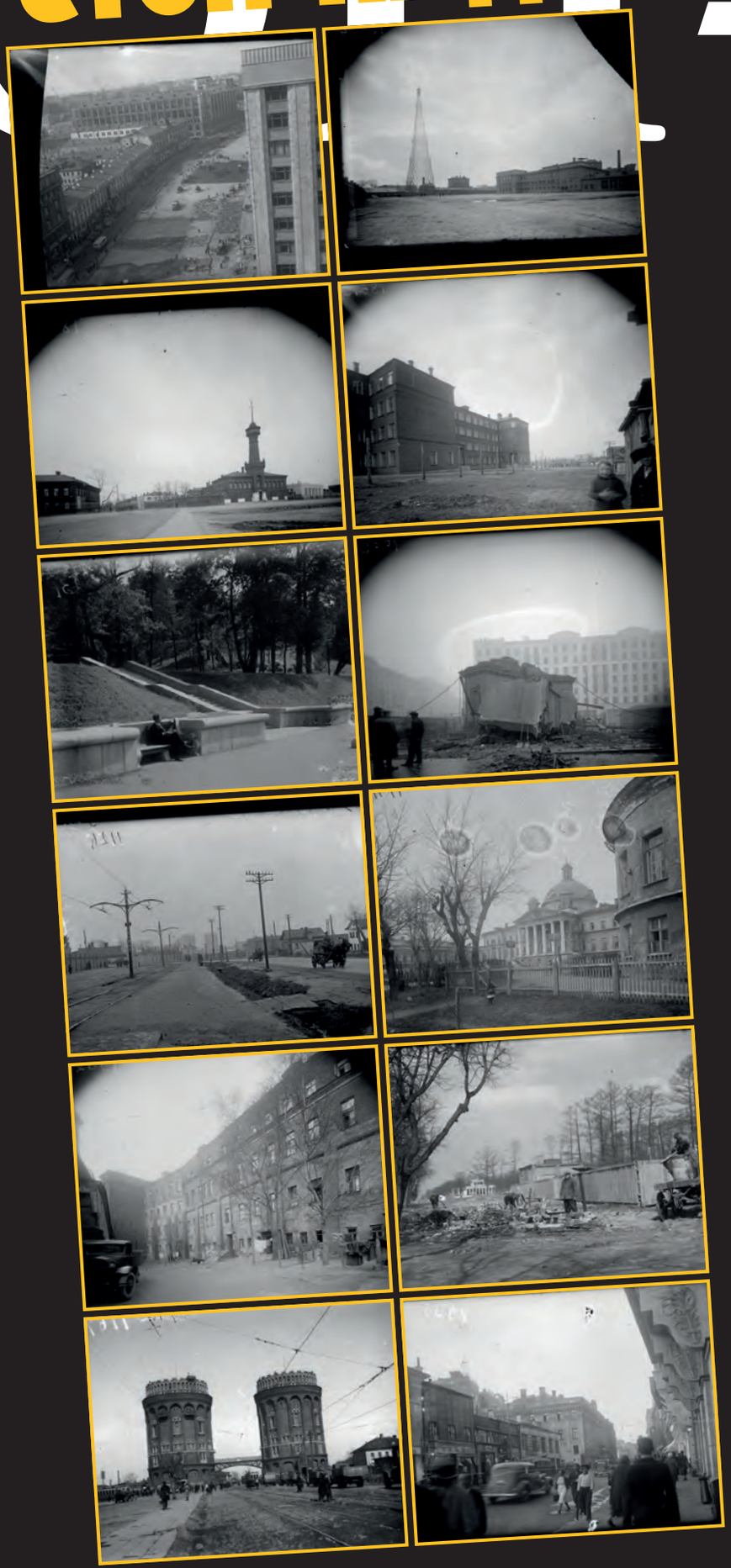
Рабочие, укреплявшие чердачные перекрытия, в одном из помещений увидели проступающее из-под слоёв дранки и войлока изображение цветов. Оказалось, что под подшивными потолками XIX века сохранилась живопись XVIII столетия

Ещё один фрагмент росписи в виде букета полевых цветов сохранился в бывшей буфетной, примыкавшей когда-то к столовой. Этот фрагмент снят и перенесён на новую основу, чтобы стать экспонатом экспозиции по истории монастыря, которая станет частью организуемого здесь музея и послужит образцом для реставраторов.

В дальнейшем по намерению наместника монастыря епископа Павлово-Посадского Кирилла предполагается реставрация и сохранение раскрытых росписей.

Работы по дому наместника продолжаются, впереди научная реставрация ещё нескольких залов, и, возможно, нас ждут и другие находки и открытия.

СТОП-КАДР

Эти снимки старой Москвы (уникальное собрание стеклянных негативов) – настоящие документы. Это фотофиксация домов, улиц, площадей и дворов столицы по состоянию на определённый год. Однако при всей документальности и неизбирательности для современного зрителя они не только познавательны, но и поэтичны. Они – средоточие наших представлений о городе, взглядов на него; они – точки соприкосновения, восприятия, предмет спора

ДИВАНЫ

СТОП-КАДР

Рассматривая этот московский вид и читая рекламные вывески, понимаешь, что на улице Чкаловская в свое время продавались диваны и ходил трамвай. Поздняя осень 1930-е годы

Из документального фонда Москомнаследия

ТЭЖЭ

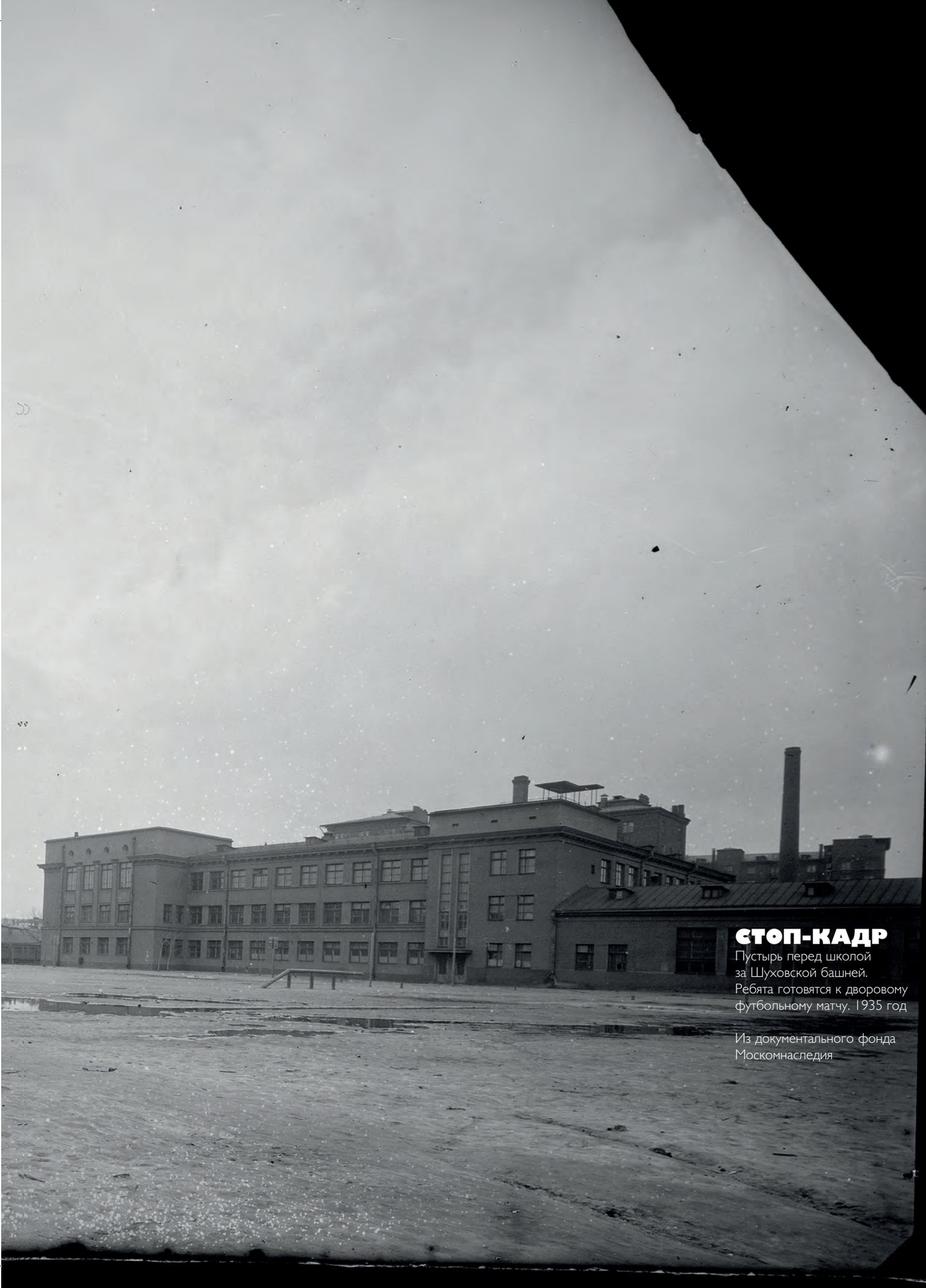

СТОП-КАДР

1930-е годы. Улица Горького.
Чем не Бродвей?

Из документального фонда
Москомнаследия

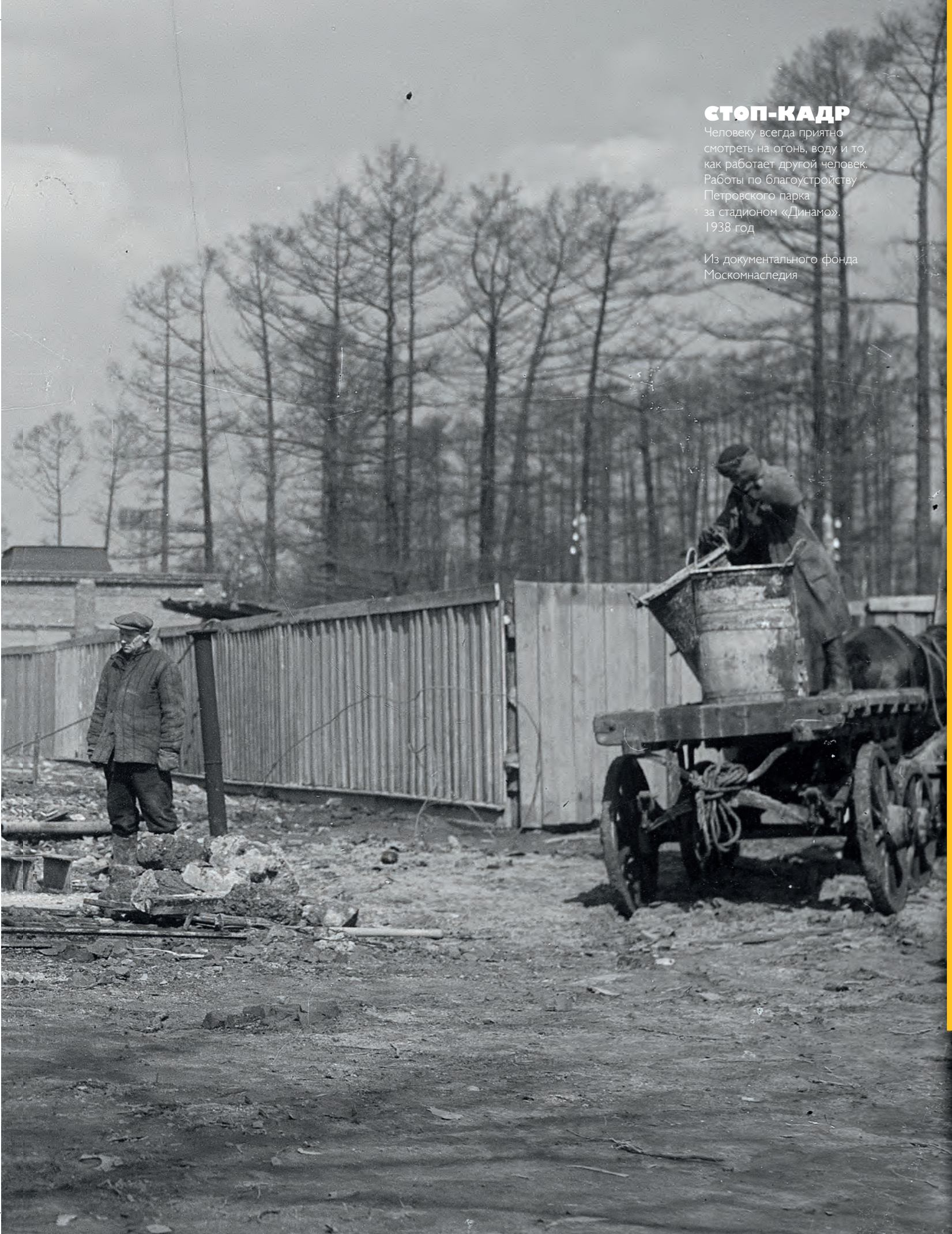

СТОП-КАДР

Пустырь перед школой за Шуховской башней. Ребята готовятся к дворовому футбольному матчу. 1935 год

Из документального фонда Москомнаследия

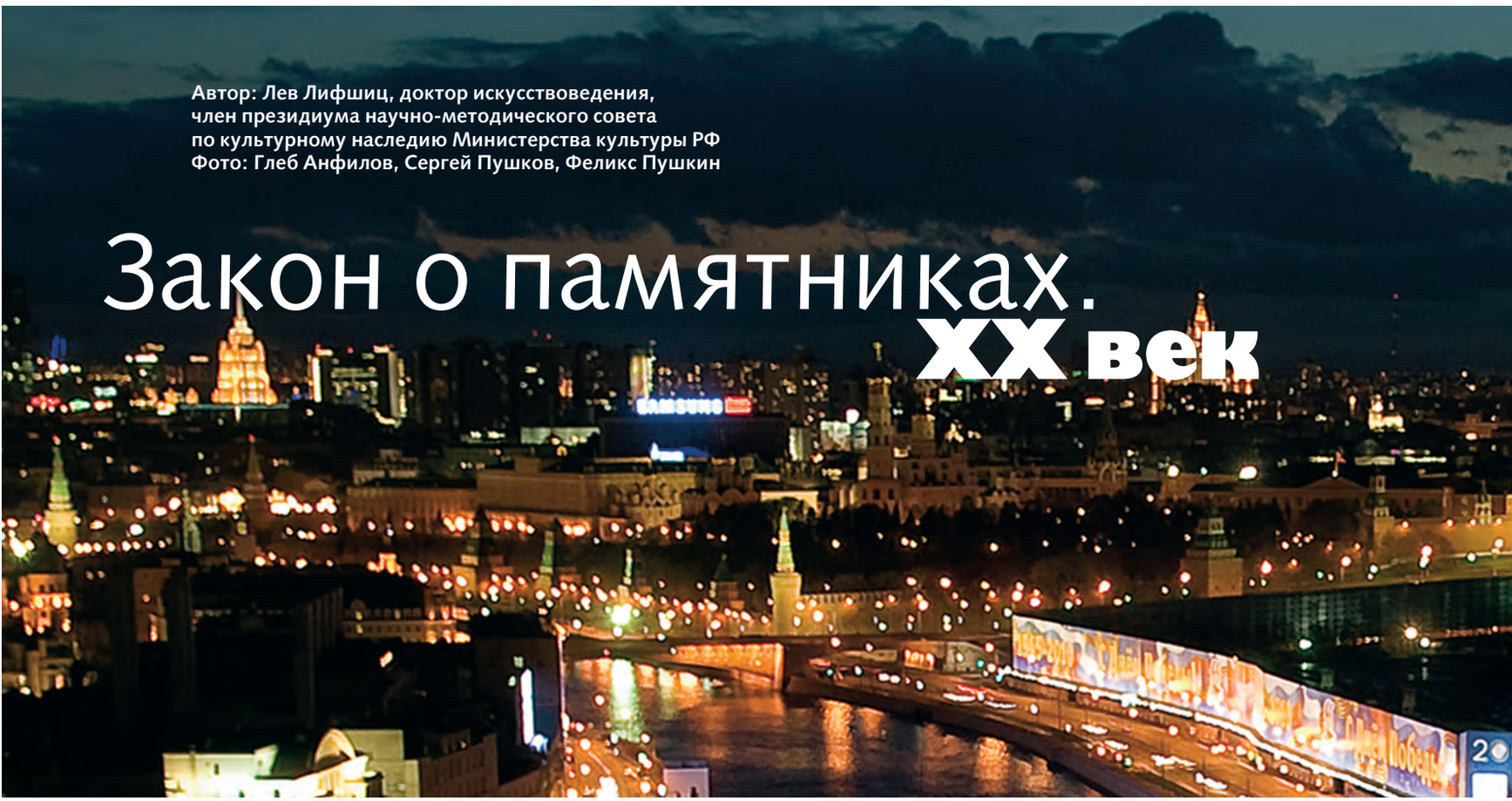
СТОП-КАДР

Человеку всегда приятно смотреть на огонь, воду и то, как работает другой человек. Работы по благоустройству Петровского парка за стадионом «Динамо». 1938 год

Из документального фонда Москомнаследия

Автор: Лев Лифшиц, доктор искусствоведения,
член президиума научно-методического совета
по культурному наследию Министерства культуры РФ
Фото: Глеб Анфилов, Сергей Пушков, Феликс Пушкин

Закон о памятниках. XX век

После революции 1917 года перед властью Советов встали проблемы, требующие незамедлительного решения. Возникло новое понятие «общенародная собственность», и надо было ответить на вопросы: зачем следует охранять памятники культуры, какие объекты могут быть отнесены к их числу, как охранять, кто должен это делать. И.Э. Грабарь, один из организаторов государственной системы охраны и реставрации памятников России, опубликовал в 1919 году книгу, которая так и называлась: «Для чего надо охранять и собирать сокровища искусства и старины».

Организационные сложности

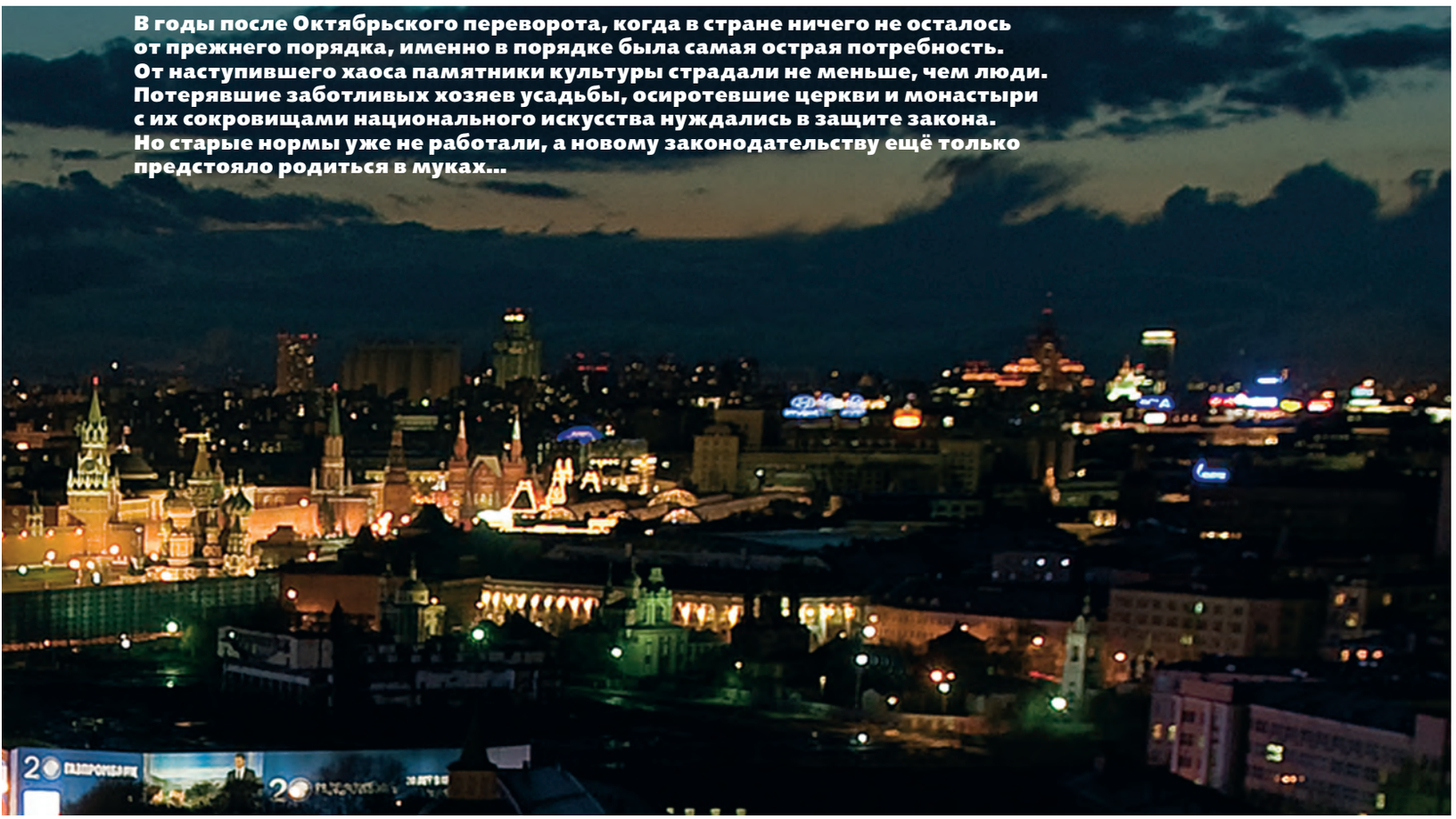
Прежде всего надо было спасать движимые и недвижимые памятники культуры от разграбления, уничтожения, порчи, вывоза за границу. На первых порах это пытались делать с помощью декретов Совета народных комиссаров и ЦИК Советов рабочих и крестьянских депутатов. Революционные события, военные столкновения, нанёсшие огромный урон ценнейшим памятникам архитектуры Москвы, необходимость прекратить стихийную эпидемию грабежей и разрушений под лозунгом «Грабь награбленное!» заставили местный Военно-революционный комитет 13 ноября 1917 года образовать Единую комиссию по охране всех художественных, научных и исторических ценностей.

Но только декретами исправить ситуацию было нельзя. Следовало принять законы, создать систему специальных государственных органов, которые профессионально решали бы вопросы учёта, охраны, использования, защиты памятников от разрушения и искажения их подлинного вида, занимались проблемами консервации и реставрации.

В декабре 1917 года при Московском Совете рабочих депутатов создаётся Комиссия по охране памятников искусства и старины, чьи функции и полномочия определялись утверждённым «Положением». В этом документе были сформулированы позиции, принципиально важные для дела охраны памятников в России. Комиссии поручалось принять необходимые меры для тщательного учёта и охраны всех художественно-исторических ценностей – вести их регистрацию, составление описей, выдачу охранных грамот владельцам и т.д. Был установлен разрешительный порядок ведения реставрационных работ на памятниках и определён принцип обязательного методического контроля со стороны представителей комиссии. Он распространялся на «художественно-исторические здания» Москвы как гражданского, так и церковного зодчества. Первым примером научного подхода к проблемам реставрации стало обсуждение в ноябре 1917 – январе 1918 года работ по реставрации стенописи Успенского собора Московского Кремля. Было признано, что их направленность не отвечает требованиям «художественной реставрации», и предложено «приостановить работу по записыванию и всё записанное счистить».

ТЕМА

В годы после Октябрьского переворота, когда в стране ничего не осталось от прежнего порядка, именно в порядке была самая острая потребность. От наступившего хаоса памятники культуры страдали не меньше, чем люди. Потерявшие заботливых хозяев усадьбы, осиротевшие церкви и монастыри с их сокровищами национального искусства нуждались в защите закона. Но старые нормы уже не работали, а новому законодательству ещё только предстояло родиться в муках...

Установлению ясного правового статуса памятников, определяющего формы владения и управления ими, мешали запутанность административной структуры и амбиции руководителей. Не существовало чёткого разделения функций между наркоматами и исполкомами Советов рабочих и крестьянских депутатов разного уровня, от ВЦИК до сельских Советов, трудно было понять, в чьём реальном распоряжении находились памятники. Комиссии и учреждения, действовавшие в Москве и Петрограде и подчинявшиеся разным наркоматам, часто дублировали друг друга.

Судя по постановлению ЦИК республики от 12 апреля 1918 года, первоначально управление всеми делами охраны памятников предполагалось сосредоточить в Народном комиссариате имуществ. Учреждённый при комиссариате отдел охраны памятников искусства и старины должен был при помощи археологических институтов Петрограда и Москвы создать на местах особые комиссии для организации учёта и охраны памятников, подготовки профессиональных кадров археологов, музееведов, реставраторов. В ведение Наркомата имуществ перешла и получила статус «российской государственной» бывшая Императорская археологическая комиссия в Петрограде, где была сконцентрирована большая часть наиболее авторитетных специалистов. Практически одновременно в мае 1918 года Наркомпрос образовал Всероссийскую комиссию по делам реставрации. В эту структуру вошла созданная И.Э. Грабарём в июне того же года комиссия по расчистке памятников древнерусской живописи.

В свою очередь и Наркомат государственного контроля издал 13 июля 1918 года приказ «О создании особого отделения по делам искусств и художественно-исторических ценностей». Сверх обычных ревизионных обязанностей на него возлагалось: «Наблюдение за правильностью и целесообразностью хранения предметов старины и искусства, а равно и предметов, представляющих историческую и материальную ценности, в целях предотвращения уничтожения и расхищения этих богатств».

Узковедомственный подход к решению организационных задач приводил к распылению сил и средств. В Москве вопросами реставрации памятников Кремля занимались одновременно комиссия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов и комиссия по реставрации Кремля и Успенского собора, созданная Наркомпросом. Для преодоления этой дикой ситуации в сентябре 1918 года пришлось образовать Центральную реставрационную комиссию во главе с архитектором И.Е. Бондаренко.

Первые законодательные акты

Одним из первых собственно законодательных актов в области охраны памятников стал декрет Совнаркома «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения», изданный 19 сентября 1918 года. Предлагалось, например, в обязательном порядке зарегистрировать все антикварные магазины, комиссионные

НОМЕ

Революционные события, необходимость прекратить стихийную эпидемию грабежей и разрушений под лозунгом «Грабь награбленное!» заставили Военно-революционный комитет 13 ноября 1917 года образовать Единую комиссию по охране всех художественных, научных и исторических ценностей

конторы и отдельных лиц, «производящих торговлю и экспертную оценку памятников искусства и старины».

Чуть позже, в октябре 1918 года, был издан Декрет о регистрации, приёме на учёт и охранение памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений. Цели деятельности государственных органов охраны памятников в нём определялись так: «сохранение сокровищ искусства и старины», их изучение и «возможно более полное ознакомление с ними широких народных масс населения». Одной из главных задач называлось «проведение… государственной регистрации всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины… в чьём бы обладании они ни находились», а основным принципом, регулирующим право владения памятниками старины и искусства, декрет объявлял соблюдение мер их сохранности. Владельцам, не соблюдавшим такие требования, грозило лишение прав собственности.

С первых же дней своей деятельности новые государственные органы охраны памятников, ещё не слившиеся в организационно единую структуру, начали сталкиваться с трудностями, связанными с вопросами учёта памятников, определения их ценности, с необходимостью точно обосновывать, что следует, а что не следует ставить на государственную охрану как объект культурного наследия. Например, как различать ходовые золотые монеты и коллекционные? В апреле 1918 года Московской комиссией по охране памятников искусства и старины была даже выпущена специальная инструкция – «Справка о коллекциях монет, считающихся историческими и подлежащих охране». Так, ходовыми, по понятиям того времени, справка признаёт все золотые монеты, выпущенные после 1856 года, исключая только «пробные, памятные и чеканенные не для обращения или выпущенные в очень ограниченном количестве, каковые сохраняются без всякого изъятия по отношению к их количеству». Медали, «в каком бы металле или для какой бы то ни было цели они ни были чеканены», признаются историческими и художественными памятниками. Они «ни в каком случае не могут подлежать реквизиции или конфискации, в каком бы количестве они ни оказались». Комиссарам банков в случаях каких-либо недоразумений предлагалось «каждый раз обращаться в Комиссию по охране памятников и художественных сокровищ при Московском Совете Р. и С.Д.».

Споры об оценках

Острые споры между представителями московских и петроградских органов охраны памятников вызывала проблема значимости памятников, возможности разделения их на группы учёта по категориям ценности. Если москвичи во главе с И.Э. Грабарём выдвигали на передний план критерии оценки художественной ценности, призывая сосредоточить основные усилия на проблемах учёта, сохранения и реставрации памятников исключительного художественного качества, то их оппоненты настаивали на приоритете оценки памятников как носителей уникальной историко-культурной информации. В итоге дискуссий в 1919 году победила концепция петроградцев.

Иными критериями ценности оперировали представители политических органов Советского государства. Здесь превалировал подход, связанный не столько с оценкой историко-культурной или художественной значимости памятников, сколько с их материальной ценностью – стоимостью как «имущества» республики. Согласно декрету ВЦИК «О ценностях, находящихся в церквах и монастырях», изданному 27 декабря 1921 года, всё имущество предлагалось разделять на три категории. К первой было отнесено имущество, имеющее историко-художественное значение. Оно передавалось в исключительное ведение отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомата просвещения. Имущество, обладающее, с точки зрения компетентных органов власти, лишь материальной ценностью, подлежало выделению в Государственное хранилище ценностей РСФСР. К третьей категории причислялось «имущество обиходного характера». Сохранялась система двойного распоряжения как движимыми, так и недвижимыми памятниками – учёт и формальный контроль должны были осуществлять Наркомпрос и его структуры на местах, а право распоряжаться ими, определять характер фактического использования закреплялось за органами советской власти.

В годы НЭПа

Очередные декреты ВЦИК и Совнаркома были приняты весной 1923 года. Чтобы снизить расходы государства на реставрацию и ремонт памятников, Наркомпрос, в полном соответствии с проводимой в те годы новой экономической политикой, разрешал музеям, расположенным в монастырях и усадьбах, а также заповедникам и паркам «получать доходы от эксплуатации земельных участков, строений и прочих имуществ, не имеющих историко-художественного значения».

В 1920-е годы параллельно с музейным делом бурно развивается практика и теория реставрации. На конференциях обсуждается суть различий между реставрационно-восстановительными работами и работами консервационными, призванными защитить памятник от дальнейших разрушений. Складываются партии сторонников разных концепций – петербургская, возглавляемая К.К. Романовым, и московская во главе с И.Э. Грабарем. К.К. Романов отстаивал принцип тщательного изучения и, по возможности, сохранения всего, что связано с исторической жизнью памятника, с изменениями его первоначального облика. Его московские оппоненты цель реставрации понимали как «выявление эстетических сторон вещественных памятников». По их мнению, очищая икону или произведение зодчества «от явно чуждых и нехудожественных позднейших наслоений», реставратор может «вы-

Понимание того, что сотрудники местных органов охраны памятников подвергались жёсткому административному нажиму, заставило ввести в инструкцию пункт, запрещающий «перемещение и увольнение работников местной сети охраны памятников без разрешения вышестоящих управлений по делам архитектуры»

Елена Разбицкая

Музей кремации с техническим уклоном

На основании декрета 1918 года об отделении церкви от государства церковь в России лишалась права юридического лица, и стала возможной национализация её имущества. На первых порах, с 1918 по 1922 год, церковные и монастырские комплексы ещё сохраняли свою автономию, в их храмах ещё совершалось богослужение. В Москве с её многочисленными монастырями единственным способом сохранения ансамблей было создание в них музеев под эгидой Главнауки. Насильственное изъятие церковных ценностей в Москве ускорило принятие решений о придании монастырям музейного статуса. В 1922 году по инициативе Главнауки на территории Донского монастыря был создан историко-бытовой музей. Он позволял взять под охрану архитектурный комплекс, не нарушая монастырской жизни.

До 1926 года Донской был и музеем и монастырём, но его музейная деятельность сводилась к просветительским экскурсиям. Осенью 1926 года в связи с массовым закрытием московских храмов Донской монастырь наряду с Новодевичьим и Рогожским монастырями был передан Московскому отделу народного образования (МОНО). В нём предполагалось создать музей искусства XVIII века.

Одним из инициаторов создания этого музея был Н.Н. Померанцев. Архитектурный комплекс Донского монастыря представлял собой сложившийся ансамбль эпохи барокко, что, по мнению Померанцева, позволяло сохранить и внутреннее убранство самого монастыря, и памятники религиозного искусства, вывозимые из закрывавшихся храмов, а также мебель, живопись и предметы быта из национализированных усадеб. Благодаря усилиям Н.Н. Померанцева удалось выявить произведения поздней иконописи. В те годы были утрачены многие монастырские и храмовые комплексы позднего периода, отчасти из-за того, что Игорь Грабарь не признавал их художественной ценности, а его авторитет был исключительно велик. Тем более значительно то, что сделали первые сотрудники музея Донского монастыря, которые спасли иконы XVI–XVIII веков, сейчас хранящиеся в Третьяковской галерее.

Музей искусства XVIII века в Донском монастыре был открыт в июле 1927 года. Его экспозиции формировались в том числе из предметов, спасённых Померанцевым от переплавки. Сохранился список богослужебной утвари, которую учёному каким-то образом удалось вернуть с аффинажного завода НКВД, где её должны были превратить в чистое серебро: кадила, тарели и звездицы, напрестольные кресты, оклады Евангелий, ризы икон.

Любопытное чтение представляет собой «План построения музея Донского монастыря», составленный таким образом, чтобы внушить властям идеологическую безобидность создаваемого музея: «Художественные памятники Донского монастыря убеждают в необходимости выявления ещё мало изученного религиозного искусства XVIII века, столь убедительного подчинения церкви светской жизни. Последнее и должно служить основной идеей музея».

Музей состоял из нескольких разделов – по видам искусства. Раздел скульптуры представлял, прежде всего, надгробия на кладбище Донского монастыря. Чтобы не раздражать соворганы, авторы плана всячески подчёркивают едва ли не атеистическое содержание образов: «Характер скульптуры религиозный по назначению, но светский по содержанию. Надгробные монументы в форме обелиска, колонны, урны старательно избегают формы креста. Скульптурные изображения избегают религиозных сцен». Наличие таких имён, как И.П. Мартос, Ф.Г. Гордеев, И.П. Витали, С.С. Пименов, В.И. Демут-Малиновский «ставит Донской монастырь, как музей, совершенно в исключительное положение в ряду других музеев-монастырей и музеев Москвы вообще».

С 1927 года некрополь Донского монастыря пополняется надгробиями, привозимыми с закрывавшихся и разорённых кладбищ. Само по себе перемещение памятников и надгробий с разных кладбищ было варварством, но в то время это был единственный способ сохранить их. К моменту передачи комплекса Донского монастыря в 1991 году Церкви почти все памятники, упомянутые в документах 1920-х годов, уцелели.

Тем временем государство активизирует политику изживания религиозных обрядов. В ходе антирелигиозной кампании ведётся пропаганда прогрессивного и гигиенического «огненного погребения» и агитация за строительство крематория. Проводятся конкурсы на здания крематория для Москвы и Петрограда. Второй конкурс на проект крематория для Москвы был проведён Москоммунхозом в 1926 году. Основным требованием конкурса был отказ от церковных форм, при том что под здание крематория при-

способливали недостроенную церковь Серафима Саровского. Первую премию получил архитектор Д.П. Осипов. «Донской монастырь является пионером по части кремации в СССР… Крематорий – кафедра безбожия… Усыпальница превращена в крематорий по проекту архитектора Осипова, поместившего в первом этаже вестибюль, два зала ожидания, зал для прощания, катафалк, возвышение для оркестра, кафедры для ораторов и служителей культа и колумбарий, т.е. зал с урнами по бокам… Всего удобнее Донской монастырь посещать для ознакомления по воскресеньям, когда спец даёт подробные объяснения. Посетив крематорий, не забудьте зайти на Старое кладбище с памятниками Витали и других скульпторов». (Н. Шебуев. Путеводитель «Москва безбожная». 1930). Для пропаганды кремации было создано «Общество развития и распространения идеи кремации в РСФСР» – ОРРИК. Правление общества обратилось в музейный подотдел МОНО с просьбой предоставить «постоянное помещение для устройства музея кремации с техническим уклоном, для панорамы крематория и демонстрации кино-фильмы «Огненное погребение». Наиболее подходящей является бывшая церковь-усыпальница купцов Первушиных, как здание, прилегающее к крематорию, а потому правление О-ва ОРРИК просит предоставить означенное помещение бесплатно для вышеуказанных пропагандных целей антирелигиозного характера».

Музей XVIII века, открывшийся летом 1927-го, просуществовал два с половиной года. Всё это время его немногочисленные сотрудники продолжали свозить со всей Москвы памятники русской истории и культуры. А уже 20 декабря 1929 года открылся на его месте Антирелигиозный музей. На открытие пришли 10 человек – представители ближайших заводов.

Первый подобный музей был создан в Москве несколькими месяцами раньше в Страстном монастыре. В отличие от Донского, Страстной монастырь находился в центре города и мог пропагандировать антирелигиозные идеи среди большего числа горожан, поэтому он был назначен головным. Экспозиция Центрального антирелигиозного музея в Страстном монастыре, как и в Донском, представляла собой традиционно почитаемые реликвии и святыни, снабжённые пояснительными текстами «разоблачительного», то есть попросту оскорбительного для верующих содержания.

Антирелигиозная кампания в Москве встретила противодействие, не допустившее существование этого музея. Но признать своё поражение Союз безбожников во главе с Емельяном Ярославским не мог. Страстной монастырь был разобран осенью 1937 года под предлогом реконструкции города. Музейной комиссии Главнауки не удалось его спасти, так как он не получил статуса музея-монастыря.

явить памятник искусства», сделать его «определённым и цельным».

При этом и москвичи, и петроградцы понимали, что задачи работ по охране и реставрации памятников, их гигантские масштабы требовали создания целой отрасли специализированных учреждений, способных оказывать государственным органам методическую и практическую помощь в этом деле. В Москве в апреле 1919 года создаётся Институт художественных изысканий и музееведения, а в Петрограде летом того же года – Российская академия истории материальной культуры (РАИМК). За академией закреплялись полномочия главного научно-методического центра страны в деле охраны и реставрации памятников. Основанием для того, чтобы соответствующие отделы Наркомпроса дали разрешение на работы по ремонту и реставрации, могло быть только заключение академии. Показательны названия документов, подготовленных в её стенах: «Правила о производстве раскопок», «Правила об исследовании и хранении исторических и художественно-исторических предметов», «Правила о ремонте и реставрации памятников в пределах России».

Именно в РАИМК формируется понимание того, что современная реставрация и консервация требуют не только совершенного мастерства, но и применения научных методов исследования, использования новейших материалов и технологий. Основополагающий принцип реставрационных исследований формулировался так: «Взять от памятника всё, что он может сказать для познания культуры далёкого прошлого, и сохранить этот памятник для будущего, когда к нему можно будет приложить ещё более совершенные методы исследования». Документы, разработанные академией, содержали множество важных положений, определивших дальнейшие пути развития реставрации.

Борьба с религией

В столичных городах расширялось строительство и усиливалась борьба с религиозными организациями. Она сопровождалась закрытием и сносом храмов, в нормативных документах появлялись пункты, касающиеся условий, при которых в памятнике могли быть произведены переделки, а также порядок прохождения документов в случае сноса. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об учёте и охране памятников искусства, старины и природы», принятое 7 января 1924 года, и инструкция, его сопровождавшая, устанавливали принципы, регулирующие формы использования произведений зодчества. Они разделялись по трём категориям. К первой относились здания, которые позволялось использовать функционально без каких-либо ограничений; в отношении второй категории вводились щадящие меры их функционального использования. К третьей категории причислялись памятники, «используемые исключительно с целями научными и музейно-показательными, с сохранением их художественно-исторического внешнего облика, обстановки и внутреннего убранства».

Междуведомственному комитету по охране памятников революции, искусства и культуры при Президиуме ВЦИК, созданному в 1932 году, предоставлялось право «в случае необходимости разрешать вопросы о «разборке памятников, подлежащих охране»

Реализацию многих конструктивных положений, содержащихся в постановлении и инструкции, задерживало или попросту блокировало отсутствие выверенных и утверждённых списков объектов культурного наследия народов России. Перечень памятников архитектуры, поддержание которых берёт на себя государство, утверждённый коллегией Наркомпроса и направленный в Госплан на рассмотрение, был там отклонён на основании необходимости сокращать государственные расходы. Правительство предоставляло Наркомпросу самому решать вопросы получения средств на содержание, ремонт и охрану исторических памятников. К тому же существовали соображения идеологического характера. Уже в самом Наркомпросе не был при-

нят к рассмотрению подготовленный в РАИМК специальный список памятников церковного зодчества. В качестве объяснения указывалось на нецелесообразность «вкладывать значительные средства на поддержание старинных сооружений, тем более церковных и состоящих в пользовании верующих».

Экономические и идеологические соображения оказывали прямое воздействие на политику в области охраны культурного наследия, в том числе и на принципы разделения памятников по категориям. Они были прямо связаны со стремлением ограничить финансирование отрасли, выделив из массы памятников самые значительные. Если в 1926 году в письме Наркомпроса «О распределении памятников на категории и об охране памятников» одним из важнейших критериев ценностной классификации признавался фактор хронологический – чем древнее, тем ценнее, – то уже в конце 20-х годов всё настойчивее приоритет отдаётся памятникам революции. Об этом говорится в постановлении ВЦИК и Совнаркома РСФСР «О музейном строительстве и охране памятников искусства», принятом в августе 1928 года. Списки памятников предлагалось уточнять и сокращать. В 1930 году отдел музеев Наркомпроса указывал на возможность в отдельных случаях «соглашаться на ликвидацию [памятников церковного зодчества] применительно к указаниям декрета о религиозных объединениях от 08.04.1929 г.». Перенос принципов классовой борьбы в сферу охраны культурного наследия ярко проявился в ходе прений на состоявшемся в 1930 году 1-м Всероссийском музейном съезде.

Кампания по борьбе с памятниками

С концом 20-х и с 30-ми годами XX века совпадает период целенаправленной кампании разрушения сложившейся структуры старых городов и памятников зодчества, в первую очередь храмов и монастырей, разгрому подвергается краеведческое движение. Чтобы придать правовой характер деятельности по изменению (а по сути, по уничтожению) исторически сложившегося образа страны, Президиум ВЦИК 20 августа 1932 года утверждает «Положение о Междуведомственном комитете по охране памятников революции, искусства и культуры при Президиуме ВЦИК». Ему предоставлялось право «в случае необходимости разрешать вопросы о «разборке памятников, подлежащих охране».

Масштаб разрушений быстро принял такой характер, что в дополнение к «Положению…» ВЦИК и СНК РСФСР выпустили 10 августа 1933 года постановление «Об охране исторических памятников». В нём все случаи вандализма – «самовольная сломка и переделка памятников, имеющих историческое значение», – объяснялись «нарушением со стороны местных органов власти действующего законодательства об охране памятников революции, искусства и культуры». Это был циркуляр, обращённый к местным властям и определяющий задачу момента: надо было несколько замедлить темпы проведения кампании по борьбе с памятниками культуры.

Поворотный пункт

Осознание государством значения культурного наследия наступает только во время Отечественной войны. Чудовищные разрушения, причинённые войной, неисчислимые утраты движимых и недвижимых памятников культурного наследия народов СССР стали причиной резкого изменения политики государства в отношении задач охраны и реставрации памятников. Ещё до окончания войны в 1944 году постановлением правительства восстанавливаются Центральные реставрационные мастерские, получившие теперь название «Государственные центральные художественно-реставрационные мастерские». В декабре того же 1944 года проектно-реставрационная мастерская была организована в Новгороде, её сотрудники самоотверженно боролись за спасение уцелевших повреждённых и полуразрушенных памятников.

Если в 1926 году одним из важнейших критериев ценностной классификации признавался фактор хронологический – чем древнее, тем ценнее, – то уже в конце 20-х годов приоритет отдаётся памятникам революции

Поворотным этапом стали 1947–1949 годы. Правительством был принят ряд актов, благодаря которым система охраны памятников превратилась в реально действующую государственную структуру; реставрация получила импульс для превращения её в самостоятельную отрасль научной и производственной деятельности. Были спасены тысячи памятников истории и культуры.

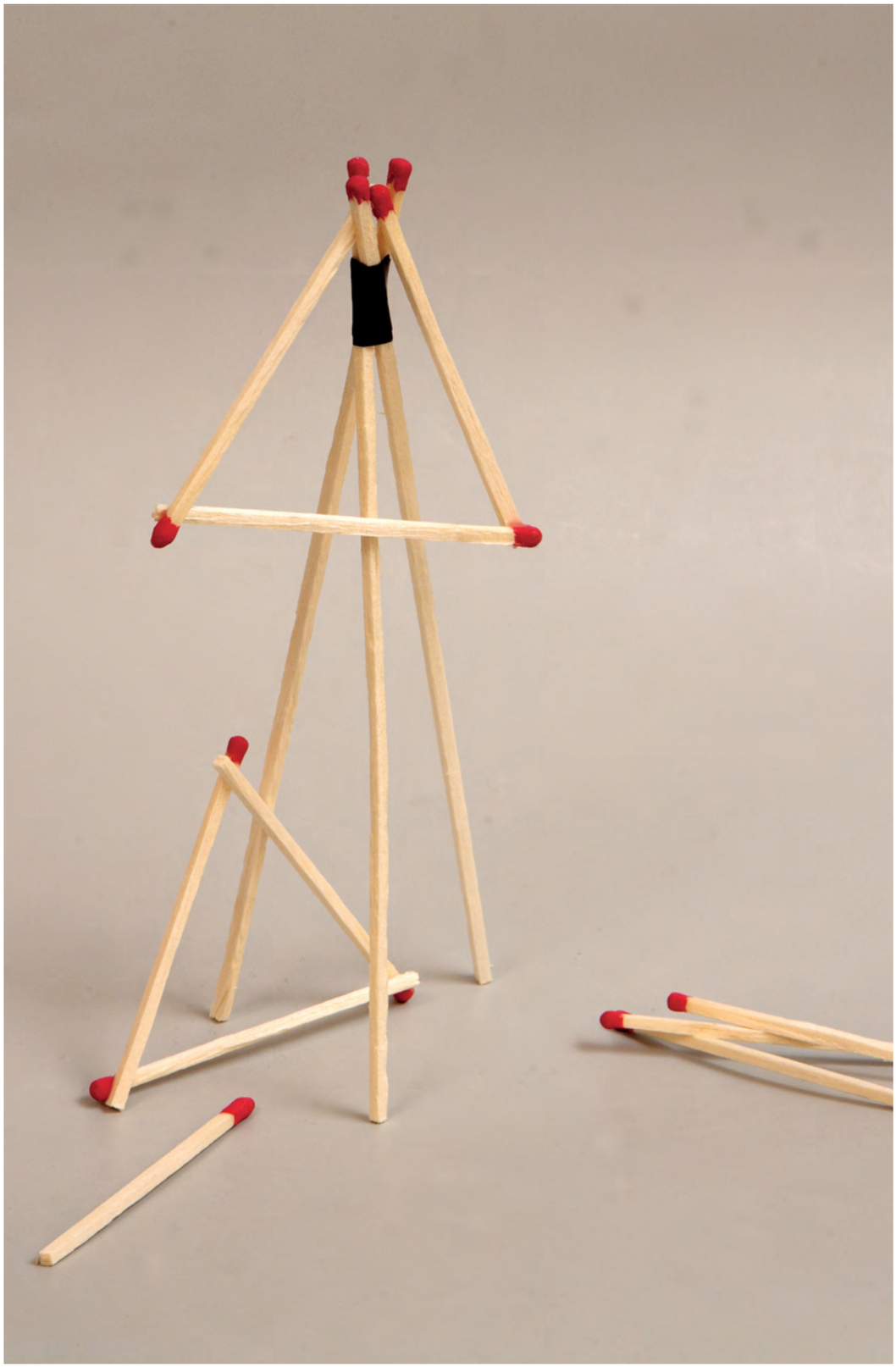
В постановлении СМ РСФСР «Об охране памятников архитектуры» от 22 мая 1947 года впервые эта задача декларировалась как важнейшая для утверждения национального самосознания народа. На органы власти возлагались не только обязанности по управлению объектами культурного наследия, но и ответственность за их неприкосновенность, сохранность и правильное использование. Организациям, не обеспечивающим сохранность, грозило изъятие используемых зданий из их ведения, возмещение за свой счёт убытков и восстановление повреждений. Государство уже не отказывалось нести значительную часть расходов по содержанию и реставрации памятников.

В постановлении 1947 года содержался ряд важнейших положений. Понятие «памятник архитектуры» трактовалось в нём как единый комплекс, в который помимо здания входят «связанные с ним декоративные убранства (монументальная живопись, скульптура, мебель)». Чётко прописывалось ограничение на формы использования памятников; памятники архитектуры, «имеющие произведения монументальной живописи, выполненные крупнейшими мастерами», запрещалось использовать для каких бы то ни было целей, кроме музейных или по прямому назначению.

Важные документы

Ещё через год, 14 октября 1948 года, на этот раз уже Совет министров СССР принимает постановление «О мерах улучшения охраны памятников культуры» и «Положение об охране памятников культуры», в котором говорится обо всей совокупности объектов культурного наследия. Решающим шагом в сторону практической реализации целей и задач, сформулированных в рассматриваемых документах, стало предоставление Комитету по делам архитектуры при Совмине СССР права «организовать в местах сосредоточения большого количества памятников архитектуры специальные научно-реставрационные производственные мастерские на хозяйственном расчёте». Помимо ГЦХРМ создаётся Центральная научно-реставрационная мастерская, аналогичные мастерские организуются в Ленинграде, Владимире, Новгороде, Ярославле и других городах. Был учтён и накопленный в первые послереволюционные годы

опыт научно-методической поддержки реставрационных работ. Функции, некогда исполнявшиеся РАИМК, должен был принять на себя Научно-методический совет по охране памятников культуры, который разрешалось образовать при Президиуме Академии наук СССР. В его состав вошли представители комитетов по архитектуре и по делам искусств при СМ СССР, других ведомств, а также видные специалисты в области изучения и реставрации памятников культуры. Совету поручалось осуществление научно-методического руководства делом охраны и изучения памятников культуры, совершенствования научных методов реставрационных работ и классификации памятников культуры.

Задача составления списков объектов, состоящих на государственном учёте, и вновь выявленных памятников оставалась первоочередной. Ценностная классификация определяла категорию охраны и круг ответственности госорганов разного уровня – общесоюзных, республиканских, местных. Выделялись три основных аспекта ценности – художественная, историко-культурная, научная, которые могут по-разному сочетаться в одном и том же объекте охраны.

На три группы памятники архитектуры разделялись и по типу их использования. В первую вошли те, что не должны использоваться в практических целях; во вторую – могущие быть использованными только под научные и музейно-показательные учреждения, с условием сохранения их исторического облика, обстановки и внутреннего убранства; в третью – могущие быть использованными в хозяйственных целях без ущерба для их сохранности. Выделялся в «Положении…» и такой вид охраняемых государством объектов культурного наследия, как заповедники. К ним причислялись «памятники комплексные, имеющие особое научное, историческое и художественное значение». Статус заповедников мог быть присвоен только по решению Совмина СССР.

Изданные вслед за «Положением…» 1948 года ведомственные инструкции вводили правило комплексного учёта объектов, исторически связанных с памятниками архитектуры и являющихся их принадлежностью, – произведений монументальной живописи, скульпту-

ры и декоративно-прикладного искусства (иконостасы, мебель, люстры, зеркала, гобелены, решётки, деревянная резьба, печи и проч.). Инструкции содержали требования ежегодного заключения «Охранных обязательств» с учреждениями и организациями, в зданиях и на территориях которых находятся учтённые памятники искусства. В них должны были быть перечислены все основные условия и конкретные мероприятия, обеспечивающие сохранность памятников. При этом было запрещено проводить «реставрации памятников искусства частными лицами или представителями каких-либо организаций, не имеющих специальных письменных разрешений на реставрацию, выданных Комиссией по охране памятников искусства Комитета по делам искусств при СМ СССР». Вводились также запреты на строительство в пределах установленных охранных зон, на «какое-либо изменение внешнего и внутреннего облика здания… самовольные поновления и исправления как самого памятника архитектуры, так и росписей, резьбы по дереву, камню, другого декоративного убранства… разборку или изменение форм руин».

Понимание того, сколь жёсткому административному нажиму подвергались сотрудники местных органов охраны памятников, заставило ввести в инструкцию пункт, запрещающий «перемещение и увольнение работников местной сети охраны памятников без разрешения вышестоящих управлений по делам архитектуры».

Реставраторам предписывалось вести работы по восстановлению или воссозданию облика памятника с ориентацией «на определённую научно обоснованную оптимальную дату» его строительной истории. При этом понятия «восстановление» и «воссоздание» подчёркнуто различались. Первое подразумевало «расчистку памятника от всего наносного, искажающего первоначальные формы». Второе – «воссоздание утраченных частей», но при наличии полных достоверных данных об их характере и форме, «с максимальным приближением к первоначальным технологии и материалам». Все виды работ по памятникам должны были производиться научно-реставрационными мастерскими, имеющими в своем составе высококвалифицированные кадры. Основными требованиями к реставрации были высокое качество и «недопущение ущерба».

Для осуществления методического контроля за реставрацией и использованием объектов культурного наследия помимо Научно-методического совета при Президиуме АН СССР были созданы учёные советы, в которые вошли крупные специалисты, при отделах охраны памятников союзных республик, а также в Москве, Ленинграде и Киеве.

На состоявшемся 25 мая 1949 года пленуме Научно-методического совета по охране па-

Борис Еленин

Как урезали ленинский декрет

Театральный и литературный критик Абрам Эфрос писал в 1923 году в журнале «Красная Новь»: «Мёртвый переулок, особняк Морозовой, этот типичный московский старозаветный адрес стал уже историческим. Здесь развёртывалась одна из самых значительных страниц русской революции. Три с лишним года, наиболее вулканических и трудных, здесь была штаб-квартира русского искусства, русских музеев». Речь идёт о доме на углу Староконюшенного и Пречистенского переулков, в котором сегодня находится здание посольства Австрии. В этом неоклассицистическом особняке, возведённом в 1906 году архитектором Н.Г. Лазаревым для предпринимателя Н.Г. Миндовского (перед революцией его занимала М.К. Морозова), разместился летом 1918 года музейный отдел Народного комиссариата по просвещению Советской республики.

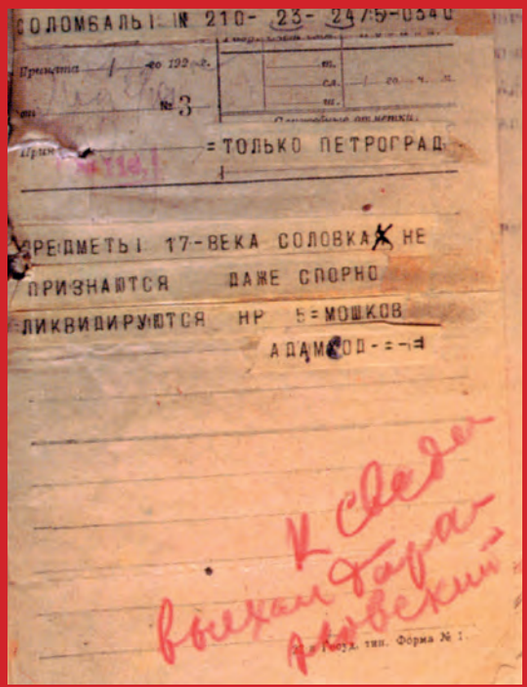
Организатором музейного отдела стал художник и искусствовед Игорь Эммануилович Грабарь. Для специалистов он пишет статьи, ставшие первыми теоретическими трудами в советском музееведении: «Задачи Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины», «О музейной политике в государственном масштабе», «Для чего нужно сохранять и собирать сокровища искусства и старины», «Способы пополнения государственных фондов», «Основы государственной охраны памятников искусства и старины».

К простым же людям он обращается с воззванием «Очнитесь, граждане!»: «…Всенародное добро тогда будет всенародным, когда отдельные граждане не станут растаскивать его по клочкам. Что растаскивают, того уже не станет: каждому по клочку – от добра и помину нет… Берегите же сами и уговаривайте других беречь все предметы искусства и старины. Не растаскивать, а собирать и охранять их надо, на благо нашим детям и внукам, чтобы на этих древних, высоких образцах, завещанных нам отцами и дедами, они могли учиться…»

К осени 1918 года музейный отдел имел восемь подотделов, возглавлявшихся высококлассными специалистами, которых Грабарь называл «кучкой музейных фанатиков», а Луначарский сообщал Ленину, что здесь «хороший аппарат», где всё делают «недорого, скоро и хорошо».

Из воспоминаний старейшего музейного работника Н.П. Пахомова: «Был 1918 год. Это было время, когда в Москве лежали дохлые лошади, когда в городе насчитывалось мало народу, когда в переулках росла трава. Никакие помещения не отапливались… Мы спасали ценности, которые оставались в имениях, в безлюдных помещичьих домах. Нас называли тогда любопытно – «эмиссарами». Это звание значилось в мандатах, с ними мы ездили и свозили в Москву историко-художественные предметы. Обязательно вспоминаю И. Э. Грабаря. Он помнил все имения наизусть, знал, что там хранится, поэтому мы ему верили. Нам было трудно, мы голодали. Получали в своей коллегии селёдочные хвосты, а Грабарь с юга привозил чудесные яблоки. Мы ели селёдочные хвосты с этими яблоками…»

Но не прошло и месяца со дня назначения Грабаря, как 22 июня по решению Малой государственной комиссии по просвещению заведующей отделом по делам музеев была

СОЛОМБАЛЬ № 210- 23- 2475-0540

№ 3

=ТОЛЬКО ПЕТРОГРАД

ПРЕДМЕТЫ 17-ВЕКА СОЛОВКА НЕ

ПРИЗНАЮТСЯ ДАЖЕ СПОРНО

ЛИКВИДИРУЮТСЯ НР 5=МОШКОВ

АДАМСОН

К сведению. Выехал Барановский

Телеграмма в Москву об изъятиях, производимых Комиссией Помгола в Соловецком монастыре с пометкой , предположительно, Н.И. Троцкой: «К сведению. Выехал Барановский»

утверждена Н.И. Троцкая. Грабарь остался в скромной должности заведующего подотделом Национального музейного фонда. Задетый неожиданным понижением, он писал брату 1 августа 1918 года: «Моя коллегия называется так: Коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Она сконструирована почти целиком мною, мною написана её декларация, разработана вся программа и т.д. … Я перенёс всю энергию на дело создания органа, который мог бы внести порядок в общемузейное дело России и наладить охрану памятников искусства и старины… Луначарский предоставил мне и подобранной мною группе деятелей искусства полную свободу действий. Я… разработал постепенный план реорганизации всех столичных музеев, создания ряда новых… »

При этом Грабарь не мог не понимать, что в щепетильном деле охраны музейных ценностей посреднику между памятниками культуры и новой властью лучше быть не из чуждой среды «буржуазной интеллигенции», а из круга, «классово близкого» этой власти.

Наталья Ивановна Троцкая (Седова) была женой председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам. В те годы это было одно из самых высоких мест в государственной иерархии, и такой тыл был для музейного отдела очень важен. Даже бланки мандатов и разная музейная документация печатались в «Походной типографии поезда Председателя Реввоенсовета тов. Троцкого».

Мнения о Троцкой и её деятельности высказывались разные. А.М. Эфрос в статье «Музейное строительство в Советской республике» (1924 год) писал: «Мы считаем необходимым подчеркнуть, в какой значительной доле обязано музейное строительство энергии и такту Н.И. Троцкой, сыгравшей, несомненно, историческую роль своим руководством работы Центрального музейного органа Революции».

А реставратор и искусствовед Н.Н. Померанцев в разговоре с журналистом Евграфом Кончиным отзывался о Наталье Ивановне критически. Называл её «самонадеянной, властной и вздорной: подхалимов любила, на работе редко бывала, а если и появлялась в Мёртвом переулке, то непременно на машине… ну, конечно, она была женой Троцкого, ей всё позволялось. Её даже Луначарский побаивался…»

Н.И. Троцкая, похоже, не злоупотребляла своим положением: она сохранила на всех руководящих постах «команду Грабаря». Более того, пользуясь своими особыми возможностями, защищала подчинённых от притеснений. Архивные документы свидетельствуют о том, как она вытаскивала сотрудников из камер ВЧК. Так произошло с реставратором и искусствоведом А.И. Анисимовым, позднее всё же погибшим в Карельском лагере. Она своей властью спасла от конфискаций многие личные библиотеки и художественные коллекции. Сама же Наталья Ивановна с особой гордостью вспоминала, как ей удалось «урезать» ленинский Декрет о земле, который отдавал бывшие дворянские усадьбы и дворцы со всем их имуществом местным Советам. Преодолевая сопротивление Наркомзема, музейный отдел смог добиться принятия Совнаркомом 5 октября 1918 года декрета «О регистрации, принятии на учёт и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». Согласно декрету, единственным обладателем всех историко-художественных богатств страны являлся Народный комиссариат по просвещению, точнее – его музейный отдел. Декрет предусматривал реквизицию исторических и художественных предметов, если им угрожали порча, расхищение или гибель от «небрежного отношения владельцев или вследствие невозможности для владельцев принять необходимые меры охраны…»

В книге «Моя жизнь», вышедшей в Берлине в 1930 году, Л.Д. Троцкий пишет о работе жены: «Ей приходилось бороться за памятники прошлого в обстановке гражданской войны. Это была нелёгкая задача. Ни белые, ни красные вообще не склонны были очень заботиться об исторических усадьбах, кремлях или церквах. Таким образом, меж военным ведомством и управлением музеев не раз возникали противоречия. Хранители дворцов и музеев обвиняли военных в недостаточном уважении к культуре, военные же и комиссары обвиняли хранителей в предпочтении мёртвых вещей живым людям. Формально выходило, что я находился в непрерывном ведомственном препирательстве с собственной женой».

Карьера Н.И. Троцкой была короткой. В 1925 году началось преследование Л.Д. Троцкого, снятого со всех государственных и партийных постов. Наталье Ивановне в 1927 году пришлось оставить должность заведующей отделом. Через два года подал в отставку и Луначарский. Спустя год семья Троцкого была выслана в Казахстан, а затем и за границу. Наталья Ивановна умерла в 1962 году во Франции и похоронена в Мексике, рядом с прахом своего мужа.

Из беседы Е. Кончина с Н. Померанцевым: «Несмотря на мрачное название переулка, где мы размещались, отдел музеев напоминал шумный, жужжащий пчелиный улей. И уж никак не походил на канцелярию! С утра до вечера в нём толкались художники и антиквары, писатели и музейные работники, хлопотавшие о коллекциях фарфора, артисты, имеющие ценные собрания картин, вроде балерины Большого театра Е.В. Гельцер, другие люди. Тут можно было встретить и монаха из далёкого северного скита, и старца из Оптиной пустыни, московских старообрядцев, пекущихся о древних иконах и старопечатных книгах. И, конечно, масса ходоков с самых отдалённых концов страны, …которым приказывалось «принять решительные меры борьбы против бессовестного хищения народного достояния…»

мятников культуры при Президиуме АН СССР впервые открыто рассматривались проблемы, связанные с делом охраны памятников. Одна из них – борьба с беззаконием, творимым всемогущими ведомствами. Председатель Комитета по архитектуре Ш. Ратия предложил внести в Правительство СССР ходатайство «об ответственности за уничтожение, повреждение памятников архитектуры».

С нормативными документами, принятыми правительством в конце 1940-х годов, сопоставимы по значению два события. Первое – решение Министерства культуры СССР от 28 октября 1954 года о создании комиссии по аттестации реставраторов станковой живописи (в 1961 году эта комиссия была расширена за счет введения в её состав секций монументальной живописи, графики, скульптуры, прикладного искусства). Вторым событием стало объединение в 1957 году под эгидой Министерства культуры всего дела охраны памятников.

Гаагский протокол

События недавно закончившейся мировой войны, равно как и ряд локальных военных конфликтов заставили мировое содружество в 50-х годах XX века обратиться к обсуждению вопросов охраны культурного наследия. В мае 1954 года в Гааге представителями европейских стран была заключена конвенция и подписан протокол «О защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта», а 12 декабря 1956 года его ратифицировал Верховный Совет СССР. Он стал одним из важнейших актов международного права и оказал серьёзное влияние на отношение к проблеме охраны памятников в СССР. Помимо того, что протокол давал определение понятию «культурные ценности» и вводил такую норму, как «уважение к культурному наследию», он запрещал использование объектов культуры «в целях, которые могут стать причиной их разрушения» и вывоз культурных ценностей с оккупированных территорий.

Гаагский протокол давал определение понятию «культурные ценности» и вводил такую норму, как «уважение к культурному наследию», он запрещал использование объектов культуры «в целях, которые могут стать причиной их разрушения» и вывоз культурных ценностей с оккупированных территорий

На пике интереса к истории

По мере преодоления послевоенной разрухи и улучшения экономического положения страны правительство начинает проводить политику использования памятников как объектов музейного показа и «культурного туризма». Выделяются деньги на их реставрацию и благоустройство. 29 июня 1957 года вышло постановление СМ РСФСР «Об улучшении дела охраны и реставрации памятников культуры в РСФСР». Кроме статей, касающихся утверждения списка памятников истории и археологии, подлежащих государственной охране, и традиционного требования к Министерству культуры и исполкомам местных советов установить строгий контроль сохранности указанных памятников, одной из главных своих целей постановление называло «широкий показ и популяризацию ценнейших памятников культуры».

Памятники должны были приносить доход, поэтому к разворачиваемой кампании помимо специализированных реставрационных мастерских привлекались имеющиеся на местах строительные организации. Но достаточно быстро власти поняли, что столь серьёзное дело можно решить, только опираясь на знания и опыт специалистов. В очередном постановлении Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 года «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» уже говорится о том, что консервационные и реставрационно-восстановительные работы должны вестись специализированными реставрационными мастерскими либо, в случаях отсутствия таковых, работы позволялось вести строительным организациям только под руководством и контролем специалистов-реставраторов.

В том же 1960 году в Уголовный кодекс РСФСР была введена статья 230: «Умышленное уничтожение, разрушение или порча памятников культуры», предусматривающая лишение свободы на срок до двух лет.

На пике подъёма общественного интереса к истории России и традициям отечественной культуры 23 июля 1965 года Совет министров РСФСР принимает постановление «Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры». Его деятельность позволяла сделать более эффективной работу государственных органов, привлечь в дело охраны и реставрации памятников дополнительные финансовые средства, а главное – способствовать созданию нового образа страны, открытой ко всем людям, желающим знакомиться с её жизнью, историей, культурой. В очередном постановлении Совета министров РСФСР, выпущенном в мае 1966 года, содержался призыв «в течение 1966–1970 годов завершить подготовку памятников, находящихся на важнейших туристских маршрутах, для показа советским и иностранным туристам».

Проблема приоритетов

Параллельно с увеличением масштабов реставрационных работ, разработкой новых технологий и материалов расширялся интерес к теоретическим и этико-философским проблемам реставрации, происходил возврат к обсуждению вопросов, которые в послереволюционные годы были предметом острой полемики между московскими и петроградскими учёными. В центре дискуссии вновь стояло определение конечной цели реставрации. Для одних она была заключена в воссоздании первоначального облика, утраченного памятником, для других – в сохранении памятника как уникального свидетельства истории и культуры. Наиболее яростные споры разразились на прошедшей в 1968 году в Москве конференции «Теоретические принципы реставрации древнерусской станковой живописи». Выступления, на ней прозвучавшие, и принятые решения отражали общеевропейские тенденции в реставрации и были ориентированы на принципы, определившие суть «Международной хартии по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест». Принятая в Венеции 31 мая 1964 года в качестве декларации международного содружества реставраторов, хартия постулировала безусловный приоритет консервации, преимущества методов сохранения подлинности авторской материальной структуры памятника по отношению к соображениям эстетического и тем более идеологического характера.

Через год после принятия Венецианской хартии в 1965 году была учреждена неправительственная международная организация для содействия всем сферам сохранения подлинности недвижимых памятников культуры и достопамятных мест – ИКОМОС.

Цитаты разного времени. XX век

В ноябре 1917 года при обстреле Московского Кремля большевиками были повреждены Успенский собор, Чудов монастырь, фрески Благовещенского собора, колокольня Ивана Великого. А.В. Луначарский решился протестовать и сложил с себя обязанности наркома просвещения. Ленин был возмущён: «Как Вы можете придавать такое значение тому или другому старому зданию, как бы хорошо оно ни было, когда речь идёт об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую всё, о чём могли мечтать в прошлом». В январе 1918 года комиссия Совнаркома заслушала сообщение Луначарского о ремонте Кремля и удовлетворила ходатайство московской Комиссии по охране памятников об отпуске средств в размере 450 тысяч рублей на «реставрацию кремлёвских зданий, пострадавших во время Гражданской войны».

***

Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников ставить,
Их за прилавками Октябрь застал.

Случайно им мы не свернули шею.
Я знаю, это было бы под стать,
Подумаешь, они спасли Расею!
А может, лучше было б не спасать?

(Джек Алтаузен, пролетарский поэт)

***

СТРОГО СЕКРЕТНО N 1037/19
т. Менжинскому В.Р. 12 сентября 1933 г.

В период с 1920 до 1930 годов в Москве и на территории прилегающих районов полностью уничтожено 150 храмов. 300 из них (оставшихся) переоборудованы в заводские цеха, клубы, общежития, тюрьмы, изоляторы и колонии для подростков и беспризорников.

Планы архитектурных застроек предусматривают снос более чем 500 оставшихся строений храмов и церквей.

На основании изложенного ЦК считает невозможным проектирование застроек за счет разрушения храмов и церквей, что следует считать памятниками архитектуры древнего русского зодчества.

Органы Советской власти и рабоче-крестьянской милиции ОГПУ обязаны принимать меры (вплоть до дисциплинарной и партийной ответственности) по охране памятников архитектуры древнего русского зодчества.

СЕКРЕТАРЬ ЦК И. СТАЛИН

***

Н.С.Хрущёв вместе с Л. М. Кагановичем с большим рвением осуществлял сталинский план реконструкции Москвы. Выступая 5 ноября 1936 года на пленуме Кировского райкома, Никита Сергеевич с гордостью докладывал о своих успехах: «Кто три месяца не был на Садовом кольце, советую посмотреть, – не узнаете… Мы сняли Триумфальную арку. Без арки улица стала замечательной. Мы сломали Сухареву башню, Китайгородскую стену, хотя архитекторы говорили: историческая ценность. На будущий год мы тоже топоры точим… »

***

Из выступления Н. С. Хрущёва на январском (1961 г.) пленуме ЦК КПСС: «А литовские руководители взялись за восстановление из руин дворцов и замков феодалов, многие из которых не имеют серьёзной исторической ценности... И в Подмосковье увлекаются реставрацией многих ненужных объектов. Вы имейте в виду, товарищи, что вам иногда специально подбрасывают такие вопросы, иной раз люди, желающие погреть на этом руки, искусно обхаживающие вас. Они говорят примерно так: вот вы, культурный человек, вы знаете, понимаете значение этого памятника старины. Вы, только вы сможете оценить этот исторический памятник. Вот вы понимаете и оцениваете тот факт, что здесь гулял этот знаменитый человек, вот тут-то он сидел и обдумывал свои планы, а здесь он, рассердившись, плюнул (смех в зале), я не преувеличиваю, товарищи, бывают и такие безобразия. Помню, как одна женщина настойчиво писала мне письма о том, что дом, в котором теперь размещён дом отдыха, принадлежал раньше Раевскому. Там бывал Пушкин, который ухаживал не то за дочерью Раевского, не то ещё за кем-то. В этом доме надо, мол, не отдыхать, а организовать музей (смех в зале). Если поступить так, как требует эта женщина, значит допустить безобразие: это будет издевательством над здравым смыслом. Повесьте там мемориальную доску, и пусть трудящиеся отдыхают в этом доме (аплодисменты).

***

Записка отдела науки и культуры ЦК КПСС 26 мая 1953 года. Секретарю ЦК КПСС Тов. Хрущёву Н.С.: «Докладываем Вам о недостатках в деле сооружения долговременных памятников и монументов общественным и политическим деятелям.

Монументальные памятники на территории Советского Союза должны сооружаться по постановлению Совета Министров СССР. Однако, в обход установленного порядка, за последние годы местные Советы сооружают большое количество памятников из долговременных материалов (бронзы, гранита) без соответствующего решения Правительства и утверждения проектов Министерством культуры СССР.

По неполным данным Министерства культуры СССР, в послевоенные годы установлено около 30 монументальных памятников В.И. Ленину и И.В. Сталину. Из них только 7 памятников сооружено по постановлению Совета Министров СССР (памятники В.И. Ленину в городах: Киеве, Воронеже, Риге, Вильнюсе, Иркутске, Львове, монумент И.В. Сталину на Волго-Донском судоходном канале им. В.И. Ленина), а остальные 23 по инициативе местных Советов. Установлено, что значительная часть сооружённых по решению местных Советов памятников и монументов В.И. Ленину и И.В. Сталину не являются оригинальными творческими произведениями, а представляют собой лишь авторское повторение. Между тем на сооружение памятников затрачиваются крупные суммы денег. Каждый памятник обходится в среднем от 800 тыс. до 1 миллиона рублей».

***

...Их утраты невосстановимы, ибо памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определённой эпохой в прошлом, с определёнными мастерами. Можно создать макеты разрушенных зданий, как это было в Варшаве, но нельзя восстановить здание как документ, как «свидетеля» эпохи своего создания. Всякий заново отстроенный памятник старины будет лишён документальности. Это будет только «видимость». От умерших остаются только портреты. Но портреты не говорят, они не живут.

Академик Д.С. Лихачёв

Обзор составила
Ирина Ермолаева

С конца 1960-х годов действует Комитет культурного наследия Совета Европы.

С этими международными организациями СССР активно сотрудничал. Подписи представителей СССР стоят под конвенцией 1972 года «Об охране всемирного культурного и природного наследия» ЮНЕСКО, Европейской хартией по охране архитектурного наследия, принятой в Страсбурге в 1975 году.

Но собственный «Закон об охране и использовании памятников истории и культуры» в СССР был принят только 29 октября 1976 года. В нём, что важно, указывалось на соответствие принятых норм международным актам и на то, что «памятники истории и культуры народов СССР составляют неотъемлемую часть мирового культурного наследия».

Междуведомственному комитету по охране памятников революции, искусства и культуры при Президиуме ВЦИК, созданному в 1932 году, предоставлялось право «в случае необходимости разрешать вопросы о «разборке памятников, подлежащих охране»

В числе важных статей закона следует отметить раздел, устанавливающий зоны защиты памятников: «охранную зону, зону регулируемой застройки, зону охраняемого природного ландшафта». Вводилась норма, касающаяся «вновь выявленных объектов культурного наследия». Теперь они подлежали охране «впредь до решения вопроса о принятии их на государственный учёт». Повышался и уровень ответственности при решении вопросов о сносе, перемещении, изменении памятников. Впрочем, потребовалось ещё несколько лет для того, чтобы разработать и принять подзаконные акты, описывающие механизмы приведения закона в действие, исполнения его требований, применения его статей к реальным жизненным ситуациям. Только 16 сентября 1982 года Совет министров СССР выпустил постановление «Об утверждении Положения об охране и использовании памятников истории и культуры».

Москвичи во главе с И.Э. Грабарём призывали сосредоточить основные усилия на сохранении и реставрации памятников исключительного художественного качества, а их питерские оппоненты настаивали на ценности памятников как носителей прежде всего уникальной историко-культурной информации

Накануне перестройки

В пакете важнейших подзаконных актов, изданных после принятия закона 1976 года, выделяется «Инструкция о порядке учёта, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры» 1986 года.

Наибольший интерес для истории становления законодательства в области охраны и реставрации памятников истории и культуры заслуживает раздел «Правила ведения реставрационных работ на недвижимых памятниках истории и культуры».

Здесь даётся чёткое определение разных форм и видов консервационно-реставрационных работ. Был введён в «Инструкцию…» и пункт, определяющий роль научно-методических советов в контроле над реставрационными работами и как арбитра при решении спорных вопросов. Роль Научно-методического совета (НМС) Министерства культуры СССР в принятии решений по вопросам, касающимся основных направлений политики в деле охраны и реставрации памятников, вплоть до начала 1990-х годов была весьма значимой.

Этапным событием в деле утверждения принципов научной реставрации стал состоявшийся 27–28 февраля 1985 года пленум НМС, посвящённый рассмотрению результатов реставрации росписей Андрея Рублёва в Успенском соборе во Владимире.

Пленум указал на то, что стремление «выявить художественно-эстетические качества живописи, имеющей значительные утраты, привело к искажению аутентичной авторской структуры росписи». В полный рост перед реставрационным сообществом встали проблемы не только профессиональной подготовленности, но и профессиональной этики.

21 февраля 1991 года СССР присоединился к Европейской культурной конвенции, принятой в Париже 19 декабря 1954 года.

Таким образом, наша страна признала, что культурное достояние народов, её населяющих, является «неотъемлемой частью общего культурного достояния Европы».

События того же 1991 года, приведшие к распаду СССР, открыли новую эпоху и в истории развития законодательной деятельности в области охраны и реставрации памятников культуры России.

Автор: Сергей Конев
Фото автора

Национальный траст: как это делается

Термин «траст» (trust) переводится с английского как «доверие», что выражает смысл юридической конструкции. Там, где государство и граждане доверяют друг другу, закон о сохранении наследия может опереться на «инициативу снизу» в форме национального траста

Законы, формирующие условия сохранения объектов культурного и природного наследия, приняты большинством развитых стран мира. В сущности, они не отличаются друг от друга поставленной задачей – сохранять и приумножать национальное наследие, вырабатывать механизмы популяризации, чтобы передать его будущим поколениям в достойном состоянии. Различия лишь в том, как охрана объектов наследия встроена в существующую политическую и экономическую систему, и в формах вовлечения гражданского общества в эту сферу деятельности.

По обоюдному согласию

В странах, где государство всерьёз занимается сохранением наследия, обязательно создаются условия для привлечения к этой работе широких слоёв населения. Закон не действует без сформированной системы государственного и общественного контроля, работы инициативной части гражданского общества и специальных программ в сфере охраны наследия, принятых по обоюдному согласию государства и общества.

В стране эмигрантов собственность священна, поэтому нередко взвешенная система льгот и поощрений не работает– и собственник может разобрать историческое здание и построить на его месте новое строение

Несомненно, первой страной, на государственном уровне занявшейся изучением и охраной культурных ценностей, следует назвать Францию. Здесь в 1830 году была создана контролирующая организация – Генеральная инспекция по охране памятников. Однако пальму первенства в оформлении условий гражданских инициатив в этой области в Западной Европе можно отдать Великобритании, где в 1877 году было создано Общество охраны старинных зданий.

Именно в Великобритании по инициативе частных лиц был создан Национальный траст – благотворительная организация, задачей которой стало вовлечение гражданского общества в дело сохранения исторического и природного наследия. Она действует в стране в соответствии с законом о национальных трастах с 1907 года. Это гражданское движение сегодня успешно работает и в других государствах, таких как Бельгия, Австралия, Ирландия, Япония, Словакия, Индия. Особенное развитие трастовое движение получило в США.

Закон о древностях

Несмотря на сравнительно недолгую историю государства, Федеральное законодательство США уже в 1906 году приняло «Закон о древностях». В этой стране действует многоступенчатая система

В Великобритании по инициативе частных лиц был создан первый Национальный траст, задача которого – вовлечение гражданского общества в дело сохранения исторического и природного наследия. Он действует в стране с 1907 года

общественного и государственного надзора за использованием и сохранением объектов культурного и природного наследия – как на федеральном уровне, так и на уровне штатов и муниципальных образований. Крайняя степень децентрализации позволяет развивать общественную и частную инициативу на местах, подкрепляя её федеральными и региональными грантами, а также налоговыми поощрениями.

Национальному трасту в системе охраны исторических объектов США отводится особое место как организации, создающей программы по экономическому обеспечению достойного использования исторических объектов, вырабатывающей законодательные инициативы. Кроме того, на траст возлагается задача распределения грантов, выделяемых Федеральным правительством для общественных и частных организаций.

Национальный траст США получает пожертвования в виде земельных участков, зданий и объектов, представляющих значительную культурно-историческую ценность, для их дальнейшего сохранения и управления ими в интересах всего общества. Кроме того, он занимается приёмом, хранением и управлением благотворительными пожертвованиями в виде денежных сумм, ценных бумаг или иного имущества, направляемых на реализацию программы по сохранению объектов наследия. Общее руководство Национальным трастом осуществляет совет попечителей, в состав которого входят генеральный прокурор США, министр внутренних дел и в силу своей должности директор Национальной галереи искусств, а также не менее шести главных попечителей, граждан США, которые выбираются в соответствии с установленной законом процедурой.

Главная улица

Успешно действующей программой, разработанной Национальным трастом США, в которой участвуют местное сообщество, специалисты траста и властные структуры регионального и местного уровня, является программа «Главная улица». Программа предполагает экономическое развитие и социальное оздоровление исторических торговых кварталов, восстановление городской среды и основана на принципах прямого участия жителей и собственников строений исторического квартала. Сегодня она успешно внедряется в таких странах, как Австралия, Канада, Новая Зеландия, Венесуэла, Чехия, Индия и Литва. Эта программа не зависит от государственных дотаций или влиятельных коммерческих структур, местные лидеры сами приобретают знания по руководству экономическими механизмами и методами сохранения старинных зданий и исторической городской среды.

В первую очередь за сохранение образа исторического города выступают сами жители, местные инициативные группы и, как следствие, выборные представители муниципальной власти. Ярким примером может служить город Санта-Фе в штате Нью-Мехико. Местные жители и муниципальные власти проводят политику сохранения облика исторического города. Он энергично развивается и застраивается новыми зданиями, но каждый проект проходит обязательное общественное обсуждение. Архитекторы, работающие в центральном районе, обязаны соблюдать стилистику окружающих исторических построек, существующую средовую нагрузку, заданный историческим городом масштаб и объём строений. Сегодня в Санта-Фе любят проводить время американцы из других штатов, многие состоятельные граждане не прочь обзавестись здесь недвижимостью. Город имеет своё лицо, собственный колорит, ни с чем не сравнимый образ.

Институт мэров и другие

Для того чтобы местные власти могли определить цели и выработать программу индивидуального развития исторического города, в США существует Институт мэров городов, который финансируется федеральными властями. Задачей института является изучение социального, экономического и исторического состояния города и его структуры, выявление причин задержки развития городского хозяйства, определение знаковой идеи развития, и наконец, выработка индивидуальной программы и оказание действенной помощи в её реализации.

Сегодня в Санта-Фе любят проводить время американцы из других штатов, многие состоятельные граждане не прочь обзавестись здесь недвижимостью. Город имеет своё лицо, собственный колорит, ни с чем не сравнимый образ

Для сохранения исторических объектов на местах существует множество фондов, инициативных групп, решающих задачу сохранения и популяризации отдельных недвижимых объектов наследия или исторического ландшафта. Деятельность этих организаций финансируется за счёт пожертвований или правительственных грантов, в их рядах развита работа волонтёров – добровольцев, желающих принять посильное участие в достижении общественно значимой цели.

В случае, если тот или иной объект, нуждающийся в экстренных мерах по его спасению, не подпадает под опеку известных организационных структур, ему помогает фонд «Сохраним Америку», работающий при прямом содействии и непосредственном участии первой леди страны.

Система сохранения наследия в США многогранна, она основана на развитом общественном самосознании, на гражданских инициативах, на сложившихся механизмах экономического развития и налоговых льготах. Гражданин этой страны имеет возможность направить до 40% годовых налоговых отчислений от полной суммы уплачиваемых им налогов в благотворительный фонд, Национальный траст или другую организацию, занимающуюся сохранением наследия. Федеральные власти могут поддерживать работу малого

Программа «Главная улица», предполагающая экономическое развитие торговых кварталов и восстановление исторической среды, основана на принципах участия жителей и собственников строений квартала. Сегодня она успешно внедряется в таких странах, как Австралия, Канада, Новая Зеландия, Венесуэла, Чехия, Индия и Литва

и среднего бизнеса, включённого в сферу сохранения наследия, делая дотационные вливания в экономику предприятий через выделяемые гранты. Собственники объектов культурного наследия освобождаются от налога на недвижимость, а произведённые затраты на содержание исторического здания компенсируются до 50% через сокращение налоговых выплат.

При всём системном подходе к сохранению исторических объектов есть и свои проблемы. В США юридически обеспечена неприкосновенность собственности. В стране эмигрантов собственность священна, поэтому нередко взвешенная система льгот и поощрений не работает, и собственник может разобрать историческое здание и построить на его месте новое строение. Также, при условии сохранения исторического строения, муниципальные власти могут разрешить такому собственнику покупку «воздушных прав», на основе которых он может построить рядом с объектом наследия здание, размеры которого превышают нормативные габариты, характерные для города.

По инициативе горожан

Система сохранения объектов культурного наследия эффективна, если сохраняемые архитектурные памятники не отрываются от исторической среды. Проблема сохранения средовой застройки напрямую связана с инициативой общественных организаций и частных лиц на местах. Местные муниципальные органы власти имеют право определять основные параметры строительства, реконструкции объектов на территории своего города. Этим правом пользуются инициативные группы жителей, создавая комиссии по рассмотрению проектов новых зданий или реконструкции старых строений. Профессиональную помощь им оказывают специалисты национальных трастов, а в тех странах, где таких организационных структур нет, государственные организации по надзору за сохранением объектов наследия. В исторических городах Западной Европы общественные инициативы на местах очень развиты, а в последнее время общественное движение жителей, непосредственно участвующих в сохранении облика своих городов, набирает оборот и в Восточной Европе.

Гражданин США имеет возможность направить до 40% годовых налоговых отчислений от полной суммы уплачиваемых им налогов в благотворительный фонд, Национальный траст или другую организацию, занимающуюся сохранением наследия

Сохранение исторической среды и восстановление облика городов подчас влияет на растущее национальное самосознание. Ярчайший пример тому – Старый город Варшавы, который находится в списке объектов ЮНЕСКО как образец точной реконструкции с сохранением оригинальных фрагментов построек. Этот исторический городской район своим сегодняшним обликом обязан послевоенному восстановлению, начатому после освобождения столицы Польши. При восстановлении была сохранена первоначальная планировка улиц. Строя заново дома и костёлы, архитекторы принимали за основу архивные материалы, старинные гравюры, сохранившиеся фотографии. Скрупулёзно использовался каждый уцелевший кусок стены, архитектурный декор, поэтому в некоторых домах можно увидеть неоштукатуренные фрагменты первоначальных стен, дверных и оконных перемычек. Сегодня это любимое место жителей Варшавы и многочисленных гостей города.

Один из красивейших городов Европы – Дрезден, уничтоженный английской авиацией в конце Второй мировой войны. Город-призрак частично восстановлен отдельными значимыми архитектурными постройками, но кафедральный собор, дворцовые строения смотрятся среди имитации исторической застройки одиноко, будучи лишёнными глубокого исторического контекста. Новая послевоенная застройка нейтральна, она не может поддержать воссозданное историко-культурное наследие, поэтому между объектами наследия и средовой застройкой провисла неудобная пауза. Инициативной группой жителей города и муниципальными властями принято решение о разработке программы восстановления исторического облика центрального городского квартала.

Старый город Варшавы находится в списке объектов ЮНЕСКО как образец точной реконструкции с сохранением оригинальных фрагментов построек. Этот исторический городской район своим сегодняшним обликом обязан послевоенному восстановлению

Опыт разных стран показывает, что для успешного сохранения объектов культурного наследия и исторической средовой застройки одних законодательных актов мало. Необходимо развивать систему негосударственных организаций, работающих в сфере наследия не на протестном уровне, как это происходит в России, а выходя с подобными предложениями на уровень общественного предпринимательства. Необходимо, чтобы задача сохранения наследия стала приоритетной для государства, а элита страны возглавила общественное движение, переняв успешный опыт других стран по формированию структуры национального траста.

Такая форма общественно-профессиональной организации, как национальный траст, наиболее пригодна для России, так как большинство объектов культурного наследия федеральной или региональной собственности, находящихся сегодня в бесхозном состоянии, могут быть переданы в управление трасту для их реабилитации, реставрации и последующего использования.

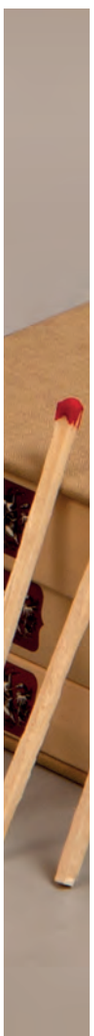
Автор: Галина Семёнова, эксперт комитета Государственной думы по культуре, заслуженный работник культуры РФ
Фото: Глеб Анфилов, Феликс Пушкин

Преемственность и новации закона 2002 года

ТЕМА

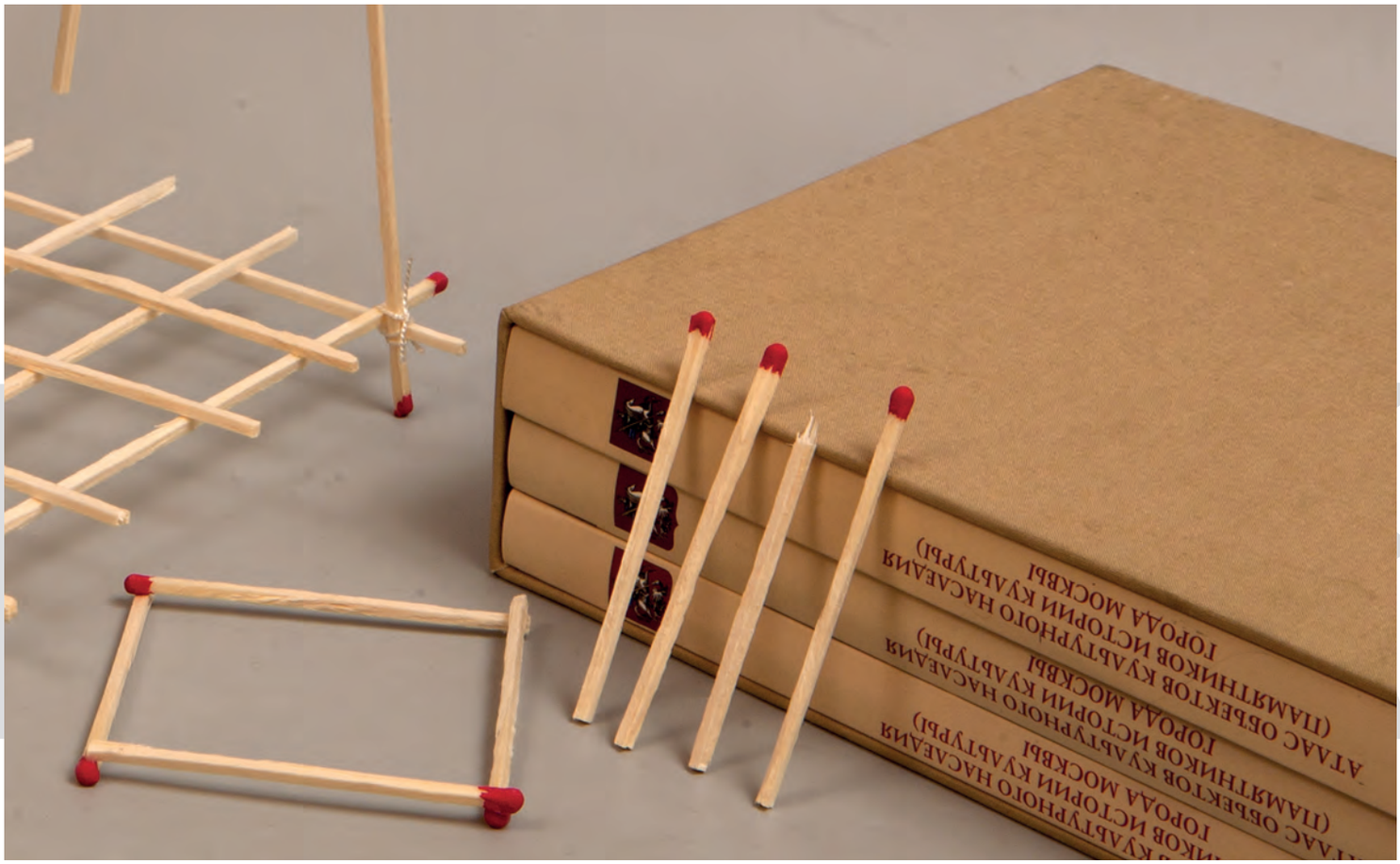
Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», принятый в декабре 1978 года, был разработан в развитие Закона СССР 1976 года. Вступив в действие 1 марта 1979 года, он являлся единственным законодательным актом в сфере культуры в советское время. Некоторые его положения действуют до конца 2010 года. Принятие этого закона оказалось огромным шагом вперёд в деле охраны культурного наследия страны

В октябре 1948 года постановлением Совета министров СССР № 3898 «О мерах улучшения охраны памятников культуры» за подписью И.В. Сталина было утверждено «Положение об охране памятников культуры». В его развитие Советом министров СССР и Советом министров РСФСР в 1949 году были утверждены три инструкции, регламентирующие порядок учёта, регистрации, содержания и реставрации памятников архитектуры, археологических и исторических памятников, памятников искусства. Ими был введён и запрет на снос и перемещение памятников, установлены форма учётной карточки и форма паспорта памятника, установлены формы охранного договора и охранного обязательства пользователя памятника, введено требование наличия охранной зоны вокруг памятника, установлена возможность организации историко-культурных заповедников и многое другое. Сейчас это воспринимается как само собой разумеющееся. Однако для Советского государства в послевоенные годы эти документы были уникальны. Разработанные при участии выдающихся специалистов нормы этих инструкций до сих пор актуальны и в той или иной степени присутствуют в современном законодательстве.

Существенные добавления

Закон РСФСР 1978 года не только развил нормы и положения инструкций, но и внёс существенные добавления в дело охраны и использования памятников. Самыми главными из них были введение трёх категорий значимости памятников (союзного, республиканского и местного значения) и возможность принятия их на государственную охрану не только Советом министров РСФСР, как это было прежде, но и решениями администрации республик, краёв и областей РСФСР; установление обязательных трёх зон охраны памятников истории и культуры, а не одной, как было в инструкции (охранной зоны, зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности и зоны охраняемого природного ландшафта). Было установлено, что памятники истории и культуры находятся в собственности государства, колхозов и других кооперативных организаций, профсоюзных и иных общественных организаций, в личной собственности граждан. Допускались продажа, дарение и иное отчуждение памятников истории и культуры с обязательным уведомлением государственных органов охраны и с преимущественным правом покупки государством указанного памятника. Введены были требования по согласованию строительства в зонах охраны, согласованию планировки, застройки, реконструкции в городах и населённых пунктах, имеющих памятники истории и культуры, не только с государственными органами охраны памятников, но и с ВООПИК, который был уполномочен законодательно осуществлять общественный контроль за сохранностью и правильностью использования памятников. Участие представителей общественности, среди которых известные архитекторы, искусствоведы, реставраторы, позволило реально со-

Не надо определять, что представляет собой Московский Кремль или Зимний дворец в Санкт-Петербурге – памятник истории, архитектуры или градостроительства. Особенности объекта наследия будут указаны в предмете охраны

хранить не только отдельные памятники, но и облик исторической части многих русских городов.

Закон РСФСР впервые ввёл понятие «выявленный памятник истории и культуры» и установил обязательность его сохранения до постановки на государственную охрану.

Установлена была обязанность граждан и юридических лиц соблюдать правила охраны, использования, учёта и реставрации памятников истории и культуры. В соответствии с законом РСФСР в сентябре 1982 года постановлением Совета министров СССР было утверждено «Положение об охране и использовании памятников истории и культуры», а в мае 1986 года приказом Министерства культуры СССР была утверждена инструкция о порядке учёта, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории культуры.

Отсутствие важной нормы

В этих документах отсутствовала одна норма, которой не было и в самом законе РСФСР, – обязательность заключения охранных обязательств и охранных договоров с владельцами и пользователями памятников. Эта ситуация неоднократно обсуждалась специалистами, вопросы о понуждении заключения указанных обязательств рассматривались в судах, однако нередко дела оказывались проигранными органами охраны памятников именно из-за отсутствия нормы в законодательстве РСФСР. Орган охраны памятников направлял собственнику, пользователю или арендатору охранное обязательство или охранно-арендный договор с указанием требований по сохранению и содержанию указанного памятника. Эти требования устанавливались на основании акта технического состояния памятника и тех особенностей, которые были указаны (если были) в паспорте памятника. Паспорта памятников хранились в органах охраны и владельцам не предоставлялись. Исходя из этого, многие владельцы памятников отказывались подписывать охранные обязательства, считая изложенные в них требования завышенными. Эта система действовала до 1993 года и частично действует и в настоящее время.

Принципиально новый подход

12 декабря 1993 года была принята Конституция РФ, появились новые законы, в которых затрагивались вопросы охраны памятников истории и культуры, но они противоречили Закону РСФСР «Об охране памятников истории и культуры». К таким законам можно от-

нести «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», Закон «О собственности», Постановление Верховного Совета РФ № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность», Закон РФ «О краевом, областном Совете народных депутатов и краевой, областной администрации», и ряд других законов и постановлений Верховного Совета РФ.

Работа над новой редакцией закона об охране памятников началась в 1994 году, поскольку необходимо было привести требования к сохранению культурного наследия в соответствие с постоянно меняющейся правовой базой. Проект, первоначально задуманный как косметическая редакция действующего закона, вылился в принципиально новый подход к охране, использованию и сохранению памятников истории и культуры.

25 июня 2002 года был принят Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». С проблемами разработки и принятия закона можно ознакомиться в издаваемом Министерством культуры Российской Федерации журнале «Наследие народов Российской Федерации» № 1 за 2002 год.

Проект, первоначально задуманный как косметическая редакция действующего закона, вылился в принципиально новый подход к охране, использованию и сохранению памятников истории и культуры

В чём отличия

После принятия закона многие задавали вопрос: чем отличаются старый и новый законы об охране памятников и что между ними общего? Начнем с названия. Нетрудно заметить, что из названия исчезли такие слова, как «охрана» и «использование», и появилось двойное определение: «Объект культурного наследия (памятник истории и культуры)». Обусловлено это тем, что в Конституции установлен приоритет правил международных договоров при формировании законодательной базы Российской Федерации, поэтому закон вводит терминологию, принятую международной конвенцией «Об охране всемирного культурного и природного наследия», к которой присоединилась РСФСР, и сохраняет преемственность национальной законодательной базы, в которой эти объекты наследия именовались памятниками истории и культуры.

Закон затрагивает более широкий круг проблем, чем охрана и использование памятников истории и культуры, и отвечает на вопрос, что же такое памятник истории и культуры.

В соответствии с этим законом памятниками истории и культуры являются представляющие собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и мирового сообщества объекты недвижимого имущества. Далее закон впервые устанавливает, что объекты культурного наследия являются особым видом имущества, нуждающимся в установлении особенностей владения, пользования и распоряжения данным имуществом.

Главные новации

Закон содержит много новаций, главными из которых, на мой взгляд, являются следующие:

введён Единый реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, что позволит объединить памятники истории и культуры всех категорий значимости и принятых на государственную охрану не только Правительством Российской Федерации, но и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. В настоящее время в России отсутствует единый перечень (список) указанных памятников, а есть несколько актов Правительства Российской Федерации и Президента Российской Федерации, касающихся памятников истории и культуры федерального значения, и множество актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, касающихся памятников регионального значения;

определён порядок формирования и ведения реестра, в соответствии с которыми регистрация в нём объектов наследия осуществляется только федеральным органом охраны памятников;

объект культурного наследия рассматривается в законе неразрывно со своей территорией, чего также не было в законе 1978 года. Описание границ территории памятника вводится в реестр;

введены обременения прав собственности на объект культурного наследия, касающиеся требований по содержанию, сохранению и использованию памятников истории и культуры, а также требований доступа к нему граждан;

земли в границах территории объекта культурного наследия в соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации отнесены к землям историко-культурного назначения, использование которых в других целях не допускается. Земли историко-культурного назначения, входящие в состав особо охраняемых территорий, учитываются также в Градостроительном кодексе Российской Федерации.

Закон обязывает

Законом установлены в качестве норм прямого действия требования по содержанию и использованию памятников истории и культуры с обязательным сохранением внешнего и внутреннего облика, а также с обеспечением сохранности предмета охраны данного памятника. Указанная норма сформулирована с учетом требований Гражданского кодекса Российской Федерации и законом. Поскольку собственник объекта наследия должен знать, что же он может делать в своем памятнике без причинения ему вреда, закон обязывает выдать собственнику паспорт на данный объект наследия с указанием предмета охраны. Паспорт объекта культурного наследия содержит сведения из реестра памятников, в связи с чем его изготовление не требует больших расходов, как это было в соответствии с законом 1978 года. В случае, когда объект культурного наследия переходит к собственнику из

Согласно закону о памятниках, к историческим поселениям относятся все поселения, в которых находятся объекты культурного наследия, представляющие историко-культурную ценность и имеющие важное значение для сохранения самобытности народов Российской Федерации, их вклада в мировую цивилизацию

государственной или муниципальной собственности, при последующей смене собственника, а также при передаче памятника в аренду или безвозмездное пользование, законом установлена обязательность заключения охранных обязательств.

Предмет охраны и виды объектов

В реестре введён раздел «Предмет охраны объекта культурного наследия», который позволяет установить те особенности, которые послужили основанием для объявления объекта памятником истории и культуры (внешний облик, размер, планировка, материал здания, масштабное соотношение частей здания, конфигурация кровли, оконных и дверных заполнений, паркетные полы, лепнина или росписи на потолках или стенах, печи и т.п.). Исходя из этой информации, собственник памятника выбирает тот вариант использования памятника, при котором обеспечивается сохранность указанных элементов.

Введены виды объектов культурного наследия: памятник, ансамбль, достопримечательное место – вместо принятых в законе РСФСР делений на памятники истории, памятники археологии, памятники градостроительства и архитектуры, памятники искусства. Теперь не надо определять, что представляет собой, например, Московский Кремль или Зимний дворец в Санкт-Петербурге – памятник истории, архитектуры или градостроительства. Особенности объекта наследия будут указаны в предмете охраны.

Особый вид объектов культурного наследия – достопримечательное место позволяет обеспечить сохранность центров исторических поселений или фрагментов градостроительной планировки и застройки, памятнх мест, культурнх и природных ландшафтов.

Важные новшества

Важным новшеством закона являются нормы, позволяющие собственнику, арендатору или пользователю объекта наследия, осуществившему работы по его сохранению, получить компенсацию за произведённые работы. Эти компенсации предусмотрены в разных вариациях – в виде льготной арендной платы, в виде уменьшения арендной платы на сумму произведённых затрат, в виде выплаты из федерального бюджета (для памятников федерального значения). К сожалению, не все эти льготы используются в настоящее время, и перспектива их сохранения в законодательстве вызывает сомнение.

Введена обязательность государственной историко-культурной экспертизы при принятии решений органом охраны памятников, затрагивающих объекты культурного наследия или объекты, обладающие признаками объекта культурного наследия. В первую очередь экспертиза проводится при определении историко-культурной ценности объекта и целесообразности внесения данного объекта в реестр.

Охрана и сохранение

Введены юридические определения понятий «государственная охрана» и «сохранение» памятников истории и культуры, что позволяет считать их различными по своему содержанию и применению. Сохранение памятника – это комплекс проектных и производственных мер, направленных на обеспечение физической сохранности памятника, в том числе проведение работ по ремонту, консервации, реставрации и приспособлению памятника. Государственная охрана – это все остальные меры, позволяющие выявлять объекты, представляющие историко-культурную ценность, предотвращать повреждение или разрушение объектов наследия, не допускать изменения облика и интерьера памятника.

Введены требования к сохранению объектов археологического наследия и к земельному участку, на котором этот объект находится, в том числе запрет на изъятие объекта археологического наследия из государственной собственности. Согласно новому закону, объект археологического наследия находится с земельным участком в раздельном обороте. Надо отметить, что вопросы сохранения объектов археологического наследия в законе РСФСР не были затронуты. Кроме того, новым законом закреплено, что работы по сохранению памятников истории и культуры могут вестись только лицами, получившими лицензию на указанные работы, а для проведения археологических изысканий – лицами, получившими соответствующие разрешения (открытые листы).

Введён такой вид объектов культурного наследия, как достопримечательное место, позволяющий обеспечить сохранность центров исторических поселений или фрагментов градостроительной планировки и застройки, памятных мест, культурных и природных ландшафтов

Исключённые процедуры и нормы

Исключена процедура выдачи разрешений на снос памятника истории и культуры и на строительство в охранной зоне памятника, которые раньше можно было получить от Правительства Российской Федерации (в исключительных случаях) в соответствии с законом РСФСР. Теперь снести памятник можно, только исключив его из реестра, при условии получения заключения историко-культурной экспертизы об утрате памятником своего историко-культурного значения. Изменение или перемещение памятника законом не предусмотрено.

Разграничены полномочия Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в сфере охраны объектов наследия, в то время как в законе РСФСР практически все полномочия были ориентированы на центральную власть. В декабре 2006 года в закон были введены положения о передаче субъектам Российской Федерации почти всех полномочий Российской Федерации в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов наследия, за исключением ведения реестра, согласования проектов зон охраны объектов культурного наследия федерального значения, выдачи открытых листов на проведение археологических работ и историко-культурной экспертизы в случаях, определённых законом.

Исключена норма, предусматривающая обязательное согласование градостроительной документации и проектов зон охраны объектов культурного наследия с ВООПИК, поскольку законодательство Российской Федерации не допускает вмешательства общественных организаций в деятельность государственных органов, и наоборот. До утверждения Правительством Российской Федерации «Положения о государственной историко-культурной экспертизе» в июле 2009 года данная норма закона 1978 года оставалась в силе.

Установлены режимы содержания каждой из трёх зон охраны объекта культурного наследия, а также предусмотрена возможность выбора в каждом конкретном случае состава указанных зон (например, возможность

установления только охранной зоны, или только зоны регулирования застройки, или только этих двух зон). Установлены основания для отнесения объекта к выявленным объектам культурного наследия, установлены требования по их охране, а также дано определение объектов религиозного назначения и введены нормы, касающиеся особенности распоряжения данными объектами: они могут быть переданы в собственность только религиозным организациям.

О приватизации памятников

В связи с тем, что в декабре 2001 года был принят Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества», в законе о памятниках установлен мораторий на приватизацию памятников истории и культуры федерального значения и регистрацию права федеральной собственности и прав собственности субъектов Российской Федерации. Эта норма утратила силу после принятия Федерального закона № 230-ФЗ от 18 октября 2007 года, определяющего порядок отнесения объектов культурного наследия к федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации и муниципальной собственности. (Процесс разграничения памятников продолжается.) Установлены ограничения при изъятии объектов наследия из государственной собственности. Из государственной собственности не могут быть изъяты объекты, внесённые в число объектов Всемирного культурного наследия, особо ценные объекты культурного наследия народов Российской Федерации, объекты археологического наследия и историко-культурные заповедники.

Закон впервые устанавливает, что объекты культурного наследия являются особым видом имущества, нуждающимся в установлении особенностей владения, пользования и распоряжения данным имуществом

Определение исторического поселения

До настоящего времени для сохранения исторического облика старинных русских городов в России совместным решением Госстроя РСФСР, Министерства культуры РСФСР и президиума Центрального совета ВООПИК в феврале 1990 года был утверждён список исторических населённых мест РСФСР (около 500). Основными требованиями к градостроительной политике в этих населённых местах были требования по разработке их историко-архитектурных опорных планов, зон охраны памятников истории и культуры, а также требование по разработке «Положения об историческом населённом месте». Последнее требование не реализовано до настоящего времени. В законе дано определение исторического поселения и установлены требования по сохранению исторической застройки и планировочной структуры данного поселения. Согласно закону, к историческим поселениям относятся все поселения, в которых находятся объекты культурного наследия, представляющие историко-культурную ценность и «имеющие важное значение для сохранения самобытности народов Российской Федерации, их вклада в мировую цивилизацию». Таким образом, не требуется отдельного перечня и положения об историческом поселении, поскольку все объекты культурного наследия Российской Федерации являются неотъемлемой частью мировой культуры. Соответственно требования о необходимости разработки историко-культурных опорных планов, зон охраны объектов наследия, сохранения всех ценных градоформирующих объектов поселения должны применяться к любому поселению, имеющему на своей территории памятники истории и культуры.

И новые, и прежние нормы

Следует указать и на те нормы, которые перешли в новый закон из нормативно-правовой базы СССР и РСФСР, и о которых не было сказано выше. К ним относятся нормы, определяющие порядок включения объекта культурного наследия в число объектов, подлежащих государственной охране, и порядок исключения объектов из этого числа, нормы, устанавливающие обязательность наличия у объекта культурного наследия зон охраны и порядок их утверждения. Продублирована прописанная в законе 1978 года возможность нахождения объектов культурного наследия в любой форме собственности, создания историко-культурных заповедников, а также порядок проведения хозяйственных и строительных работ на территории памятников истории и культуры, на любой другой территории, подлежащей хозяйственному освоению, и порядок оплаты работ по сохранению памятников (работы оплачиваются заказчиком).

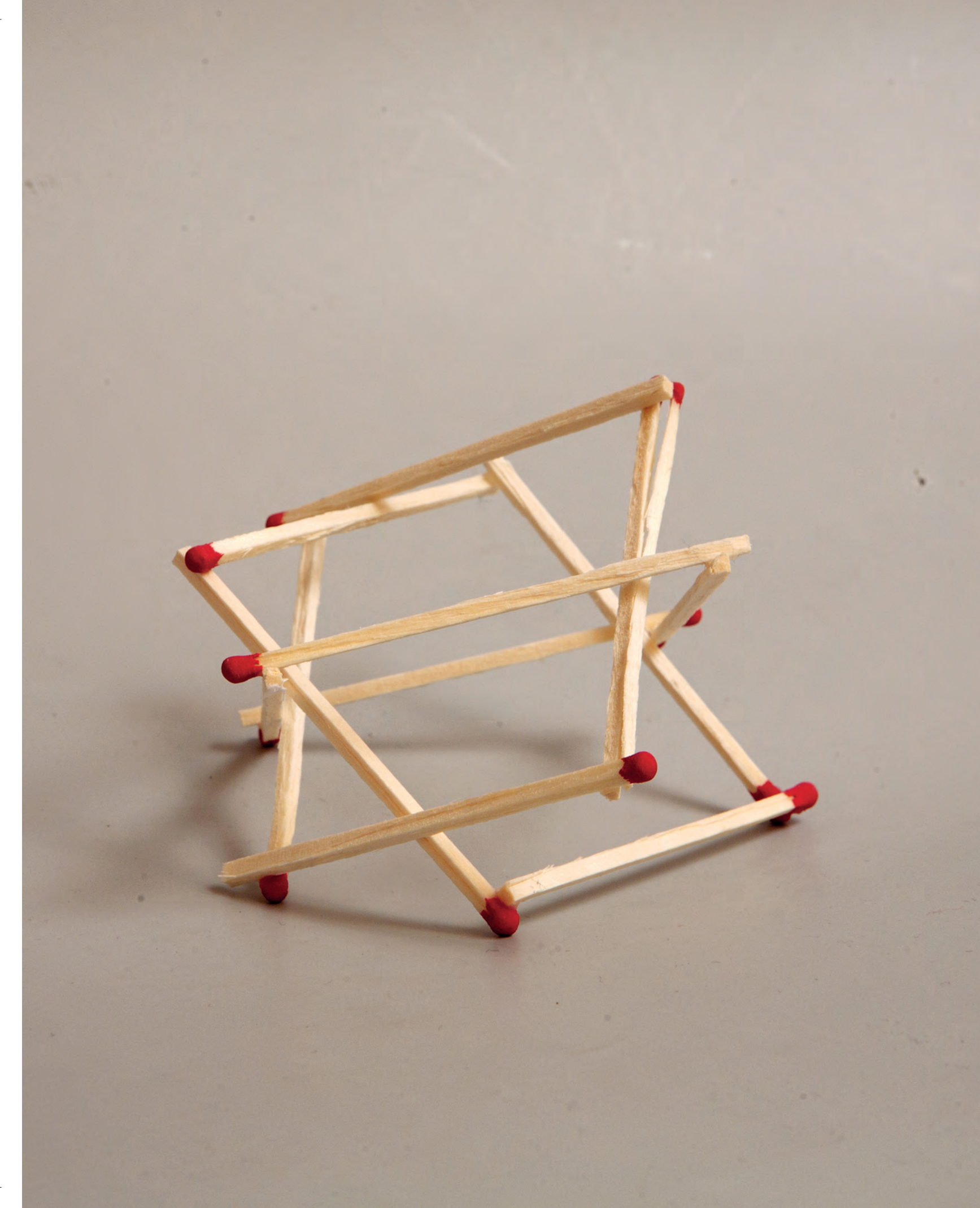
Закон содержит ряд переходных статей, обеспечивающих до 31 декабря 2010 года или до утверждения Правительством Российской Федерации подзаконных актов, определённых законом, непрерывность действий, направленных на обеспечение сохранности объектов культурного наследия России.

Что пока не удалось

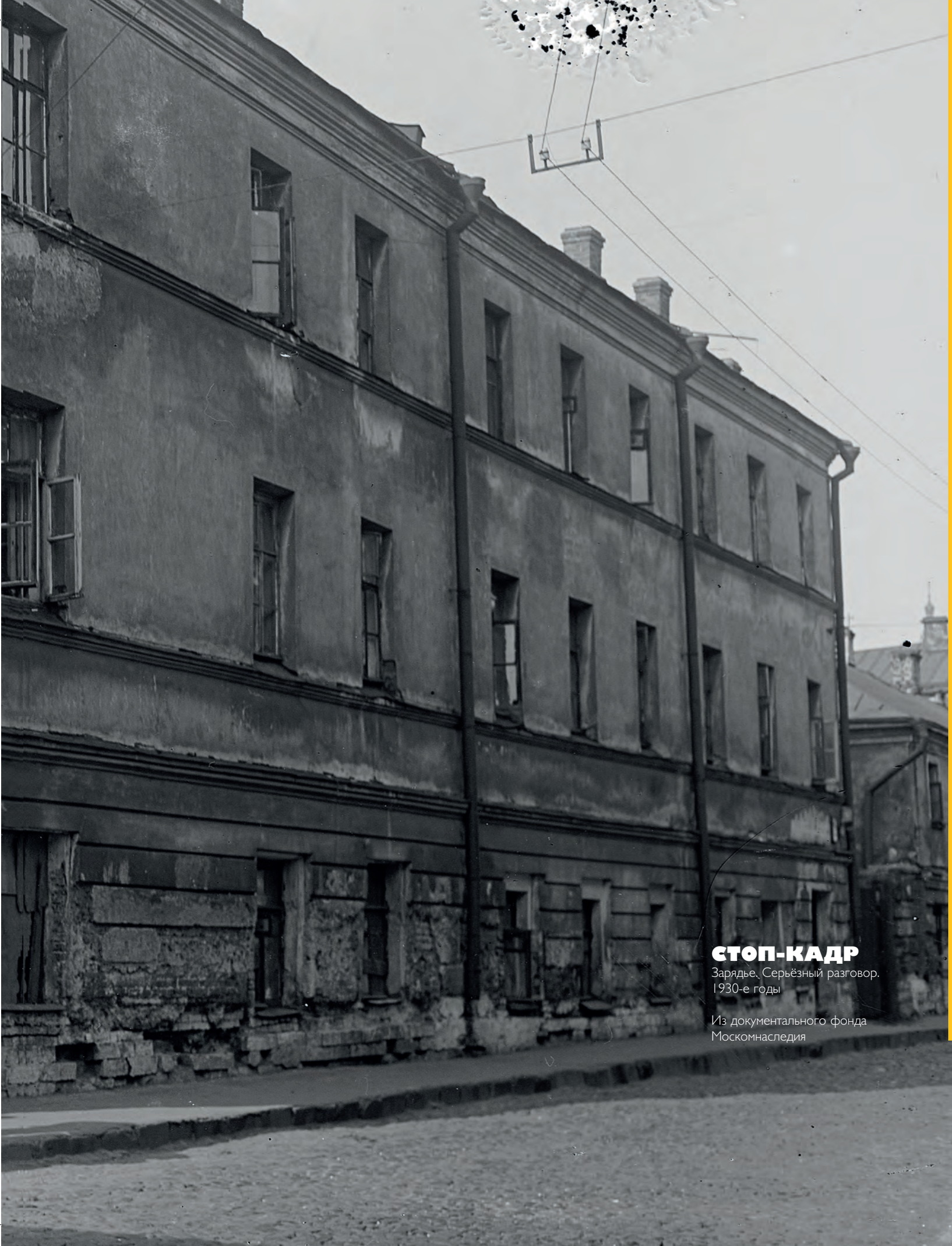
Стоит остановиться на положениях, реализовать которые в новом законе не удалось, или они оказались недостаточными: отсутствие юридического определения территории объекта культурного наследия, порядка определения и утверждения границ данного объекта, отсутствие требований о внесении данных об объекте культурного наследия и его территории в Государственный кадастр недвижимости, отсутствие определения понятия «содержание» объекта наследия и отсутствие охранных обязательств в случаях передачи объектов наследия в хозяйственное ведение, в оперативное или в доверительное управление, по концессионному соглашению, а также при передаче объекта в федеральную собственность, собственность субъектов Российской Федерации или в муниципальную собственность. Закону сильно повредило длительное отсутствие подзаконных актов. Вышедшие с большим опозданием базовые подзаконные акты о государственной историко-культурной экспертизе и о Едином государственном реестре объектов культурного наследия не реализуются в полной мере из-за отсутствия и необходимых механизмов для их реализации.

Другие законодательные акты

Законом 2002 года не исчерпывается правовая база охраны объектов культурного наследия. К числу законодательных актов, содержащих положения, направленные на обеспечение сохранности объектов культурного наследия, необходимо отнести различные кодексы Российской Федерации: земельный, градостроительный, об административных правонарушениях, уголовный и гражданский, а также федеральные законы «О приватизации государственного и муниципального имущества», «О регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», «О лицензировании отдельных видов деятельности», «Об особо охраняемых природных территориях».

СТОП-КАДР
Зарядье. Серьёзный разговор.
1930-е годы

Из документального фонда
Москомнаследия

Автор: Ирина Силятицкая
Фото: документальный фонд Москомнаследия

Закон пугает, а никому не страшно

Российское законодательство об охране культурного наследия считается одним из самых строгих в мире. При этом количество проблем в области охраны памятников не становится меньше

Принятый в 2002 году федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках) народов Российской федерации» специалистами оценивался как весьма прогрессивный. Закон учитывает новые экономические реалии, в частности, определяет памятник как объект недвижимости. Меры охраны памятников установлены жёсткие. Любое капитальное строительство запрещено, причём не только на охраняемых объектах культурного наследия, но и на выявленных и заявленных объектах. Казалось бы, при таких жёстких ограничениях за судьбу объектов культурного наследия можно не беспокоиться. Однако, как водится, строгость законов компенсируется необязательностью их исполнения. И даже наличие строгого закона не мешает тому, что охраняемые государством объекты ветшают, а объекты исторической среды, не получившие статуса памятника, и вовсе исчезают.

Не хватает подзаконных актов

В течение нескольких лет не принимались даже самые необходимые подзаконные акты, прямо предусмотренные федеральным законом. Достаточно сказать, что федеральный Реестр объектов культурного наследия – фактически база данных об имеющихся памятниках – начал формироваться только в нынешнем году. Специалисты Москомнаследия, приступив к работе, очень скоро обнаружили, что рамочный федеральный закон описывает лишь самые общие понятия и принципы. Начинали буквально с азов – с проверки адресных ориентиров всех имеющихся в столице памятников, что оказалось вовсе не такой простой задачей, как кажется на первый взгляд. Даже элементарная проверка физического наличия памятника нередко преподносила сюрпризы. Особенно это касалось заявленных объектов. Поскольку ранее процедура заявки не была никак регламентирована, любой человек мог написать заявку на постановку под охрану любого объекта, в том числе и давно утраченного. До момента проведения историко-культурной экспертизы никто этого не проверял. А историко-культурная экспертиза могла не проводиться десятки лет. Усилиями сотрудников столичного Комитета по охране культурного наследия были приняты десятки нормативных документов – положений, инструкций; правил подачи заявки на поставку объекта под охрану; методических рекомендаций по определению территорий объектов культурного наследия, предметов охраны и так далее. Однако есть пределы компетенции регионального комитета по охране наследия. Целый ряд норм надо принимать на федеральном уровне.

Поскольку ранее процедура заявки не была никак регламентирована, любой человек мог написать заявку на постановку под охрану любого объекта, в том числе и давно утраченного

О необходимости принятия всех необходимых для полноценной работы федерального закона подзаконных актов публично говорили на самых высоких собраниях и президент РФ Д. Медведев, и премьер В. Путин ещё в бытность свою президентом.

До идеала очень далеко

Сегодня ситуация изменилась в лучшую сторону, хотя до идеала ещё очень далеко. Один из наиболее актуальных вопросов на сегодня – это

проведение историко-культурной экспертизы, без которой невозможны ни постановка памятника под охрану, ни проведение реставрации. Принятое около года назад положение об экспертизе устанавливает важный принцип личной ответственности эксперта за выданное заключение. Однако это положение не работает, поскольку необходимо ещё одно положение – об аттестации экспертов, которое появилось только в октябре 2010 года.

И подобных проблем много. Совершенно не проработаны вопросы наказания недобросовестных пользователей и собственников. Хотя законом предусмотрено даже уголовное наказание за порчу или уничтожение памятника, добиться реального применения этой статьи крайне сложно. Москомнаследие довольно успешно отстаивает в суде интересы памятников, однако каждый такой случай пока рассматривается как своеобразный подвиг. Хорошо известно, что суды крайне неохотно рассматривают дела об объектах культурного наследия: аморфность законов в этих вопросах зачастую не позволяет вынести однозначное решение.

Необходимость внесения изменений в законодательство об охране культурного наследия назрела и осознаётся сегодня во всех регионах, где есть реально работающие структуры по охране наследия. В текущем году в Госдуме обсуждаются поправки в федеральный закон, которые должны быть приняты до конца года. Есть надежда, что наиболее очевидные пробелы и неточности будут устранены.

Главное слово – культура

Однако думается, что проблема лежит гораздо глубже и по-настоящему понимается даже не всеми специалистами. При обсуждении внесения любых изменений в закон об объектах культурного наследия акцент сегодня делается на слове «объект». То, что это довольно важный аспект, – бесспорно. Игнорировать экономическую сущность любого объекта недвижимости, в том числе и памятника, в наше время попросту невозможно. Но когда речь идёт о таких особых объектах, как памятники, главное слово всё же – культура. Сосредоточившись на вопросах, как именно охранять, законодатели часто забывают о том, что они охраняют, почему и зачем вообще памятники нуждаются в охране. И дело не только и не столько в законодателях, сколько в общественном мнении в целом. Довольно часто в оценках представителей общественных организаций, занимающихся вопросами охраны исторических зданий и территорий, звучат печальные констатации того, что всё у нас не так: чиновники неправильные, бизнесмены неправильные, население неправильное и даже представители культуры неправильные – так и норовят ради постройки нового здания театра или музея уничтожить какое-нибудь старое здание. Очевидно, что сразу все не могут ошибаться и дело в другом. Достаточно просто привести пример. Разрушение даже самого заурядного в архитектурном отношении памятника участникам Великой Отечественной войны большинством населения будет воспринято как ужасающий вандализм, кощунство и абсолютно недопустимая вещь. А снос даже весьма оригинальной усадебной постройки XIX века не вызовет никакой реакции у большинства населения и, вполне вероятно, будет равнодушно воспринят и некоторыми специалистами.

Разрушение даже самого заурядного в художественном отношении памятника участникам Великой Отечественной войны большинством населения будет воспринято как вандализм и абсолютно недопустимая вещь. А снос даже весьма оригинальной усадебной постройки XIX века не вызовет никакой реакции у большинства населения

Всё у нас не так: чиновники неправильные, бизнесмены неправильные, население неправильное и даже представители культуры неправильные – так и норовят ради постройки нового здания театра или музея уничтожить какое-нибудь старое здание

Памятник должен жить

Из этого очевидного факта не следует, однако, что нам вообще не нужны памятники или что необходимо сохранять только то, что в настоящее время наиболее интересно. Ведь времена могут измениться. Дело в другом. Создать полноценную систему охраны наследия с помощью одних только ограничительных мер невозможно. Для того чтобы сохранить историческое наследие, его необходимо вовлекать и в экономический, и в культурный оборот. Памятник должен жить, представлять актуальный интерес для тех, кто живёт сегодня, а не только для абстрактных потомков. Создание мер стимулирования, поощрения – это тоже законодательная проблема. Не менее важная, чем определение мер ответственности за порчу или уничтожение объекта культурного наследия.

Автор: Ольга Решетникова, начальник юридического управления Москомнаследия
Фото: документальный фонд Москомнаследия

Изменение закона – **требование времени**

Одним из основных документов, которым руководствуется в своей работе Москомнаследие, является Федеральный закон РФ от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Закон этот совсем небольшой – всего 65 статей. С одной стороны, закон и должен быть лаконичным, а с другой – его явно недостаточно, чтобы охватить все многообразие проблем и ситуаций. Ведь то, что мы в обиходе называем ёмким словом «памятник», на самом деле может быть и отдельно стоящим зданием, и ансамблем, и объектом садово-паркового искусства, и монументальной скульптурой, и некрополем. В свою очередь здания-памятники используются в разных целях: как жилые дома, офисные помещения, больницы, музеи, театры, библиотеки, церкви и т.д. Кроме того, все эти объекты могут находиться в собственности как юридических и физических лиц, так и в государственной собственности, а также передаваться в аренду, безвозмездное пользование, в оперативное управление или хозяйственное ведение.

Всё многообразие видов использования приводит к нескольким вопросам. Кто в конечном счёте отвечает за памятник – собственник, арендатор или пользователь на ином праве? Как и в каком порядке должна оформляться «охранная грамота»? Возникает ли обязанность по сохранению из договора и как в таком случае договариваться? Или такая обязанность должна устанавливаться в императивном порядке?

К сожалению, в действующем законе установлена противоречивая модель правовой охраны объектов культурного наследия. То есть чётко не определено, что такое обязанность по сохранению памятника – ограничение права в публичных интересах или частно-правовое обязательство, то есть сделка. Существующее правовое регулирование сочетает в себе противоположные модели охраны: модель ограничения в публичных интересах прав в отношении объекта культурного наследия и договорную модель.

Должным образом не урегулирован и вопрос о том, кто обязуется осуществлять сохранение памятника и отвечает за его сохранность – собственник объекта или его пользователь. Если здание-памятник находится в собственности у коммерческой организации, которая заключила договор аренды на это здание, то кто будет отвечать за его сохранность – собственник или арендатор? А если арендаторов в таком памятнике несколько? В частности, возникает вопрос о содержании обязанности по сохранению памятника для каждого из них, а также для собственника и, как следствие, об объёме ответственности за неисполнение этой обязанности. Множество вопросов возникает и по другим положениям закона. Учитывая накопленный опыт, для разрешения назревших проблем Москомнаследием разработан проект закона, предусматривающий внесение изменений и дополнений в действующий закон.

То, что мы в обиходе называем словом «памятник», может быть и отдельно стоящим зданием, и ансамблем, и объектом садово-паркового искусства, и монументальной скульптурой, и целым некрополем

Модель охраны

Законопроектом предлагается новая модель правовой охраны объектов культурного наследия. За её основу предлагается взять модель ограничения прав на объект культурного наследия. При этом в структуре ограничения предлагается выделить обязанность пассивного типа и обязанность активного типа.

Под обязанностью пассивного типа следует понимать обязанность не совершать определённые

действия в отношении объекта культурного наследия или ограничения на совершение тех или иных разрешённых действий (например, проведение реставрационных и других мероприятий при наличии соответствующего разрешения). Данная обязанность представляет собой типичное ограничение права собственника по своему усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом, является элементом общего законного режима памятника и выражается в запретительных и ограничительных нормах. То есть все ограничения и запреты чётко прописаны в законе, распространяются абсолютно на всех, действуют с момента придания зданию статуса «выявленный объект» и не требуют оформления отдельного документа. При этом на орган по охране объектов культурного наследия возлагается обязанность в очень короткий срок с момента придания объекту соответствующего статуса уведомить об ограничениях регистрационную службу.

Если здание в собственности у коммерческой организации, заключившей договор аренды, то кто будет отвечать за его сохранность – собственник или арендатор? А если арендаторов в таком памятнике несколько?

Под обязанностью активного типа понимается обязанность лица совершить определённые действия (например, реставрацию, работы, направленные на сохранение памятника). По существу, в настоящее время данная обязанность оформляется охранным обязательством.

Законопроектом предлагается установить, что обязанность активного типа несёт только собственник памятника. Именно он отвечает за неисполнение соответствующей обязанности. Данная обязанность возникает с момента придания объекту статуса памятника и следует за правом на объект. Следовательно, изменение собственника не влечёт изменения ограничения.

Предлагаемый нами подход позволяет решить ряд проблем. Во-первых, ответственность за сохранение памятника перед государством всегда несёт его собственник. Во-вторых, право собственности является наиболее стабильным правом, следовательно, стабильной будет и охрана памятника. В-третьих, право собственности, в отличие от права пользования, всегда зарегистрировано в Едином государственном реестре прав (ЕГРП), поэтому поиск собственника как ответственного лица не может вызвать затруднений. Для права собственности характерно право следования, которое означает, что ограничения права собственности в виде охранного обязательства будут распространены автоматически и на нового собственника памятника при отчуждении прав.

При этом собственник не лишён возможности обязать пользователя отреставрировать памятник. Однако следует особо отметить, что отношения собственника и пользователя не влияют на вопросы сохранения объекта культурного наследия. В частности, установление в договоре аренды обязанности арендатора осуществить действия, идентичные обязанности собственника активного типа, не означает, что последняя переходит к арендатору. Поэтому в случае неисполнения данной гражданско-правовой обязанности арендатором он будет отвечать лишь перед собственником за неисполнение договорной обязанности. Ответственность же за неисполнение публичной обязанности активного типа будет нести собственник памятника.

Введение ограничений предлагается разбить на два этапа. Первый этап – возникновение обязанности пассивного типа. Содержание данного этапа включает порядок придания объекту статуса объекта культурного наследия, в том числе выявленного, внесение соответствующих сведений в реестр памятников, извещение собственника памятника. Второй этап – возникновение обязанности активного типа. Содержание данного этапа связано с процедурой проведения государственной историко-культурной экспертизы объекта, а также внесение соответствующих сведений в реестр объектов культурного наследия и извещения собственников последних.

На практике это будет означать, что охранное обязательство устанавливается в одностороннем порядке органом по охране памятников. Тогда как в настоящее время при заключении охранного обязательства собственники (пользователи) пытаются изменить его содержание протоколом разногласий, в котором требуют исключить или изменить конкретные обязательства, исходя исключительно из собственных интересов, зачастую не отвечающих требованиям сохранения памятников. При этом собственники (пользователи) могут неоднократно направлять такие протоколы разногласий, что является одной из форм уклонения от заключения охранного обязательства. Более того, следует отметить, что на каждое третье оформляемое охранное обязательство собственником (пользователем) объекта культурного наследия составляется протокол разногласий. Кроме того, действующее законодательство не устанавливает чётких правил оборота объектов культурного наследия. В настоящее время в ЕГРП не осуществляется чёткая регистрация обременения права в виде указания на статус объекта недвижимости как объекта культурного наслед ия и наличие охранного обязательства. Данное обстоятельство приводит к тому, что приобретатель объекта культурного наследия на момент совершения сделки по его приобретению может не знать и не оценить объективно объём обременения и даже его наличие. Это ведёт к возникновению специфических рисков как для приобретателей памятников, так и для сохранения объекта культурного наследия. Следствием этого являются затруднения в оборо-

Сейчас при заключении охранного обязательства собственники пытаются изменить его содержание протоколом разногласий, в котором требуют исключить или изменить конкретные обязательства, исходя из собственных интересов, зачастую не отвечающих требованиям сохранения памятников

те объектов культурного наследия. Москомнаследие предлагает сведения об обязанности по сохранению памятника как ограничение права на него вносить в общем виде в ЕГРП, в связи с чем соответствующие дополнения предлагается внести в Федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

Жилые дома

Ещё одной важной проблемой являются вопросы сохранения такого объекта культурного наследия, как многоквартирный жилой дом. Для жителей таких домов проживание в них и почётно, и обременительно одновременно. Зачастую в старых домах, построенных, исходя из иных представлений о комфортности, требуется осуществить перепланировку, например, чтобы выделить отдельное помещение для ванной комнаты. Однако такой ремонт сопряжён с большими сложностями, так как жителю необходимо подготовить соответствующий проект и дополнительно к общему порядку согласовать его в Москомнаследии, а также получить установленные законом разрешения.

Кроме того, по жилищному законодательству собственникам жилых помещений принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество жилого дома. В этой связи возникает вопрос: кто должен заключать охранное обязательство на общее имущество? Возможно, логично было бы заключение таких охранных обязательств собственниками квартир. Но в таком случае охранное обязательство заключается на идеальную долю и непонятно, кто конкретно отвечает за фасад или входную группу. Наши предложения сводятся к следующему: во-первых, необходимо на уровне закона установить особенности предмета охраны многоквартирного дома. По общему правилу, к предмету охраны должны относиться особенности общего имущества многоквартирного дома (в частности, фасады, на которых запрещено установление кондиционеров, изменение оконных заполнений, остекление лоджий и балконов). В случае, если и квартиры в таком доме обладают достаточной историко-культурной ценностью, особенности таких помещений могут составлять предмет охраны многоквартирного дома как объекта культурного наследия. В этом случае в отношении собственника такой квартиры устанавливается самостоятельное охранное обязательство.

Во-вторых, особенности государственной охраны многоквартирных домов должны устанавливаться в зависимости от способа управления таким домом. Так, если управление многоквартирным домом осуществляет товарищество собственников жилья, охранное обязательство устанавливается в отношении ТСЖ, если же управление указанным домом осуществляет управляющая организация, охранное обязательство устанавливается в отношении собственников соответствующих помещений. Различие в подходах обусловлено разным правовым статусом ТСЖ и управляющих организаций.

Налоговые льготы

Исполнение обязанностей по сохранению памятников требует постоянного вложения значительных финансовых средств в их содержание и реставрацию. При этом обязанности по сохранению объектов культурного наследия устанавливаются в интересах сохранения истории и культуры

Храм Святителя Николая в Уланском переулке. Реставрация 2010 года. Поновление кровли

народов России. Вместе с тем предусмотренные в действующем законодательстве меры, стимулирующие к сохранению памятников, являются явно недостаточными или носят декларативный характер. Так, например, предусмотренные законом льготные ставки арендной платы за пользование объектом культурного наследия, компенсации затрат на осуществлённую реставрацию памятника могут быть реализованы лишь в случае принятия соответствующих подзаконных актов, которые до настоящего времени не приняты. В связи с этим в законе должна быть предусмотрена система принципов государственно-частного партнёрства в области сохранения объектов культурного наследия, при котором государство предоставляет преференции собственникам и пользователям памятников.

Сейчас от уплаты налога на имущество освобождают лишь в отношении объектов федерального значения, что носит дискриминационный характер по отношению к иным категориям памятников

В качестве одной из таких мер предлагается устанавливать при заключении договора аренды памятника, находящегося в государственной (муниципальной) собственности, в качестве начальной цены минимальную ставку арендной платы, например, 10 минимальных размеров оплаты труда (в настоящее время 1000 рублей) за квадратный метр в год. Данный договор заключается на срок не менее 15 лет и должен содержать в себе обязанность арендатора выполнить работы по сохранению объекта культурного наследия. Такая мера должна сочетаться с механизмом обеспечения исполнения обязанности по реставрации памятника. В частности, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения указанной обязанности договор аренды должен быть в одностороннем порядке расторгнут по инициативе арендодателя, кроме того, с арендатора подлежат взысканию убытки в размере арендной платы по рыночным ставкам за весь период пользования памятником. Необходимо также введение мер налогового стимулирования собственников памятников к исполнению обязанности по сохранению последнего. В частности, в настоящее время нормы налогового законодательства освобождают от уплаты налога на имущество лишь в отношении объектов культурного наследия федерального значения, что носит явно дискриминационный характер по отношению к иным категориям памятников. Кроме того, нормы Налогового кодекса РФ не содержат развёрнутого правового регулирования, они носят отсылочный характер. Поэтому предлагается распространение данной льготы и на объекты культурного наследия регионального и местного значения, причём в отношении всех категорий налогоплательщиков. При этом соответствующие нормы должны стать нормами прямого действия.

Указанные в статье предложения, а также и многие другие были внесены в качестве поправок к проекту федерального закона, который предусматривает изменения и дополнения базового закона № 73-ФЗ. С частью наших предложений согласились, а часть требует дополнительной технико-юридической проработки, чем сейчас и занимаются специалисты Москомнаследия.

Городская усадьба в 1-м Казачьем переулке. Один из залов анфилады в центральном корпусе после реставрации 2010 года

ЗАДА

В Москве существует серьёзная законодательная база, которая регламентирует согласование, размещение, эксплуатацию и демонтаж рекламных конструкций. Однако, при взгляде на центральные улицы столицы, может сложиться впечатление, что мы живем не в красивом городе с интересной архитектурой, а в панцире, который состоит из баннеров, экранов и вывесок

Автор: Александр Филяев, заместитель председателя Москомнаследия
Фото: документальный фонд Москомнаследия

Архитектура – не подставка

Два нормативных документа регулируют сегодня вопросы размещения рекламы: Федеральный закон № 38 «О рекламе» от 22 июня 2006 года и постановление правительства Москвы № 908-ПП «О порядке установки и эксплуатации объектов наружной рекламы и информации в городе Москве и регламенте подготовки документов Комитетом рекламы, информации и оформления города Москвы заявителям в режиме «одного окна» от 21 ноября 2006 года. Проводимую работу городских структур по рекламе можно разбить на два блока: согласование размещения рекламных конструкций либо пролонгация ранее установленных рекламных конструкций и инвентаризация объектов наружной рекламы.

Согласование рекламы

В 908-м постановлении определены чёткий порядок, регламент, а также соответствующие структурные подразделения правительства Москвы: это Комитет рекламы, информации и оформления города Москвы, Комитет по архитектуре и градостроительству города Москвы, Объединение административно-технических инспекций города Москвы, Федеральная служба охраны Российской Федерации, Государственная инспекция безопасности дорожного движения ГУВД г. Москвы.

По инициативе Москомнаследия, и это важно, были внесены изменения в указанное постановление, и с 2007 года Комитет по культурному наследию стал официальным согласующим органом по размещению рекламы на объектах культурного наследия и в зонах их охраны.

В процессе работы по инициативе Москомнаследия с 27 июля 2010 года установлен запрет на установку информационных конструкций на крышах объектов культурного наследия, введён ряд других жёстких ограничений по размещению рекламы на объектах культурного наследия и на зданиях, размещённых в зонах их охраны.

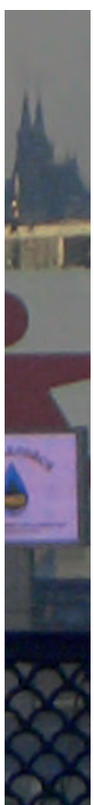
Были утверждены основные принципы размещения рекламы и разработаны рекомендации повыполнению объектов наружной рекламы и их размещению. Основной принцип – не навредить памятнику, его техническому состоянию и архитектурно-художественному облику.

За 2008–2010 годы Москомнаследием было рассмотрено более 1000 обращений юридических и физических лиц по согласованию объектов рекламы.

При этом согласованию подлежат, как правило, только информационные конструкции предприятий потребительского рынка и рекламные конструкции, выполненные в щадящем для памятников и исторических территорий режиме.

Инвентаризация

В июне 2008 года правительство Москвы выпустило постановление № 584-ПП «О мерах по освобождению отдельных исторических территорий города Москвы от наружной рекламы». Этим документом предусмотрены меропри-

тия по освобождению от наружной рекламы территорий охранных зон объектов, включённых ЮНЕСКО в Список всемирного наследия (территории вокруг ансамбля Московского Кремля; ансамбля Новодевичьего монастыря и ансамбля музея-заповедника «Коломенское»), а также территорий культовых объектов и территорий вокруг городских архитектурных ансамблей.

Была создана Межведомственная комиссия под руководством С.Л. Байдакова, в которую вошли представители заинтересованных структурных подразделений города Москвы, в том числе и представители Москомнаследия. При рассмотрении тех или иных вопросов решения на комиссии принимаются путем открытого голосования большинством голосов.

Межведомственная комиссия уже рассмотрела охранные зоны московских объектов ЮНЕСКО. Если посмотреть статистику, то значительное количество объектов рекламы здесь уже демонтировано. Однако эти конструкции имели незначительные размеры и не оказывали сильного влияния на восприятие города. К сожалению, нельзя рассчитывать на быстрое коренное изменение ситуации: по оставшимся объектам рекламы существуют ранее заключённые Комитетом рекламы долгосрочные договоры на их установку со сроком действия до 2011–2013 годов, и потому большинством голосов комиссии было решено сохранять их до окончания сроков действия договоров.

Зона особого внимания Москомнаследия – Бульварное кольцо. Это объект культурного наследия (произведение садово-паркового искусства) регионального значения. А с градостроительной и историко-культурной точки зрения это историческая территория, включающая в себя бульвары, площади, фасады зданий и сооружений, располагающиеся по красной линии застройки бульваров и площадей. Большинство этих построек сами являются объектами культурного наследия, выявленными или заявленными, или ценными элементами историко-градостроительной среды. Именно поэтому специалисты Москомнаследия в инициативном порядке провели ревизию рекламных объектов на Бульварном кольце. Выяснилось, что из почти 1000 рекламных установок только двадцать согласовано с Москомнаследием.

Итоги ревизии были переданы в Комитет рекламы, информации и оформления города Москвы с просьбой провести инвентаризацию объектов наружной рекламы на предмет наличия разрешительной документации, согласованной в установленном порядке, с последующим предложением по демонтажу рекламных конструкций.

К сожалению, из Комитета рекламы поступил формальный ответ, из которого следует, что в большинстве случаев реклама установлена законно, провести инвентаризацию сегодня не представляется возможным ввиду отсутствия денег и что, возможно, эта работа будет проведена в 2011 году.

Однако Москомнаследие последовательно выступало и выступает за освобождение от рекламы исторической части города (в пределах Садового кольца) и считает возможным сохранение в этой части города только информационных конструкций предприятий потребительского рынка. Вопрос размещения рекламы необходимо решать кардинально – Моском-

Вид на Кремль с Устьинского моста. Его наполовину закрывает рекламный модуль – самый большой в Европе, как с нескрываемой гордостью утверждает рекламное агентство

Пушкинская площадь в наши дни. Фасады всех зданий, окружающих её, скрыты огромными рекламными щитами

наследием ещё в 2007 году была подготовлена в плане законодательной инициативы поправка в 40-ю статью Федерального закона № 73, которая запрещает размещение рекламных конструкций на объектах культурного наследия, на их территориях, и ограничивает размещение информационных вывесок на объектах культурного наследия не выше первого этажа, а также ограничивает размещение информационных вывесок и рекламных конструкций в охранных зонах. Предложение было одобрено Московской городской думой и в порядке законодательной инициативы внесено в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации. Но в течение двух лет с различными замечаниями этот закон трижды направлялся на доработку. Однако данный вопрос очень важен для Москвы, в связи с чем Москомнаследием будет продолжена работа по внесению соответствующих поправок в федеральное законодательство.

Конечно, одними запретительными мерами ситуацию не изменить, в нашем сознании должна быть изменена приоритетность. Рекламному сообществу пора прекратить бездушно эксплуатировать историко-архитектурную среду. Ценность нашего города – не в рекламных вывесках, а в его истории и архитектуре.

Общество, просто москвичи и общественные организации могли бы поучаствовать в изменении ситуации: взяв фотоаппараты, выйдя на улицу, где вы живёте, сфотографировать рекламные вывески, щиты, конструкции.

Информацию можно присылать в Комитет по культурному наследию города Москвы по электронной почте: rekl@mkns.mos.ru.

Наши специалисты эту информацию обобщат и передадут в Комитет рекламы для проведения работы по систематизации объектов наружной рекламы и работы по демонтажу несанкционированных установок.

Строительные сетки

Ещё один острый вопрос. Установка строительных сеток чётко регламентирована «Порядком и общими требованиями к размещению объектов наружной рекламы и информации на строительных сетках», утверждённым тем же постановлением № 908-ПП правительства Москвы. Все строительные сетки должны размещаться на объектах, на которых проводятся ремонтные работы, на срок действия ремонтных работ и на срок соответствующих разрешений. При этом если строительная сетка размещается в зонах охраны, то на ней допустимо не более 30% рекламы. Остальную площадь должен занимать рисунок фасада. В большинстве случаев сегодня площади сеток заняты на 100% рекламой тех или иных фирм. В качестве одного из наиболее вопиющих примеров можно привести центральные площади Москвы – Пушкинскую и Триумфальную, а также Тверскую улицу, которые в результате воздействия данного вида рекламного оформления полностью утратили своё историко-культурное и градостроительное значение. На здании «Известий» строительные леса отсутствуют, ремонтные работы не ведутся, а рекламный баннер закреплён непосредственно на фасаде здания, что является прямым нарушением постановления № 908-ПП. В октябре 2010 года Москомнаследие обратилось к руководству города с предложением по изменению ситуации. Наши предложения поддержаны, и уже даны определённые указания для принятия незамедлительных мер по пресечению наиболее вопиющих случаев нарушения установленного порядка размещения рекламы.

Уже несколько лет журнал рассматривает актуальные вопросы в области охраны памятников в рубрике «Задачи». В этом номере мы создали специальную рубрику «Практика», в которой приводим мнения специалистов, ежедневно сталкивающихся с применением закона в своей деятельности. Открывает раздел беседа с начальником Инспекции Комитета по культурному наследию города Москвы Николаем Никифоровым

Интервью: Ирина Ермолаева
Фото: документальный фонд Москомнаследия

Что имеем – не храним, **потерявши – платим**

Многие исторические здания Москвы стали офисами, магазинами, ресторанами. Но кого их хозяева не рады видеть в качестве гостей, так это сотрудников инспекции Москомнаследия по контролю за соблюдением законодательства в области охраны и использования объектов наследия.

– Наши визиты для них нежелательны, – говорит начальник инспекции Николай Никифоров, – потому что основная часть собственников или пользователей объектов культурного наследия так или иначе нарушает правила их пользования.

Может быть, иной раз вы излишне придираетесь: «Тут поцарапано, а здесь краска вытерлась»?

Мы не занимаемся придирками, а выявляем обстоятельства, которые прямо нарушают действующее законодательство. В первую очередь инспекторы проверяют внешнее состояние здания, на котором часто монтируется несанкционированное оборудование. Затем интересуются внутренним: нет ли самовольно произведённых ремонтных работ, когда, например, вместо паркета из ценных пород дерева положили ламинат, а оконную столярку заменили офисным стеклопакетом.

Нет, никто не говорит, чтобы всё – а это и отопление, и освещение, и, простите, канализация, в историческом здании осталось, как 300 лет назад. Но нельзя сохранять, постоянно не заботясь. Федеральный закон № 73-ФЗ об объектах культурного наследия разрешает проводить работы по приспособлению. Если архитекторы Москомнаследия считают, что в здании паркет, не имеющий исторической ценности, то, естественно, можно, а в ряде случаев даже нужно сделать новое напольное покрытие, иначе сырость, влага могут причинить зданию огромный вред. У себя же в доме мы не держимся за старые трубы, которые начинают течь и не подлежат ремонту, а ставим новые.

Один из последних запретов – кондиционеры на фасадах московских домов. Но как показало прошедшее лето, они действительно необходимы. У вас в кабинете кондиционер, а здание – памятник архитектуры.

Кондиционеры можно установить, но только после согласования с Москомнаследием. Так, например, часто разрешается устанавливать навесное оборудование на дворовой части дома. Да, иной раз это может быть затратнее, чем под окном своего кабинета с видом на улицу, но дороже выходит населению города, которое хочет видеть архитектурную красоту без уродующих её коробок. Если собственник чувствует, что не в состоянии нести бремя содержания памятника, лучше с ним расстаться. Историческое здание как культурная ценность принадлежит не только ему, и нельзя с этим не считаться.

В отчёте инспекции за 2009 год сказано, что вы провели 324 проверки. Гораздо больше, чем рабочих дней в году…

В день можно выехать по нескольким адресам. Но проверка редко ограничивается одним визитом. Кто-то из пользователей не идёт на контакт, или не хватает разрешительных документов, или

Если собственник чувствует, что не в состоянии нести бремя содержания памятника, лучше с ним расстаться. Историческое здание, как историческая ценность, принадлежит не только ему

что-то не в порядке. А если это дворцы с парками, которые занимают по несколько гектаров… Сколько нужно времени, чтобы их обойти и выявить, к примеру, несанкционированные постройки! Возникают вопросы, необходимо поднять документы, подключить специалистов других направлений.

И ваша работа превращается в огромную бумажную волокиту, которая может тянуться месяцами…

Она не превращается, она непосредственно связана с большим количеством бумаг, документации, постановлений, разрешений. Часто необходимо запрашивать ОАТИ, Мосгосстройнадзор, префектуры Москвы, Мосжилинспекцию, Росреестр, БТИ, разыскивать реальных владельцев. Мы не можем просто заявить, что физическое или юридическое лицо виновно, мы обязаны это доказать и действовать исключительно в рамках закона.

Сейчас идёт много дискуссий о несовершенстве законодательства об охране памятников культуры.

Мы соблюдаем все действующие законы, но часто именно они связывают нас по рукам и ногам. Так, по Федеральному закону № 294-ФЗ о защите прав юридических лиц и предпринимателей мы можем проверить организацию не раньше чем через 3 года с момента её государственной регистрации. Нам известно, что собственник плохо обращается с историческим зданием, а ничего сделать не можем. Самостоятельно отправиться на проверку не имеем права – только по сигналу от общественности или государственного органа и с разрешения прокуратуры. Для этого инспекция должна к своему заявлению в прокуратуру собрать огромное количество сведений: и правильное название юридического лица – пользователя, и все его реквизиты и прочее, и прочее… Иной раз невозможно найти в документах, кто действительно является собственником здания. За 2010 год органы прокуратуры не согласовали ни одной внеплановой проверки инспекции Москомнаследия. Но предмет нашего контроля – не предпринимательская деятельность, не личный бизнес, а соблюдение порядка сохранения, использования и охраны того, что принадлежит всем, а именно объектов культурного наследия. Часто владельцы начинают незаконно перестраивать исторические здания, а ведь восстанавливать будет гораздо дороже.

Наша позиция в этом вопросе такова: не просто заставить заплатить штраф, а дать понять, что исполнение закона может быть дешевле штрафных санкций

Но ведь действует система штрафов. Правда, для юридического лица, успешного в бизнесе, они просто смешны, а кодекс чести, увы, не действует. Более того, причинить вред памятнику федерального значения оказывается гораздо дешевле, чем региональному, хотя всегда казалось, что первые важны для жителей не только города, но и всей страны…

Дело в том, что Кодекс об административных правонарушениях Москвы принимался в конце 2007 года, а КоАП Российской Федерации – гораздо раньше, в 2001-ом. И рубль стоил иначе, и отношение к культуре было другое. Так, по московским законам штрафы для юридических лиц – от 500 тысяч до 1 млн рублей, а по Административному кодексу РФ – от 10 до 30 тысяч рублей.

Получается, что гораздо выгоднее раз в три года заплатить такой штраф, чем вкладывать миллионы в реставрацию, без которой фирма легко обходится?

Штраф – это наказание за уже совершённое правонарушение, а работы по устранению нарушений, по сохранению памятника рано или поздно придётся сделать. Несмотря на то, что называемся московским комитетом, мы по Федеральному закону № 73-ФЗ мы считаемся ответственными за все памятники, которые находятся в нашем городе, независимо от их статуса. Поэтому Москомнаследие активно выступает за увеличение штрафов по объектам федерального значения. Наша позиция в этом вопросе такова: не просто заставить заплатить штраф, а дать понять, что исполнение закона может быть дешевле штрафных санкций. Надеемся, это дисциплинирует тех, кто слишком хорошо сегодня считает деньги.

Тогда, может быть, дешевле предложить взятку инспектору? И наверняка попытки были…

Органы исполнительной власти всегда входят в такие группы риска. Могу с уверенностью сказать, что в настоящее время в инспекции сложился коллектив, который не даст никакого повода для таких подозрений. Да и статистика последних лет это подтверждает. Если в 2008 году по результатам деятельности инспекции было 32 судебных дела, то в 2009 году уже 102. Если количество решений, вынесенных в пользу Москомнаследия, в 2008 году составляло 50% от общего количества судебных решений, то за 2009 год оно увеличилось до 80%.

Что вы как руководитель инспекции считаете своей профессиональной победой?

Внедрение в практику 243-й статьи Уголовного кодекса РСФСР от 1969 года, касающейся уничтожения или повреждения памятника культуры. Впервые уголовное дело возбуждено против бизнесмена Бориса Петросяна, руководителя

компании «Старград». В 2008 году несанкционированное подземное строительство на Никольской улице привело к тому, что под зданием Славяно-греко-латинской академии образовались пустоты, и Заиконоспасский монастырь накренился вбок. Ущерб памятнику оценили в 125 миллионов рублей, виновному грозит до двух лет заключения, но сейчас он скрывается.

Но, судя по статистике, есть и поражения.

Это дом № 13, строение 3, по Русаковской улице, построенный в конце XIX века, где находился пиво-медоваренный завод купца Калинкина. Двухэтажное деревянное здание было принято под государственную охрану в 2001 году, в конце 2007-го его приобрело ООО «Строительная компания «Бородино-Строй», в июне 2008 года зарегистрировало право собственника, а уже в конце августа дома не стало. Без всякого разрешения начался ремонт крыши, и дом частично обрушился.

Остальное довершили хозяева, которые объяснили, что не знали статуса этого памятника. По решению суда компания заплатит 49000 рублей. Мы подавали иск на возбуждение уголовного дела, но проиграли. Обидно, что потеряли памятник. Плох он был или хорош для собственника, но должен был жить.

Даже когда мы выигрываем дела в судах, это не означает, что завтра всё будет, как мы хотим. Уже два года как принято решение суда об изъятии усадьбы XVIII века на Таганской площади, 88. Представьте, что Москомнаследие силой выгоняет собственников из здания, заключает договор аренды с добросовестным пользователем, который начинает ремонт. Но это пойдёт в разрез с действующим законодательством. В законе предусмотрен лишь выкуп этого здания. Необходимо согласие двух сторон. И вторая сторона крайне не заинтересована получить сумму, которую предлагает Москва, то есть рыночную стоимость за вычетом тех денежных средств, которые нужно будет затратить на приведение памятника в надлежащее состояние. Несмотря на тот вред, который нанесли памятнику, собственнику хочется уйти, да ещё набить карман деньгами. Судебное решение об изъятии не прекращает права собственности. Сейчас идёт процедура изъятия дома № 14, строение 3, на Лубянке, знаменитого дома Орлова-Денисова, чья история связана с войной 1812 года. Те средства, которые собственник ООО «КАРС» потратил на судебные тяжбы, могли пойти на столь необходимую реставрацию. Есть ещё несколько затянувшихся в судопроизводстве дел, а здания тем временем приходят в упадок. Особое беспокойство вызывают усадьбы Покровское-Глебово, Знаменское-Садки, которые находятся в собственности федеральных властей.

Многие проблемы возникают из-за того, что в 73-м федеральном законе неточно прописаны вопросы оформления охранных обязательств как для частных лиц, так и для государственных органов. До настоящего времени по многим объектам культурного наследия не определены предметы охраны, не оформлены паспорта памятников, а значит, их нельзя внести в Единый государственный реестр объектов культурного наследия. Всё это создаёт сложности в решении вопросов их сохранения, в частности, о пределах допустимости проведения ремонтно-реставрационных работ. Наша инспекция подготовила ряд законодательных инициатив, и мы надеемся, что они будут приняты в самое ближайшее время. Мы стараемся жить в правовом государстве, нельзя останавливаться, надо идти дальше, даже набивая себе шишки. Если мы остановимся и опустим руки, я думаю, мы покатимся назад.

Несмотря на тот вред, который нанесён памятнику, собственнику хочется уйти, да ещё набить карман деньгами. Судебное решение об изъятии не прекращает права собственности

Мы стараемся жить в правовом государстве, нельзя останавливаться, надо идти дальше, даже набивая себе шишки. Если мы остановимся и опустим руки, я думаю, мы покатимся назад

Лестница в соборе Рождества Богородицы на Большой Новодмитровской улице, 23. Фреска, открытая в процессе реставрации 2010 года

«Археологи! Ау!» – эта фраза из фильма «Джентельмены удачи» на протяжении многих лет напоминала обществу о том, что есть такая наука археология. Хотя этот фильм консультировал выдающийся археолог, москвовед Р. Розенфельдт, сцена археологических раскопок в нём получилась откровенно ненаучной. Учёному, доставшему без фиксации из бесформенной ямы шлем, грозит тяжкое обвинение в непрофессионализме и презрение археологического сообщества. Другого, ставшего родным для счастливых обладателей видеомагнитофонов, киноархеолога Индиану Джонса следовало бы отдать под суд по статьям Уголовного кодекса, которые я опишу ниже...

Автор: Леонид Кондрашев, заместитель председателя Москомнаследия
Фото: документальный фонд Москомнаследия

Закон суров, но это закон
Dura lex sed lex

Итак, научное и общественное понимание археологии – это «две большие разницы». В таком случае существует проблема определения цели сохранения археологического наследия. Ведь с юридической точки зрения «охрана памятников» есть ограничение прав в защиту общественного интереса. И именно в понимании потребностей общества состоит задача выстраивания системы сохранения объектов археологического наследия.

На данный момент среди российских учёных-археологов нет единого мнения в определении объекта археологического наследия. До Октябрьской революции в качестве предмета охраны археологического наследия воспринимались преимущественно археологические находки (артефакты). Главной целью представлялась обязательная передача артефактов в государственный музейный фонд. Среди специалистов постепенно возникло понимание, что охране должны подлежать и территории, где обнаруживались артефакты: городища, курганы и тому подобное. Именно эта точка зрения стала доминировать в советское время.

***

С падением «железного занавеса» Россия ощутила себя неотъемлемой частью мирового гуманитарного пространства. Понятийный аппарат, выработанный в советское время, перестал устраивать нынешнее поколение интеллектуалов. Культурологи полагают, что культурное наследие – определённый способ интерпретации прошлого. Выделяются три парадигмы, задающие отношение к культурному наследию, которые можно обозначить как «отсутствие прошлого», «память-преемственность», «культурный диалог». Они соотносимы с тремя типами обществ – архаичным, индустриальным и постиндустриальным.

С переходом общества к постиндустриальному состоянию происходит и переход от «памяти-преемственности» к «диалогу культур». Термин «культурные ресурсы» становится фундаментом для осмысления собственно «диалога культур». Именно этот подход получил отражение в Рамочной конвенции Совета Европы о значении культурного наследия для общества, принятой в Фаро (Португалия) 27 октября 1995 года: «Культурное наследие является совокупностью ресурсов, унаследованных от прошлого» (статья 2, пункт а).

Культурные ресурсы – это естественные или изготовленные человеком артефакты, которые нельзя переместить, связанные с деятельностью человека. Это уникальные и невосстановимые памятники, строения и артефакты, составляющие материальное воплощение прошлого человечества. Таким образом, происходит смещение акцента с практики сохранения культурного на-

Серебряная пряжка с хрустальными вставками XVII века и костяной чубук в виде головы наполеоновского офицера (на странице слева) – московские археологические находки последнего времени

следия к «актуализации наследия» – деятельности, направленной на сохранение и включение культурного и природного наследия в современную культуру путем активизации социокультурной роли его объектов и их интерпретации.

В европейской традиции, отражённой в «Европейской конвенции об охране археологического наследия» (Валетта, 16 января 1992 года, подписана Россией 16 января 1992 года, не ратифицирована), выделен главный постулат: археологические древности – это источники познания жизни исчезнувших людей и их сообществ: « … элементами археологического наследия считаются все остатки и предметы и любые другие следы человечества прошлых эпох, сохранение и изучение которых помогает восстановить историю человечества и его связь с природной окружающей средой; для которых раскопки или открытия и другие методы человечества являются основными источниками информации… »

Отметим три наиболее значимых способа интерпретации археологических памятников: а) как пространства архаичных культур … б) как мест этнонациональной и региональной культурной памяти; в) как ландшафтной среды обитания современных обществ и как пространства предметных форм, интересных в силу своей инаковости актуальной культуре. Действующий российский закон о сохранении объектов культурного наследия (73-ФЗ) делает смысловой акцент именно в данном направлении: Объекты культурного наследия: **Памятники** – …частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки; **Достопримечательные места** – творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе культурные слои, остатки построек древних городов, городищ, селищ, стоянок».

Таким образом, выделен главный постулат: археологические древности – это источники познания жизни исчезнувших людей и их сообществ.

***

Определившись с понятием, что такое объект археологического наследия, рассмотрим, как в законодательстве предусмотрена возможность их сохранения. Прежде всего следует определить границы охраняемого объекта. Закон налагает особые условия использования территории, занимаемой объектами культурного наследия. Но здесь возникает коварный логический вопрос: если археологические объекты скрыты под землёй, как провести границы? Археологами предложена следующая формулировка: «Территория объекта археологического наследия охватывает зону распространения (местонахождения) культурного слоя, археологических артефактов, а также курганов, грунтовых могильников, изваяний, наскальных изображений, остатков древних укреплений, производств, каналов, дорог, судов, древностей, связанных с совершением древних религиозных обрядов. Границы территорий объектов археологического наследия определяются в результате полевых археологических работ». То есть археологические раскопки являются тем критерием, по которому определяется граница объекта.

Однако органы земельного кадастра – а именно они важны прежде всего для регистрации имущественных отношений – знают термин «земельный участок». Что делать если территория памятника и земельный участок не совпадают? В таком

Наконечник копья и топор с солярным знаком – археологические находки, сделанные вблизи Кремля

случае ограничения накладываются на ту часть земельного участка, на которой расположен объект археологического наследия.

***

В практике часто возникает вопрос о праве собственности на земельные участки, на которых расположены объекты археологического наследия. Закон гласит, что «объект археологического наследия и земельный участок, в пределах которого он располагается, находятся в гражданском обороте раздельно» (ст. 49), «физические и юридические лица осуществляют право пользования… земельным участком... в пределах которого располагается объект археологического наследия… по своему усмотрению, с учётом требований, установленных настоящим Федеральным законом». Как мы видим, главное в рассматриваемой ситуации при осуществлении законных прав собственника или пользователя земельных участков – не нанести вред объектам археологического наследия. Во-первых, объекты археологического наследия безусловно находятся в государственной собственности. Во-вторых, особенности объекта или так называемый предмет охраны должны остаться неизменными.

***

Таким образом, главным фактором в сохранении археологического наследия являются археологические раскопки. За время существования общественного интереса к древностям наука не придумала более надёжной и достоверной процедуры исследований, чем раскопки. Собственно образ археолога ассоциируется именно с копанием. Однако учёные указывают, что только при соблюдении определённых условий земляные работы являются научными исследованиями, а не грабительским кладоискательством. Для археологии как науки важнее не получение артефактов, как может показаться, а тщательная фиксация всех обстоятельств находки. Тщательный анализ всего массива информации позволяет сделать обоснованные историко-археологические выводы, что превращает поиск древних предметов в науку. Поэтому для закона важно чётко прописать процедуру определения квалификации исследователя, которому доверяют проведение раскопок. Сто пятьдесят лет назад Императорской археологической комиссией было выдано первое разрешение на право проведения раскопок, подтверждающее квалификацию исследователя, – «открытый лист». С тех пор раскопки являются законными только в том случае, когда руководитель исследований имеет «открытый лист». Исследователь должен озаботиться правильным применением методик раскопок, тщательно зафиксировать все обстоятельства находок, отразив эту информацию в отчёте, затем сдать коллекцию в государственный музейный фонд.

Чтобы предотвратить незаконные раскопки, законодатель предусмотрел как уголовную, так и административную ответственность. Причем оплата штрафов не освобождает нарушителя от оплаты причинённого ущерба.

Важно отметить, что единственная утверждённая методика определения размера ущерба объектам культурного наследия – «Инструкция по учёту ущерба, причинённого немецко-фашисткими захватчиками и их пособниками государственным, кооперативным и общественным предприятиям, учреждениям и организациям. М., 1943» размер ущерба приравнивает к стоимости научных исследований аналогичного памятника. На основе данного принципа Институтом археологии РАН разработано обоснование определения размера ущерба, принимаемого судами при рассмотрении данных вопросов.

Декларированное вхождение нашего государства в рамки правового поля не может не повлечь изменения законодательства. В настоящее время в Государственной думе рассматриваются поправки в действующий закон.

Этот законопроект вызвал широкую дискуссию в профессиональном и экспертном сообществе. Главное, чтобы в ходе обсуждения были учтены, а возможно, и усовершенствованы новеллы закона, учитывающие особенности, описанные выше, чтобы мы могли с полной уверенностью говорить о системной защите археологического наследия.

Dura lex sed lex

ПРАК

«...на развалинах древней часовни... – Простите, часовню тоже я развалил? – Нет, это было до вас, в XIV веке, – объяснили Шурику, герою «Кавказской пленницы». В России ни в XIV веке, ни в 1970 году, когда фильм появился на экранах, за такой вандализм в тюрьму бы не посадили

Автор: Олег Пычин
Фото: документальный фонд Москомнаследия

Закон есть, **а результата – нет**

В 1996 году в Уголовный кодекс Российской Федерации была включена статья 243, предусматривающая ответственность за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры.

Но до сих пор она практически не работает.

Статистика настораживает

Список памятников истории и культуры России, подлежащих государственной охране, был сформирован к середине 1990-х годов.

По данным Главного информационно-вычислительного центра Министерства культуры Российской Федерации, он насчитывал около 100 тысяч объектов. 42 тысячи были признаны памятниками федерального значения, из них более 60% находились в аварийном или предаварийном состоянии.

В 2009 году министр культуры РФ А.А. Авдеев, выступая на правительственном часе в Совете Федерации, сообщил, что за последние 10 лет в стране погибло около 2 тысяч памятников. Если тенденцию не переломить, это неизбежно приведёт к невосполнимым утратам ценнейшего культурного наследия России.

Так, только количество утраченных археологических памятников за последнее время составило 155, в том числе из-за гидротехнического строительства – 17, из-за распашки – 35, вследствие промышленного и дорожного строительства – 8, а также из-за различного рода антропогенного вмешательства – 55 памятников.

Что касается памятников архитектуры, то чаще всего исторические здания разрушают или сами собственники, или другие лица, но причины в основном одинаково корыстные – незаконное завладение собственностью или земельными участками.

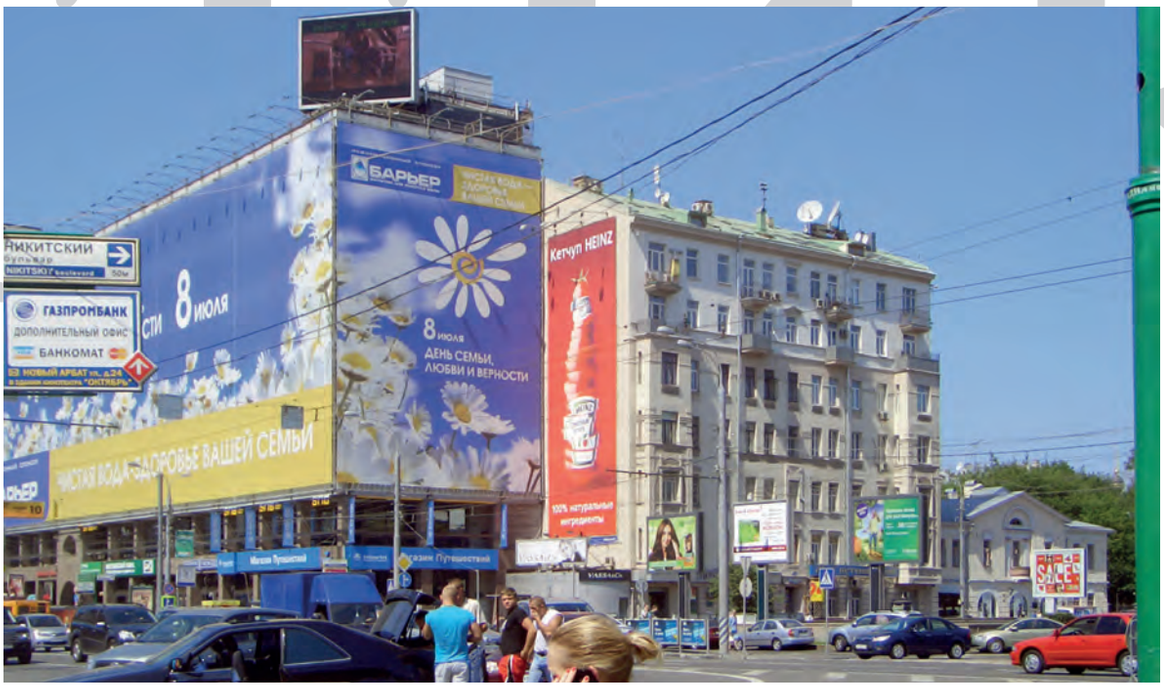
Что есть предмет преступления

«Незнание закона не освобождает от ответственности». Эта фраза стала аксиомой. Но парадокс в том, что закон, вернее, его расплывчатость и делает ненаказуемыми многие противозаконные действия.

Статья 243 Уголовного кодекса Российской Федерации направлена на охрану национального историко-культурного достояния России, входящих в него отдельных недвижимых объектов культурного наследия. Но её несовершенство приводит к тому, что применение на практике сведено к минимуму.

Согласно этой статье, предметом данного состава преступления являются памятники истории и культуры, природные комплексы или объекты, взятые под охрану государства, а также предметы или документы, имеющие историческую или культурную ценность. Вторая часть статьи предусматривает ответственность за совершение преступления в отношении особо ценных объектов или памятников общероссийского значения.

Самое главное в статье 243 УК РФ – понятие предмета преступления не удовлетворяет всем необходимым требованиям. Обилие расплывчатых формулировок не позволяет составить чёткого представления о предмете преступного посягательства и способствует возникновению трудностей при его квалификации в правоприменительной практике. Так, нет разграничений понятий «объекты культурного наследия (памятники истории и культуры), охраняемые государством» и «предметы, имеющие исто-

Угол Никитского бульвара и Нового Арбата. Фасады некоторых домов практически не видны под рекламными щитами, а домик Гоголя сразу и не заметишь...

рическую или культурную ценность». Таким образом, получается, что в первой части статьи 243 УК РФ охраняются одной правовой нормой сразу несколько абсолютно разных предметов: 1) недвижимые памятники истории и культуры (объекты культурного наследия) местного, регионального или федерального значения, находящиеся на государственной охране; 2) природные комплексы или объекты; 3) предметы или документы, имеющие историческую или культурную ценность, – движимые предметы материального мира.

Иначе говоря, эта часть статьи объединила всё движимое и недвижимое: архитектурные памятники и старинные фолианты, монументы и картины знаменитых художников, природные заказники и фамильные драгоценности, дворцы с загородными усадьбами и коллекции нумизматов. По мнению экспертов, движимые культурные ценности следует исключить из этого перечня и вынести в отдельный состав преступления, дополнив главу 21 УК РФ.

Культурные ценности в уголовном праве охраняются с разной степенью тяжести ответственности за совершённые деяния. Например, хищение предметов, имеющих особую ценность (статья 164 УК РФ), современный Уголовный кодекс относит к категории тяжких преступлений и предусматривает ответственность до 10 лет лишения свободы; невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран (статья 190 УК РФ) – до 8 лет лишения свободы. А преступление, предусмотренное первой частью статьи 243 УК РФ, отнесено к категории преступлений небольшой тяжести и наказывается лишением свободы до 2 лет, вторая же часть этой статьи предусматривает наказание всего до 5 лет лишения свободы. И такая мера наказания предусмотрена в случае уничтожения или повреждения особо ценных объектов или памятников общероссийского значения! Сложно себе представить, но, согласно УК РФ, за украденную картину преступник получит более суровое наказание, чем за снесённое или разрушенное по его вине историческое здание.

Преступлениями по статье 243 УК РФ занимаются органы внутренних дел, и в большинстве случаев следователи милиции оказываются неподготовленными к такому роду расследований и выносят постановления о том, что в деянии по уничтожению или повреждению памятника нет состава преступления. Когда такое решение обжалуется в прокуратуре, то из-за длительных процедур проверки (иногда дело курсирует из милиции в прокуратуру и обратно достаточно долго) и направления дела на новое рассмотрение истекают сроки давности привлечения виновных лиц к ответственности.

Закон – не догма

Очевидно, что необходимо совершенствование уголовно-правовой нормы, направленной на охрану недвижимых исторических памятников. Настало время изменения формулировки действующей нормы об уголовной ответственности за уничтожение или повреждение объектов культуры, ужесточение наказания за данный вид преступления. Соответственно необходима и универсализация используемой в уголовном законодательстве терминологии и приведение её в соответствие с основными нормативными актами, регулирующими отношения в сфере сохранения нашего исторического наследия.

De minimis non curat lex

О мелочах закон не думает

Алексей Рогулин, генеральный директор ООО «АРТ-Реставрация»

В силу многозначности термин «законодательство» имеет несколько трактовок. И если всё-таки учитывать, что область охраны культурного наследия касается всех без исключения граждан Российской Федерации – так, по крайней мере, записано в основном законе страны, в статье 44 Конституции Российской Федерации, – законодательство в области охраны культурного наследия всегда нуждается в пристальном внимании.

Не уходя глубоко в историю вопроса и не стараясь ориентироваться на то, как «принято на Западе», по существу можно сказать следующее. Ситуация с объектами культурного наследия в настоящий момент предельно проста: действует целый ряд федеральных законов, законов городских, подзаконных актов, предписаний, инструкций, циркуляров и постановлений, но большинство из них – «в целом» и «в общем». Ведь сама суть понятия «закон» предполагает, что это – такая штука, которую понимают и слушаются все, кто живёт в целом «своде правил» (на территории государства, где этот свод законов и кодексы действуют).

Но помимо утопичности самой идеи «общественного договора», которую опять-таки надо оставить почти за скобками, есть ещё элементарное незнание законов, раскоординированность законодателей, общества и гражданина, и разница в этических нормах в поликонфессиональной стране. Да, памятники нужно сохранять. Но мы живём в современном городе. Нужен компромисс между сохранением и возможностью развиваться. И чтобы не человек-чиновник решал, а в законе было прописано. В существующем законе, на мой взгляд, не проработаны некоторые существенные понятия, хотя сами они упоминаются – к примеру, «ценный градоформирующий объект», «ценный объект исторической среды». Что это такое, как их охранять?

Любые определения не касаются мелочей, потому что они относятся к разнородным объектам. Именно поэтому необходимо на законодательном уровне чётко сформулировать отличия «объектов культурного наследия», «ценных градоформирующих объектов» и «ценных объектов исторической среды». Можно всё, что рассматривает комиссия Москомнаследия, объявить памятниками, что, собственно, «уплощает» картину. И все эти разные по сути объекты будут под защитой закона, и тогда с ними ничего нельзя будет делать. А можно – дать развёрнутую характеристику и признать ценным. Описав ценность, мы избежим всех вероятных сложностей при работе с таким зданием. Но если критерии ценности и условия сохранения не прописаны, то мы рискуем потерять эти ценные объекты.

И вот из-за такой «недоговорённости» и возникают споры органов власти, общественности и пользователей такими объектами.

Наша компания занимается разработкой проектов предметов охраны, которые потом рассматривает комиссия при Москомнаследии, а если объект федеральный – то и уполномоченный федеральный орган.

Предмет охраны – это наиболее важное, первичное понятие: на его базе разрабатываются все последующие документы – и паспорт, и охранные обязательства. В предмет охраны входит то, что должно беспрекословно сохраняться. И из практики могу привести такой пример: некоторые больницы в Москве находятся в зданиях-памятниках. И если предметом охраны являются планировочные решения, конструктив здания – то менять ничего нельзя.

А больнице требуется новое оборудование, вес которого могут и не выдержать старые деревянные или так называемые смешанные перекрытия. Что делать?

Воинствующие общественные защитники скажут – не вносить изменений, не надо нового оборудования в старое здание. Пусть больницы освободят помещение, пусть им найдут новые здания, а памятнику – новое применение. Замечательно. Только нельзя забывать, что в подобных зданиях эти больницы находятся не первый год, а иногда здание исторически возведено для лечебницы, и это уже история и самих больниц, и зданий, в которых они располагаются.

Другой вопрос, о котором не хотят задумываться такие защитники, – даже если предположить, что больницам построят новые здания, кто возьмёт на себя обязанности по сохранению высвободившихся зданий, которые в любом случае необходимо будет приспосабливать под другие нужды? Если бы в законе было прописано чётко, какие гарантии сохранения у «ценных» объектов, где та самая свобода для архитекторов в ра-

боте с такими зданиями и где для них ограничения, органам власти было бы значительно проще сохранять и памятники, и ценные объекты. И спокойнее было бы общественным защитникам. Важная тема – охранные обязательства. Понятие в законе не новое, но, очевидно, требующее дополнений. Москомнаследие настаивает на заключении в императивном порядке охранного обязательства с собственником объекта.

Собственник должен отвечать за то, чем владеет. И в случае смены собственника обязательства должны переходить вместе с памятником к его новым владельцам. Это очень верное предложение. Определяется предмет охраны, на его основании готовится охранное обязательство. Прописываются режимы и регламенты использования территорий в соответствии с законом, и тогда можно говорить о способах сохранения объекта.

Я бы отметил и ещё один аспект – наличие или отсутствие налоговых льгот для арендаторов памятников. Мне кажется, если арендатор получает здание, в которое необходимо вложить достаточное количество средств, – необходимы льготы, как это делается в цивилизованном мире. А если арендатор берёт в аренду уже готовое, отреставрированное здание – его арендная ставка должна быть выше. Государство должно возвращать себе деньги, вложенные в реставрацию. Это как сдача в наём квартиры: «убитая» – по одной цене, а квартира с качественным ремонтом – по другой. И это не циничные рассуждения. Сохранение памятников – это, с одной стороны, вопросы этики и развития общественной морали, а с другой – вопросы экономики и бизнеса. А у экономики и бизнеса свои законы. И если грамотно выстроить систему, то все интересы могут быть соблюдены.

Сегодня, насколько мне известно, примеров грамотного распоряжения, управления наследием – не очень много. Этот вопрос недостаточно прописан в законе. И это большая проблема.

Требуется изменение в части работы с жилыми домами-памятниками. Такие здания вызывают восхищение прохожих. А вы спросите у жителей, каково жить в таком доме, где запрещено всё – замена перекрытий, коммуникаций, невозможна перепланировка. И тогда вопрос сохранения такого здания не покажется столь однозначным. Памятник должен жить. Конечно. Но живёт-то он не сам по себе, не отдельно от людей, в нём живущих. Вот этих нюансов и не хватает в сегодняшнем законодательстве.

И уж если говорить о проблемах, связанных с законом, то нельзя не сказать и о его выполнении. Точнее, невыполнении. Принято решение о разграничении прав собственности. Это особая и очень непростая тема в целом, но я хотел бы сказать только об одной стороне этого вопроса. Наша компания проводила обследование и разрабатывала проект реставрации памятника Минину и Пожарскому, выиграв конкурс на эти виды работ. Но права собственности на объект не закреплены до сих пор. Эту работу взяло на себя правительство Москвы, так как объект – знаковый и находится на территории города. Но после уже выполненных обследований по памятнику Минину и Пожарскому распоряжение правительства Москвы о будущей реставрации было отменено, в силу неразграниченности и незарегистрированности прав собственности. Будет ли проведена реставрация и на какие деньги – не решено.

А между прочим, памятник Минину и Пожарскому был построен на народные деньги. Тогда, при Александре I, не было ни Конституции, ни её 44-й статьи о том, что каждый обязан «заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники культуры». Когда мы делали обследование объекта, собирали и архивные материалы, в архиве в Петербурге нами были обнаружены тетрадки с записями всех жертвователей на строительство монумента, и там немало записей такого рода: «Крестьянин И. Иванов – 1 копейка».

Кирилл Кутырин, руководитель реставрационной компании «ЭКОБАУ»

Серьёзной проблемой сегодня является отношение многих пользователей к памятникам. Существует плановое реставрационное задание – обязательство, которое пользователь должен исполнять. Но вместо проведения нормальной реставрации, включая разработку проекта, его экспертизу, в большинстве случаев проводится только подкраска фасада, латание отдельных дыр, и этим дело ограничивается. При этом расторжение договора аренды с таким пользователем – очень долгая и сложная процедура. Пока идут судебные разбирательства, памятник разрушается.

У пользователя, который хочет находиться в памятнике, должны быть и финансовые возможности, и культура, понимание и желание сохранить уникальное здание. Это должна быть обычная постоянная работа, а не восторги, что нам удалось что-то сохранить. Скажем, сами ре-

ставрационные компании могли бы стать добросовестными пользователями зданий-памятников, могли бы за счёт собственных средств, своих знаний, умений, опыта содержать памятник в прекрасном состоянии, относиться к нему с трепетом и пиететом, которого он заслуживает. Между тем сами реставраторы нередко ютятся в каких-нибудь подвалах, потому что на тех же конкурсах на право аренды выигрывает пользователь, предложивший большую сумму.

Возможно, стоило бы законодательно предусмотреть какие-то преференции для реставрационных компаний по аренде зданий-памятников. Может быть, не для всех, а для тех, кто уже хотя бы 5–10 лет на рынке, кто заработал опыт и профессиональную репутацию. Это было хорошо и для подтверждения статуса самой компании, и для здания-памятника, которое получало бы должное внимание и заботу.

Ещё одна серьёзная проблема сегодня – это применение 94-го федерального закона о госзакупках в сфере реставрации. Выходить на объект, получив конкурсную документацию в виде проекта, который в большей степени выполняется по визуальному осмотру, минимальным зондажам и раскрытиям – это абсолютно неправильно. Под многочисленными позднейшими наслоениями невозможно точно определить состояние памятника. Необходимо предварительное полное обследование. Но даже в этом случае в процессе работ могут выявиться новые обстоятельства.

При реставрации в процессе работы может быть выявлено до 20–30 процентов новых объемов и видов работ, которые совершенно невозможно было предвидеть. Это при новом строительстве нет сюрпризов. А здесь может быть всё, что угодно. Например, визуально определили износ деревянных конструкций в 15 процентов, а после начала работ и вскрытия конструкций оказалось не 15, а 35! Откуда взять финансирование на этот объём работ?

Раньше была практика установления предварительной цены и определения окончательной цены по итогам проведения работ. А сегодня мы фактически при заключении

контракта получаем кота в мешке. Именно по этим причинам мы сейчас не работаем ни на одном городском объекте. Все дополнительные затраты ложатся на реставрационную фирму. И очевидно, какой тут видится выход: применение более дешёвых материалов и привлечение менее квалифицированных, недорогих специалистов. А проведение нового конкурса на вновь выявленный объём только ухудшает ситуацию. Победителем нового конкурса может стать не та организация, которая уже выполнила часть объёма и продолжает выполнять работы на условиях предыдущего конкурса. В этом случае, мы получим несколько подрядчиков на одном объекте, выполняющих один и тот же вид работ, и, как следствие – разрыв технологического процесса, последовательности производства работ, потеря времени. Всё это скажется на состоянии самого памятника.

Разговоры об этой проблеме ведутся постоянно и не только в среде профессионалов, но и среди чиновников. Очевидно, что надо менять законодательство. Выходить с предложениями на федеральном уровне, на уровне Росохранкультуры. Мы со своей стороны готовы к обсуждению.

Андрей Ивлиев, председатель совета директоров концерна «Возрождение»

Специфика реставрационных работ такова, что невозможно заранее предусмотреть соответствие проектно-сметной документации фактически выполняемым работам. Реставраторы уже после начала работ нередко обнаруживают множество дополнительных обстоятельств.

Свод реставрационных правил, которым руководствовались до принятия 94-го федерального закона, предполагал, что проектирование

Звонница колокольни храма Святого Климента Папы Римского

Вид с колокольни храма Святого Климента Папы Римского

Орнамент из папье-маше – часть декора зрительного зала Большого театра в процессе реставрации

ведется на протяжении всего периода реставрации. Например, в Царицыне, где реставрация началась в 2005 году, когда ещё не было 94-го федерального закона, проектирование велось параллельно с работами и ложилось в основу исполнительной документации. Сегодня, в соответствии с 94-м законом, процесс организован иначе. Первоначально составляется проектно-сметная документация, которая на стадии «проект» проходит экспертизу. На основе положительного заключения Мосгорэкспертизы утверждается смета, которая является основой конкурсной цены.

При начале фактических работ может оказаться, что какие-то виды работ учтены недостаточно, какие-то – избыточно, а какие-то вообще не учтены. Это может быть всё, что угодно – иное состояние конструкций и материалов, какие-то декоративные элементы, которые были скрыты за наслоениями и не были учтены при составлении проекта, и так далее.

Согласно законодательству, можно пересмотреть стоимость контакта только в пределах 10 процентов, но в Москве и это не разрешено. Нет даже возможности коррекции в рамках трёх процентов, предусмотренных на непредвиденные расходы. Уточнение объёмов работ и изменение видов работ запрещено.

Таким образом, если возникает необходимость изменить что-либо в проекте, существует один путь – расторжение контракта и на конкурсной основе корректировка проектно-сметной документации, которая также проходит экспертизу. Далее проводится новый конкурс.

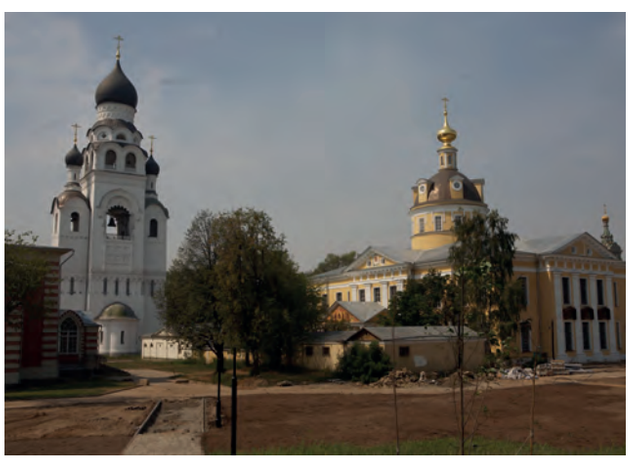
Получается, что при выявлении любых новых объёмов работы, что в реставрации – обычное дело, мы вынуждены идти на расторжение контракта и заключение нового. Все это занимает достаточно много времени. В первую очередь должны учитываться интересы самого памятника, потеря времени может быть для него губительна. Реставраторы всей душой болеют за своё дело, и иногда мы продолжаем работы за счет собственных средств. В случае с проведением нового конкурса возникает и другая проблема: новый конкурс вполне может выиграть другая фирма. Когда основные работы уже проведены, может появиться какая-нибудь небольшая неизвестная фирма, которая выигрывает контракт путём демпинга.

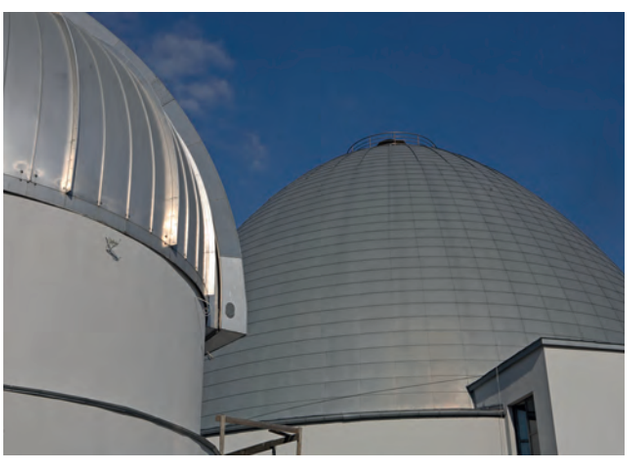
Сегодня ценовой фактор – основной. Согласование начальной цены контракта зачастую занимает больше времени, чем само проектирование, на этот процесс уходит до половины всего времени реставрации объекта культурного наследия.

Между тем очевидно, что в реставрации существует серьёзная специфика, и всё не может быть сведено только к вопросу цены. Театральным деятелям, например, удалось убедить законодателей, что они не могут работать по такой системе.

Очевидно, что если вам надо пригласить в спектакль звезду мирового масштаба, то это будет одна цена, а рядовой исполнитель на ту же роль – совсем другая. Здесь невозможно проводить конкурс по ценовому критерию, поэтому в этой сфере отказались от конкурсов.

Проблема очень серьёзная. Нельзя сказать, что она не осознаётся. Есть понимание, в том числе и на уровне чиновников, отвечающих за охрану наследия. Но пока, к сожалению, изменений нет.

Архитектурный ансамбль Рогожской слободы

Московский планетарий в ожидании завершения реставрационных работ

Новость подконтрольная

Единая городская организация для контроля за проведением реставрационных работ создаётся в Москве. Она станет выполнять функции государственного и технического заказчика: будет размещать госзаказы по проектированию, реставрации, приспособлению к современной жизни объектов культурного наследия столицы, а также осуществлять надзор за исполнением работ. Москомнаследие неоднократно предлагало создать подобный единый центр, но не находило поддержки в ряде структур правительства Москвы.
В результате этими вопросами помимо Комитета по культурному наследию занималось несколько московских департаментов: культуры, городского заказа, капитального строительства, экономической политики и развития города. Полномочия распылялись, действия не согласовывались, бюджетные средства расходились, страдало качество и оперативность ремонтно-реставрационных работ.
Впервые объединятся и неформальные движения «Архнадзор», «Москва, которой нет», ВООПИК и MAPS, войдя в Общественный совет при мэре Москвы. Их представители будут участвовать в разных комиссиях, например, в комиссии по сохранению исторической среды, ежеквартально проводить рабочие встречи в мэрии Москвы, взаимодействовать с Союзом архитекторов России. Таким образом, объединяются не только государственные структуры, но и общественные. Новые полномочия, новая ответственность.

Новость археологическая

Древнее захоронение обнаружили в подвале здания Росстата на Мясницкой улице. Во время замены одной из труб отопления рабочие сломали кирпичную перегородку и увидели саркофаг с человеческими костями. Дело в том, что раньше на этом месте находилась церковь Николая Чудотворца в Мясниках, рядом с ней – погост.
В 1930-е годы здесь возвели знаменитое конструктивистское здание по проекту Ле Корбюзье. Вряд ли знал знаменитый французский архитектор, что строил на костях. Археологи предполагают, что захоронению не менее 300 лет, и, судя по всему, это могила знатного прихожанина.

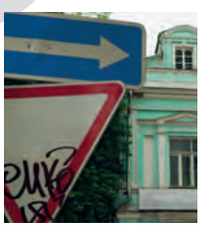
Новость преображенская

Правительство Москвы официально передало приходу Московской епархии участок земли в сквере на Преображенской площади. Именно здесь будет воссоздан храм Преображения Господня, взорванный в 1964 году. Сохранившиеся после взрыва открытые фундаменты музеефицируют внутри стилобата нового храма. Археологические исследования, сохранившиеся обмерные чертежи 1883 года и фотографии подтверждают, что церковь имела сложную строительную историю. Преображенское – место рождения регулярной российской армии, в церкви хранились военные реликвии, а у стен проводились торжества Преображенского полка. Знаменитый полк был расформирован в конце 1917 года, но долгие годы его гимн в русском зарубежье исполнялся наряду с официальными гимнами европейских держав. Сейчас его часто исполняют российские военные оркестры. Будет он звучать и на открытии исторического Преображенского храма.

Новость бульварная

На Бульварном кольце расположено 650 рекламных конструкций, из которых с Москомнаследием согласована установка только двадцати. Напоминаем, что Бульварное кольцо входит в территорию охранной зоны под номером 881, где почти все здания – объекты культурного наследия. Несмотря на это, рекламные щиты, баннеры, установки на крышах лишают жителей столицы возможности любоваться историческим центром Москвы. Произведение садово-паркового искусства «Бульварное кольцо» превратилось в рекламное кольцо, без начала и конца. Особенно не повезло площадям, где благодаря хорошему обзору и видимости реклама особенно обильна и грозит им стать площадями кока-колы или самсунга.
Комитет по культурному наследию направил письмо в правительство Москвы, в котором говорится о необходимости как можно скорее провести инвентаризацию рекламных установок и освободить историческую территорию от незаконных рекламных конструкций.

Новость кадашёвская

Постановление правительства Москвы от 22 июня 2010 года утвердило границу территории памятника архитектуры XVII века, что сделает невозможным проведение строительства в непосредственной близости к храму Воскресения Христова в Кадашах. Более того, Москомнаследие выступило с инициативой проведения ремонтно-реставрационных работ и самого памятника. Впервые государственную охранную грамоту церковь получила в 1960 году, в 1990-е годы стала объектом исторического и культурного наследия федерального значения. В 2006 году было оформлено охранное обязательство, по которому пользователь – община храма – должен проводить регулярные ремонтно-реставрационные работы. Но, несмотря на это, архитектурный памятник Замоскворечья приходил в упадок.

Теперь он будет отреставрирован в 2011–2014 годах за счет бюджета города Москвы. После такого решения прихожане обратились к дирекции Большого театра с просьбой вернуть храму его исторические колокола. В 1934 году, в разгар богоборчества, главные колокола кадашёвской звонницы были переданы главному театру и с тех пор звучали только в театральных постановках. Кстати, праздничный колокол, сделанный в 1787 году, считается выдающимся памятником московского колокольного литья. Сейчас в Москве только в Свято-Даниловом монастыре находится единственный исторический колокольный ансамбль, недавно возвращённый из Гарвардского университета. Надеемся, что вскоре Москва услышит ещё один настоящий малиновый звон – теперь в Замоскворечье.

Новость музыкальная

Здание Московской консерватории побелеет, то есть вернёт свой первоначальный исторический цвет. Это произойдёт в 2011 году, когда закончится реставрация известнейшего музыкального вуза, научного центра и концертных залов, которые объединяет в себе Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского. Со времени постройки её последнего здания – Большого зала в 1901 году проводился только ремонт и необходимые противоаварийные мероприятия. Одна из главных задач научно-технической реставрации – сохранить уникальную акустику. Для этого создали специальную модель зала в масштабе 1:20. Любой материал для отделки сначала будет испытан на «БЗК в миниатюре». В фойе зала собираются восстановить витраж с изображением покровительницы пения Цецилии, который был разрушен ударной волной во время войны. Чтобы от строительной пыли не пострадал знаменитый орган, его оденут в специальный короб, а затем и музыкальному инструменту предстоит пройти через процедуру обновления. После реставрации в здании появятся новая оперная студия, помещения для библиотеки, улучшатся условия для студентов...

Новость топографическая

«Незаконные пристройки к служебным постройкам старого Головинского дворца будут снесены», – постановил Федеральный арбитражный суд. На это решение ушло больше года.

Ансамбль был возведён в конце XVIII века и представлял собой комплекс служебного назначения Екатерининского дворца, своё же название сохранил по имени одного из своих владельцев – адмирала Головина. Уже в наш век два помещения взяла в аренду компания «ВК-СМАК», одно из них превратив в ресторан «Анна Монс», где, как сообщает Интернет, «каждый вечер в центральном зале для Вас музыкальным коллективом исполняется тщательно подобранный материал на любой вкус и случай жизни». Видимо, из-за проблем со стилистикой русского языка хозяева не смогли понять охранного статуса памятника федерального значения и к головинским служебным постройкам «со смаком» добавили три своих. Незаконно, в стиле авантюристки Анны Монс. Доказать свою правоту Москомнаследию было непросто. Оказалось, что формально объект культурного наследия значился по адресу: Красноказарменная улица, 1, на самом же деле памятником является дом № 3. Именно этим топографическим недоразумением воспользовались ответчики и отказывались демонтировать пристройки, ссылаясь на неправомерность претензий комитета. Действуя в рамках закона, Москомнаследию пришлось собрать массу документов, подтверждающих идентификацию объекта. Снос будет проводиться за счет «ВК-СМАК» и, чтобы не навредить Лефортовскому парку, не с помощью оперативной бульдозерной техники, а постепенно, аккуратно, в течение года. Под контролем Москомнаследия.

Автор: Евгения Твардовская
Фото: Глеб Анфилов

Помпейская лестница, Перловый зал

Помпейская лестница – доминанта всего дома. На её верхнюю площадку выходят двери главных залов

Ещё несколько лет назад дом № 18 на Малой Дмитровке казался безвозвратно потерянным: без ограды, с разбитыми окнами – и это в самом центре Москвы. Памятник федерального значения, связанный с именами Пушкина и декабристов, выглядел заброшенным

Но однажды у дома сменился арендатор – и переменилась участь. Здание отреставрировали, тем самым возвратив Москве уникальный ансамбль богатой городской усадьбы XVIII–XIX веков.

Роскошный когда-то особняк, превращённый в помещение для советских организаций, в середине 1980-х оказался никому не нужным. Сменявших друг друга кратковременных хозяев не интересовали проблемы, и они нарастали как снежный ком. Наконец возникла надежда на спасение: в 1998 году в здание пришли реставраторы.

Лужа над Французским залом

«Если бы не работы, проведённые в 1998 году, уникальные интерьеры анфилады главного дома просто погибли бы. За май – сентябрь мы выполнили первоочередные противоаварийные работы по воссозданию кровли и стропильной системы перекрытий главного дома и флигелей», – считает автор и главный архитектор проекта реставрации А.Д. Студеникин. Тогда, при предыдущем арендаторе, были проведены первые исследования. Клейма на кирпичах позволили определить дату строительства главного дома – 1772 год. Это же

подтверждали и типичные для того времени пристенные каналы, перекрытые кирпичными сводами. Во второй половине XVIII века так решали проблему вентиляции стен, удаляя лишнюю влагу через дренажное основание. Это обеспечивало долговечность и надёжность постройки.

Однако в конце XX века инженерное исследование показало, что техническое состояние здания крайне плохое. Достаточно сказать, что прямо на деревянном перекрытии второго этажа, над Помпейской лестницей и Французским залом, стоял расширительный бак (часть системы водяного отопления). Бак переполнялся и заливал всю поверхность перекрытий. Кроме того, по всему периметру дома первоначальный белокаменный широкий карниз был срублен, и в открытую щель свободно попадали снег и вода.

Здание с 1976 года было памятником архитектуры государственного значения, однако в нём никогда не проводилось ни полноценных научных исследований, ни профессиональной реставрации. Начавшиеся было работы 1998 года остановили, а возобновили их только в 2006-м, уже при новом арендаторе – ООО «Олимпийский дом». Проект реставрации выполнили, ориентируясь на 1877 год, когда над его интерьерами работал архитектор А. Вебер. Дело в том, что именно об этом периоде удалось разыскать больше всего исторических сведений, а в доме сохранилось максимальное число подлинных элементов. «Дом возрождался постепенно. Он хранил следы и ауру людей, которые его строили, в нём жили, а потом – его разрушали. Теперь XIX век сюда вернулся», – отмечает А.Д. Студеникин.

Подросший дом

Тот, кто хорошо помнит дом на Малой Дмитровке до 2006 года, будет немало удивлён его «новым старым» обликом. Он словно бы стал выше – и это не иллюзия. Из-за многочисленных наслоений асфальта разница уровня тротуара и входного крыльца составила 98 см. А между первоначальным полом и уровнем Малой Дмитровки оказалось и вовсе – 1м 73 см. Эту разницу нужно было снивелировать. Теперь мощение парадного двора плавно снижается от Малой Дмитровки к фасаду и получается, что здание после всех работ «поднялось» из своего естественного котлована. Наклонный рельеф к тому же позволяет удалять ливневые воды чрез водосборные решётки, устроенные в самой низкой точке двора.

Кроме того, дому вернули его историческую ограду. Она была безвозвратно утрачена в советский период, но, по счастью, уцелела одна-единственная фотография 1960-х годов, которая и помогла в воссоздании. Учитывая, что дом приспосабливается под представительский офис, в ограде сделали калитку.

К сожалению, для проходящих по Малой Дмитровке остается скрытой территория, находящаяся за главным домом, её ещё называют задним садом. В советское время она была сильно захламлена, а парадная лестница, которая вела со двора в Лазуритовый зал, сохраняла лишь общие очертания, её ступени были разбиты. Теперь задний двор усадьбы вернул свой торжественный и вместе с тем поэтичный облик. Восстановленная в граните парадная лестница выходит на зелёную территорию с газонами, цветниками, деревьями, посаженными по контуру исторической аллеи.

Потолки всех помещений Дома Митькова неповторимы, каждый в своём стиле, без внимания реставраторов не остался ни один декоративный элемент

Кстати, от неё ещё сохранились два дерева. Попадая на задний двор, оказываешься окутанным тишиной, что почти невероятно: ведь шумная Малая Дмитровка – всего в нескольких десятках метров.

Помпейская лестница

По внутреннему пространству главного дома усадьбы можно водить экскурсии, как по музею. «Так это часто и происходит, – говорит представитель заказчика, Сергей Мартынов. – На Дмитровке наш представительский офис, здесь мы часто проводим ответственные переговоры, и наши партнёры не скрывают своего восхищения». Партнёров можно понять. Они попадают в роскошный вестибюль, от которого ещё пару лет назад мало что оставалось. Здесь особого внимания заслуживает мозаичный пол, лишь фрагментарно сохранившийся к началу реставрации. Тем не менее специалистам удалось «прочитать» и воссоздать рисунок – стилизованный античный орнамент. Две тумбы под греческие вазы изготовили специально для этого интерьера. Конечно, оригиналы не сохранились, но вывод о том, что такие тумбы стояли, напрашивался сам собой: по периметру мозаичного пола прослеживался ковровый рисунок – обрамление для напольных тумб. Приходя в это здание сегодня, посетитель видит то, что было здесь два века назад. Парадная анфилада дома восстановлена, и это достижение реставраторов. Они освободили историческую планировку от перегородок советского времени, восстановили заложенные двери, освободили проходы.

Жемчужиной интерьера считают мраморную Помпейскую лестницу дома. Её оформление задаёт тон всему пространству. Трудно поверить, что живописные композиции на стенах и плафоне имели многочисленные вздутия – следы протечек, а в некоторых местах были грубо замазаны темно-зелёной краской.

Реставраторы сняли 15 слоёв, прежде чем дошли до авторского. По фрагментам воссоздавали композицию с Аполлоном, Афродитой и морскими аллегориями. Конечно, практически все оригинальные элементы интерьера были утрачены. Отреставрировали два чудом уцелевших лестничных торшера из бронзы в египетском стиле 1877 года, а также настенные бра. А вот постамент под скульптуру «Купальщица» пустует. Удалось найти лишь одну её фотографию, но в ней недостаточно данных для реконструкции. Саму Помпейскую лестницу пришлось полностью воссоздавать в мраморе. Эта лестница – доминанта всего дома. На её верхнюю площадку выходят четыре двери: в Белый, Ореховый, Французский залы и ещё одна ложная дверь (за ней есть ещё вторая, меньшего размера, для истопника камина в главном – Лазуритовом зале).

Подлинный терракотовый цвет стен Кабинета был обнаружен под 15-ю слоями краски

Лестница, ведущая в мезонин, со световым фонарём

«Вся планировка анфилады – подлинная, историческая. Это типичная планировка богатой городской усадьбы, – комментирует А.Д. Студеникин. – В Лазуритовом зале проходили званые обеды, затем молодёжь шла музицировать в музыкальный кабинет, а Французский зал становился будуаром для бесед. Ну, а завершает анфиладу Шатровый зал, где играли в карты».

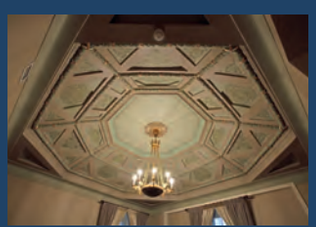
Начинаем экскурсию

Свой рассказ А.Д. Студеникин начинает с парадного Орехового зала – справа от лестницы.

История дома Митькова

Дом на Малой Дмитровке, 18, связан со многими выдающимися именами – архитекторов, политиков, поэтов. Первое упоминание об усадьбе относится к 1742 году. В документах указан владелец – Л.И. Симонов, но нет ни имени архитектора, ни описаний построек. Известно только, что домовладение включало в себя несколько больших дворов, располагавшихся по линии Малой Дмитровки, и один большой огород. В результате территория усадьбы протянулась до улицы Петровки, то есть занимала значительную часть современного сада «Эрмитаж». В документах 1772 года указано, что на участке построены каменные палаты. Тогда его хозяином был фабрикант Д.Д. Ситников. Построенное в 50-е годы XX века здание школы сократило площадь усадьбы до минимума и уничтожило главную аллею парка.

Другой важной эпохой в истории дома стал период 1807–1858 годов. Хозяин усадьбы, кавалер 1-го класса генерал А.Н. Соймонов имел внебрачного сына – Сергея Александровича Соболевского. Это был выдающийся библиофил, библиограф, знаменитый эпиграмматист и близкий приятель А.С. Пушкина. Скорее всего, поэт неоднократно бывал в усадьбе на Малой Дмитровке. Таким образом, сегодняшнее возрождение дома добавило ещё один адрес пушкинской Москве. В 1820-х годах здесь жил племянник А.Н. Соймонова, участник войны 1812 года, декабрист Михаил Фотиевич Митьков (отсюда и название в некоторых документах – «Дом декабриста Митькова»). М.Ф. Митьков был активным членом Северного тайного общества, и некоторые важные собрания проходили у него на квартире. В 1823 году здесь был принят устав – «Правила для всех членов Общества», а 15 декабря 1825 года обсуждался вопрос поддержки петербургского выступления. Но этим связь дома с движением декабристов не исчерпывается. В 1834 году в нём было разрешено поселиться А.Н. Раевскому, старшему сыну генерала Н.Н. Раевского, участнику Отечественной войны 1812 года, также привлекавшемуся по делу декабристов. В том же году, возможно в этом доме, произошла встреча А.Н. Раевского и А.С. Пушкина, знакомых с 1820 года.

Архитектурный облик усадьбы складывался постепенно. Более или менее привычные нам очертания она обрела при жене гвардии-ротмистра В.Д. Ладыженской, она жила на Малой Дмитровке в 1858–1877 годах. Тосканский портик был заменён дорическим, тогда же в основном был выполнен сохранившийся до наших дней облик фасада. Одновременно с главным домом были перестроены уличные флигели, они стали двухэтажными и были расширены в дальнейшем боковыми пристройками. Каменные галереи, соединяющие главный дом и флигели, создал архитектор Н.И. Черницкий ближе к концу XIX века. К этому времени в главном доме усадьбы уже была произведена серьёзная перепланировка Августом Вебером, одним из самых известных и востребованных архитекторов того времени. В 1877 году он создал парадные интерьеры, которые дошли до наших дней и представляют самую ценную часть усадьбы. Инициатором переделки был хозяин усадьбы – губернский секретарь А.В. Каншин. Ещё один известный зодчий, А.О. Гунст, построил службы в усадебном саду. Это произошло уже на смене веков. А после Октябрьской революции в усадьбе хозяйничали советские учреждения. Говорят, что в мезонине одно время был кабинет Л. Троцкого. Но дольше всех (с 1917 года до середины 1980-х) дом занимал Свердловский райком КПСС.

Потом хозяева несколько раз менялись: усадьбу приспосабливали под нужды разных учреждений. В результате уникальные интерьеры могли быть утрачены навсегда, если бы не реставрация. Дом приспособлен к современному использованию. Для организации систем вентиляции и канализации были применены уникальные способы устройства каналов путем выполнения внутренних штроб в стенах и перекрытиях, минуя участки, насыщенные лепниной, а также в обход кирпичных сводов первого этажа, которые являются наиболее старой частью усадьбы.

Сейчас дом XVIII века на Малой Дмитровке живет жизнью современного офисного здания. Он стал настоящим украшением не только улицы, но и центра Москвы, примером того, как создаётся новая история – в продолжение уже существующей. «Конечно, удачное приспособление старинного здания – важное условие его дальнейшей жизни, – считает А.Д. Студеникин. – Но в случае с Малой Дмитровкой хочется отметить, что городу вернулся целый усадебный комплекс. Это случай уникальный, таких домов в Москве почти не осталось».

Альфрейная живопись его стен и потолка имитирует ценные породы дерева. Здесь сохранилась люстра из позолоченной латуни, выполненная ещё по проекту А. Вебера. Этот зал появился только во время перепланировки, произведённой архитектором в 1877 году. До этого здесь был парадный вестибюль, где и располагалась главная лестница. Полы в Ореховом зале к моменту реставрации были новоделом, выполненным во время ремонта в 1970-х. Реставраторы подбирали рисунок паркета под стиль зала. В результате, благодаря воссозданию утраченных и реставрации уцелевших фрагментов, это помещение стало одним из наиболее ценных элементов всего ансамбля. Из Орехового зала идёт коридор с лестницей в мезонин. В перекрытии потолка, выполненном в советское время, был обнаружен световой фонарь – типичный приём XIX века для освещения лестниц. Матовое внутреннее стекло пропускает солнечные лучи через световод на кровле. Воссоздание фонаря оказалось несложной задачей по сравнению с работами, которых потребовала лестница. Поручень был утрачен, а ступени из доломита имели столько выбоин, что пришлось облицевать их мрамором. При этом реставраторам удалось не перегрузить лестницу.

Белый зал, или Ассамблейная, – самый большой и светлый зал, теперь превращённый в офис

Доломитовые ступени облицованы мрамором

Жемчуг, мрамор, лазурит

Перловый зал, или столовая, продолжает анфиладу. Своё название комната получила по цвету стен – перловый, то есть жемчужно-белый с сизым отливом, был очень моден в XIX веке. Но чтобы раскрыть его, пришлось снять 25 красочных слоёв. Многочисленными покрасками были обезображены и лепные детали, так что рельеф орнамента стал практически неразличим. Тем не менее сохранность оценили как неплохую. Особая гордость реставраторов – полы. «Эти полы были в удручающем состоянии, – объясняет А.Д. Студеникин. – Дело в том, что в советское время старый паркет циклевали металлическими щётками, от подлинного покрытия осталось 1-2 мм. По сохранившимся небольшим фрагментам нам всё-таки удалось воссоздать рисунок». Название следующего, Музыкального зала (его еще называют Музыкальным кабинетом), объясняется прекрасной акустикой. Выяснилось, что обеспечивал её купол в виде приплюснутой полусферы, «зашитый» в советское время. Когда же купол раскрыли, то под многочисленными слоями побелки обнаружили подлинную роспись середины XIX века. Сюрприз преподнесли и полы: под советской «ёлочкой» нашли следы клея, на котором держался первоначальный паркет.

По этим следам удалось воссоздать весь рисунок. В доме есть ещё один зал с необычной формой потолка – Шатровый кабинет. Он увенчан восьмигранным кессонированным сводом, а в центре гладкого плафона – лепная розетка в виде стилизованной ромашки.

Ядро всей анфилады – Лазуритовый зал, самый торжественный во всём доме. Его очень любили кинематографисты. Здесь снимали сериал «Петербургские тайны». Два окна и распашная дверь ведут из Лазуритового зала на лестницу в сад.

Свое название зал получил благодаря лазуритовым вставкам на облицовке камина из белого мрамора.

Камин находился в аварийном состоянии. Вместо натурального мрамора над каминной полкой

в советское время была гипсовая лепнина. Теперь гипсовые вставки заменены на белый мрамор.

К началу работ зал выглядел дисгармонично, это и навело реставраторов на мысль о том, что под грубой имитацией альфрейной живописи и безвкусными коричневыми гобеленами должны скрываться подлинные элементы. Так и оказалось. Зондажи и расчистки показали первоначальное наличие зеркал из искусственного мрамора на стенах. Из этого же материала были сделаны цоколь и пилястры. Нашли первоначальный колер деталей потолков, стен и пилястр. Была выполнена их бликовая позолота. Сейчас первоначальный облик Лазуритового зала, в котором бывал А.С. Пушкин, восстановлен. Предметом гордости может считаться подлинная люстра-подсвечник XIX века в стиле ампир и два чудом уцелевших настенных бра из литой бронзы. За Лазуритовым залом следует так называемый кабинет. Открытием реставраторов стал подлинный цвет стен – терракота – очень красивый и характерный именно для деловых помещений. Его обнаружили под 15 слоями краски и современными бумажными обоями. Помещению вернули первоначальный облик, который завершают две картины маслом – современного художника, но выполненные в стиле конца XIX века. Одним из наиболее хорошо сохранившихся помещений дома является Белый зал, или Ассамблейная – слева от Помпейской лестницы. Это самый большой и светлый зал, теперь приспособленный для работы целого отдела сотрудников офиса, интерьер которого украшают отреставрированные старинные зеркала и люстра, на которой обнаружили клеймо итальянской фирмы XIX века. За Белым залом – уютный кабинет с настоящим камином, одним из четырёх уцелевших в усадьбе. Помещение сохранило характерные для конца XIX века своды Монье – опирающиеся на балки небольшие параллельные железобетонные своды, соединяющие флигели с главным домом.

Французский зал – один из красивейших залов парадной анфилады. Эта комната сильнее остальных пострадала от протечек. Как раз на перекрытиях этого зала, имеющего сплошной лепной потолок, и стоял протекающий бак водяного отопления. «Мы воссоздавали лепнину по мельчайшим фрагментам, – говорит А.Д. Студеникин. – Ну, а глаз тех, кто попадает в зал, не могут не радовать три подлинных зеркала. Полюбуйтесь на этот камин резной работы, из коричневого мрамора. Я впервые встретил такой мрамор, выяснилось, что он из Франции. Вскоре сюда вернутся и настенные часы второй половины XVIII века: сейчас их реставрируют».

Роскошно выглядят интерьеры после реставрации. Современная мебель, грамотно подобранная хозяевами дома, подчеркивает его индивидуальность

Основание светильника в египетском стиле…

Офис под сводами

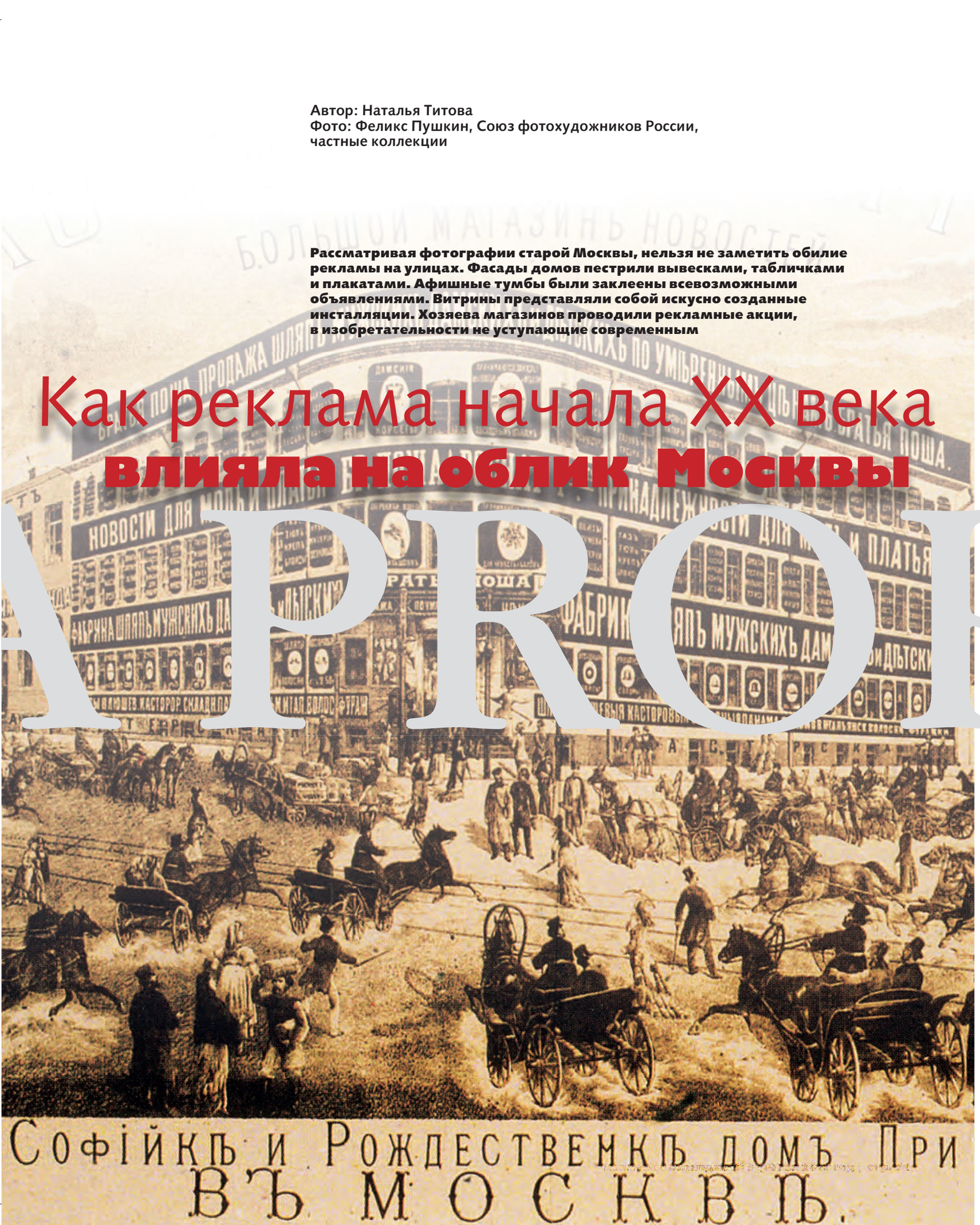
От роскоши анфилады второго этажа спускаемся на первый этаж. Это самая старая часть дома. Здесь сохранились исторические своды, реставраторы датировали их 1772 годом. Своды – это тоже открытие: они были «зашиты» в советский период и об их существовании никто не знал. Раскрыты заложенные проёмы и, наоборот, заложены неправильно сделанные, а полы, имеющие разный уровень, приведены к единому – первоначальному.

Теперь первый этаж приспособлен под офис и разделён на кабинеты. Современные требования – системы вентиляции, кондиционирования, отопления, связи, охраны – удалось сочетать с реставрационными задачами.

Автор: Наталья Титова
Фото: Феликс Пушкин, Союз фотохудожников России, частные коллекции

Рассматривая фотографии старой Москвы, нельзя не заметить обилие рекламы на улицах. Фасады домов пестрили вывесками, табличками и плакатами. Афишные тумбы были заклеены всевозможными объявлениями. Витрины представляли собой искусно созданные инсталляции. Хозяева магазинов проводили рекламные акции, в изобретательности не уступающие современным

Как реклама начала XX века **влияла на облик Москвы**

Реклама была повсюду – на столбах для трамвайных проводов, на строительных заборах и, конечно, в прессе. В начале XX века она переживала подъём и принимала подчас весьма оригинальные формы.

В облаках и под ногами

Рекламисты той поры освоили даже небо! На Театральной площади они установили рефлекторы, отражавшие объявления в облаках. Одна московская газета поместила свою рекламу на воздушном шаре, который каждый день взмывал в небо оттуда же, с Театральной площади. Обыватели шутили, что таким образом редактор хотел показать «возвышенное направление» своего издания. А городская управа всерьёз задумалась о том, что ежели с каждым годом популярность «воздушной рекламы» будет расти, то придётся выпускать обязательные постановления о порядке движения воздушных шаров.

Городские власти допускали многие необычные способы рекламирования товаров и услуг. Например, некоему антрепренёру позволили пустить в обращение особые тележки с афишами. Вроде бы ничего особенного, да только эти транспортные средства были запряжены людьми. Рекламные плакаты разрешалось помещать и на заднем сиденье козел извозчичьих пролёток. Таких ванек непременно окружала любопытствующая толпа, причём люди не столько читали объявления, сколько разглядывали диковинку. Реклама на конках стала делом привычным, но чтобы на извозчиках...

Кучера пользовались репутацией людей плутоватых. Многие везли своих седоков совсем не в ту гостиницу, которую им называли. Объясняли они это тем, что в выбранном отеле якобы ремонт (вредная прислуга, полчища клопов и тараканов, нет свободных номеров и т.д.), но у них есть на примете очень хорошее заведение. Надо ли говорить, что за эту маленькую ложь от гостиничных хозяев они получали солидное вознаграждение? Во многих объявлениях встречались призывы к путешественникам не слушать извозчиков. Неизвестно, было ли доверие к рекламе, которую они возили, но в любом случае это был повод для шутки. Остряки поговаривали, что скоро появятся предприниматели, которые потребуют разрешения помещать плакаты на дамских шляпках. Размер этих модных головных уборов был ещё одной темой для юмора.

Обыватели цедили сквозь зубы: «Объевропеились».

Однако всезнающие журналисты заявляли, что наша реклама по сравнению с западной существо анемичное. Ведь не ходят же по улицам «живые сэндвичи» с выпученными от тяжести глазами, самоубийцы не бросаются в Москву-реку с криками: «Покупайте непромокаемое платье такой-то фирмы». А если и случаются какие-то удивительные представления, так и выдумываются они в основном иностранцами. Например, однажды в кафе на Тверском бульваре заглянул заморский дрессировщик «музыкальной лошади» и заказал два стакана молока, для себя и парнокопытного спутника. Официант отказался обслуживать животное, и неугодных гостей выставили вон. Зато весть об этом визите мгновенно разнеслась по городу. Москвичи прознали, что выступал артист в «Аквариуме», и полные сборы этому увеселительному саду были обеспечены на много дней вперёд.

Тем временем городская управа рассматривала всё новые и новые рекламные проекты. Идею одного предпринимателя печатать объявления на тротуарах и пешеходных переходах московские власти отвергли. А расчёт был таков: рекламные послания штамповались бы на асфальте, при желании их легко можно смыть. Люди всё равно смотрят под ноги, а так бы и польза была от чтения нужной информации,

Заказывая рекламную афишу художнику, клиент просил воплотить свою мечту – сделать так, чтобы вся поверхность дома была закрыта именно его рекламой

На рекламных плакатах начала прошлого века можно увидеть удивительные пирамиды и композиции из продуктов питания

и улицы бы стали веселее. Зато установку скамеек, спинки которых украшала бы написанная масляными красками реклама, одобрили. Такие лавки предполагалось разместить у Китайгородской стены между Владимирскими и Ильинскими воротами, на бульварах и вблизи вокзалов.

«Звоните 47-11!»

Реклама и благоустройство города – тема отдельная. Скажем, всевозможные плакаты и афиши появлялись не только в специально отведённых местах, например на афишных тумбах, но и везде, куда их только можно было наклеить. Поначалу яркие объявления привлекали к себе внимание эксцентричностью, яркими красками и, как говорили тогда, «лаконичной навязчивостью стиля». Они поначалу побуждали покупать рекламируемые продукты или пользоваться предложенными услугами. Но ощущение новизны проходило, плакаты начинали мозолить глаза и даже злить, особенно если обыватели разочаровывались в купленном. А реклама всё висела, и никому не приходило в голову, что её пора бы уже и снять.

Публика жаловалась: «Настойчивый призыв «Звоните 47-11!» никого уже не трогает. Все, кому была хоть какая-нибудь надобность – уже позвонили. А новых любителей не находится. Вызывавшие у лакомок приятные ощущения слова: «Пейте какао Команч и К^{O}!» теперь скользят мимо, ничуть не фиксируясь в сознании. Те, кто соблазнился рекламой, уже уплатили гонорар докторам за поправление расстроенного пищеварения. И успели убедить своих родствен-

На страницах газет рекламировались бульонные кубики, препарат для дезинфекции телефонов «Телемикробин», формовщики носов, наушники «Здравый смысл», исправлявшие торчащие уши, электрические гребёнки, способствующие росту волос, избавлению от головных болей и возвращающие седым волосам их первоначальный цвет

МЫЛО
ЛЕДА

Встречались такие вывески: «Магазин гробов», «Мадам Мотя», «Оккультист, очки, пенснэ, лорнеты Ш.Б. Гуревич», «Набойка матроссов и полуперин. И.Ф. Фёдорова», «Кролики, белки, куры и прочия певчия птицы»

ников и знакомых: «Не пейте какао Команч и К°!» А «не разрывающиеся по шву гильзы Мельхиседекова» были такими только при выпуске в продажу первой партии. Теперь они зарекомендовали себя непременно разрывающимися. Никто их не покупает, несмотря на плакат».

Плакаты линяли и мокли под дождём, стены и заборы покрывались толстым слоем грязной и рваной бумаги. Улицы принимали неряшливый вид. Комиссия по внешнему благоустройству города задумалась о целесообразности издания специального постановления, регулирующего развеску афиш и объявлений. Она также решила познакомиться с уставами обществ борьбы с рекламами в Берлине, Дрездене и других городах и навести справки относительно «положения дела архитектурно-эстетической регулировки уличных реклам» в крупнейших европейских столицах.

горожане обращали внимание на то, что нелишними были бы и правила установки вывесок. Своей неуместностью они нередко портили внешний облик здания. Иные же дома почти полностью скрывались за вывесками, так что и стен не было видно.

Московский бытописатель И.Т. Кокорев ещё в середине XIX столетия так описывал центр города: «Кузнецкий мост, Тверская, Никольская, Ильинка – какое зрелище пред очи представляете вы? Домище на домище, дверь на двери, окно на окне, и всё это, от низу до верху, усеяно вывесками, покрыто ими, как обоями. Вывеска цепляется за вывеску, одна теснит другую; гигантский вызолоченный сапог горделиво высится над двухаршинным кренделем; окорок ветчины красуется против телескопа; ключ в полпуда весом присоединился бок о бок с исполинскими ножницами, седлом, сделанным по мерке Бовы-королевича, и перчаткой, в которую влезет дюжина рук; виноградная гроздь красноречиво довершает эффект «Торговли российских и иностранных вин, рому и водок». Это вывески натуральные, осязательно представляющие предметы; а вот богатая коллекция вывесок-картин: узкоглазые жители Срединного царства красуются на дверях чайного магазина; чернокожие индийцы грациозно покуривают сигары при входе в продажу табака, а над ними длинноусый турок, поджав ноги, тянет наслаждение кейфа из огромного кальяна; пышные платья и восхитительные наколки обозначают местопребывание парижской модистки; процесс бритья и пускания крови представляет разительный адрес цирюльни… Везувий в полном разгаре извержения коптит колбасы; конфеты и разные сласти сыплются из рога изобилия в руки малюток, а летящая слава трубит известность кондитерской…» Всё это было и в начале XX века. Плюс малограмотные тексты, русские надписи вперемешку с иностранными, забавные наименования. Встречались такие вывески: «Магазин гробов», «Мадам Мотя», «Оккультист, очки, пенснэ, лорнеты Ш.Б. Гуревич», «Набойка матроссов и полуперин. И.Ф. Фёдорова», «Кролики, белки, куры и прочия певчия птицы».

Опасно, но доходно

Конечно, обилие вывесок оживляло город, но в то же время некоторые дома и целые улицы становились излишне пёстрыми, загромождёнными и даже опасными. Дело в том, что многие вывески были ненадёжны. На Тверском бульваре у Никитских ворот располагалась контора по перевозке мебели. Вход в неё украшало изображение мебельной фуры и пары лошадей в натуральную величину. Эта громадная конструкция крепилась к стене тонкими проволоками и при малейшем движении ветра грозила обрушиться на головы прохожих. Довольно часто кронштейны не выдерживали тяжести вывесок и выходили из стен.

Кроме того, летом лопались стёкла, вставленные в рамы, а зимой на них намерзал лёд, который тоже мог упасть на прохожих. Городская управа размышляла над тем, как сделать вывески безопасными, но не забывала, что они могли стать источником приличного дохода. Стены городских зданий, фонари, трамваи и киоски под рекламу сдавали на

Рекламная этикетка популярного продукта и газетная вырезка с рекламным объявлением. Изображения домов появлялись в таких объявлениях для того, чтобы клиент мог опознать здание – адресные таблички ещё не были введены повсеместно в Москве, а грамотность не достигла послереволюционного уровня

вполне законных основаниях, но как быть с частными владениями? Вся стена восьмиэтажного дома Афремова у Красных ворот была покрыта громадными вывесками. Это был лакомый кусок для московских властей.

Чиновники подумали и рассудили так: если бы рекламу написали на самой стене, то и претензий к домовладельцу бы не было. Но вывески крепились к фасаду и выступали на смежные городские владения. А это уже серьёзный повод для истребования компенсации.

Если владелец магазина устанавливал вывеску или рекламу, непосредственно относящуюся к его заведению, то город не мог требовать уплаты налога. Если же хозяин эксплуатировал своё владение для чужих реклам, то управа желала получать определённую плату в пользу города. Но как поступить в этом случае: аптека рекламирует товар, который продаёт, но не производит?

В общем, спорных вопросов было немало, и надежды на большие доходы с реклам редко оправдывались.

«Воров просим не беспокоиться...»

Не только вывески рекламировали магазин. С этой функцией успешно справлялась витрина, обставленная по всем правилам оформительского искусства. Скажем, в окнах мебельных магазинов воспроизводили обстановку жилых комнат. В «Мюръ и Мерилиз» (современном ЦУМе) эти инсталляции дополнялись литографиями интерьеров столовых, кабинетов и спален. Однажды в московской газете появилось сообщение о том, что администрация одного из

самых грандиозных магазинов Москвы (вероятно, речь как раз и шла о «Мюръ и Мерилиз») решила завести в витринах живых манекенов. Многие обыватели к этому отнеслись весьма скептически: «В виде болвана, при издевательствах уличной толпы, будет человек с пустым желудком в колоссальном зеркальном окне демонстрировать шикарный смокинг. Безработная интеллигентная барышня, обладающая красивой фигурой, освещённая электрическими огнями, со слезами на глазах будет изображать «последнюю парижскую модель»… Судари, подумайте!..»

Конечно, переживания за моделей были излишними. Рекламисты, в свою очередь, хорошо разбирались в психологии обывателей. Чтобы задержать внимание на витрине одного магазина, там установили зеркала. Редкая дама не останавливалась на минутку, чтобы поправить шляпку или причёску. А в окнах книжного магазина повесили такое объявление: «Почтительнейше просим гг. воров не беспокоиться разбивать стёкла для кражи книг: книг на витрине нет, лежат только обложки». Мимо такого юмористического обращения пройти было трудно.

Так же трудно было проигнорировать рекламные акции, которые время от времени устраивали разные торговые заведения. К примеру, во время «дешёвок», то есть распродаж, дамы и так брали магазины приступом. Но один торговец пошёл ещё дальше и пообещал всем покупателям, потратившим у него больше пяти рублей, в качестве премии выдавать трамвайные билеты на проезд в оба конца.

«Небывалая новость!»

О всяких рекламных акциях можно было своевременно узнавать из московской прессы. Что только не рекламировалось на страницах периодических изданий! Бульонные кубики, бритвы, фотоаппараты и другие товары крупных фирм, существующих и по сей день.

Весьма необычные вещи вроде препарата для дезинфекции телефонов «Телемикробин»; формовщиков носов; наушников «Здравый смысл», исправлявших торчащие уши; электрических гребёнок, способствующих росту волос, избавлению от головных болей и возвращающих седым волосам их первоначальный цвет и т.п. Печатались также объявления предсказателей судьбы, профессоров хиромантии и чёрной магии.

Мошенники из отдалённых городов предлагали дёшево приобрести по почте какую-нибудь полезную в хозяйстве мелочь. Конечно, частенько ничего никому не высылали, надеясь, что москвичи поленятся ехать в Лодзь, Ригу или Варшаву, чтобы вернуть свои три рубля. Чтобы хоть немного обуздать печатную рекламу, со временем были выработаны запреты и ограничения на некоторые публикации. Например, не допускалось рекламировать «книги для взрослых», а о «секретных болезнях» следовало говорить деликатно, не вдаваясь в подробности.

Среди всех объявлений были как грамотно составленные тексты, так и откровенно глупые. Но парадокс заключался в том, что именно последние и привлекали к себе внимание. Москвичам был памятен один парикмахер, услышавший где-то, что лучше всего на умы читателей воздействуют стихи. Он поразил всех такими виршами: «На Страстном бульваре,/ Ставят где пиявки,/ Господа, вы брейтесь, там же и стригитесь,/ Очереди ждите, но не бойтесь давки,/ И оттуда каждый выйдет словно витязь./ И бритьё, и стрижка десять лишь копеек;/ Вежеталь, конечно, и духи бесплатно,/ Чтоб при поцелуе нежных женских шеек/ Даже вашим дамам делалось приятно./ Обстановка – роскошь; мастеров прекрасных/ Человек я 20 у себя поставил,/ Почему и жду вас,/ Ваш Артемьев Павел». Артемьевская «поэзия» вызывала только смех. А парикмахерская вскоре закрылась: публика решила, что серьёзный человек такие нелепости печатать не будет.

И у солидных фирм то и дело появлялась сомнительная реклама. Парфюмерная фабрика «А. Сиу и К°» порадовала собирателей несуразностей такими виршами: «О ужас, страх! На что похоже?/ Промчалась юная пора…/ Была красавица и что же?/ Теперь – увы – уж я стара…/ Но что за редкость, что за дива/ Есть у Сиу секрет красы/ Его узнала… и красива,/ Как в годы юности свои…/ Секрет Сиу не что иное,/ Как смесь Глицеро-Вазелин,/ И средство есть весьма простое/ К уничтожению морщин./ Купила я кусочек мыла/ И нет морщин… я молода!/ Про годы старости забыла/ И вновь как прежде хороша… В.Н. Москевич». Вся пишущая братия осуждала стихоплёта за то, что он не постеснялся подписать этот «шедевр» своим настоящим именем. Безграмотных сочинителей реклам было полным-полно. Фирма «Шустов и сыновья», производившая алкогольную продукцию, запомнилась москвичам начала XX века настойчивыми, интригующими и подчас шокирующими объявлениями. «Марья Петровна Санклютова была глубоко несчастна. Её старший сын погиб на войне, младший помер от холеры, а средний ещё не родился. Дочь Марьи Петровны, Вера, разошлась со своим мужем, а другая, Настя, страдала раком печени. Да и сама Марья Петровна жаловалась на резкую боль в поясницe и на острый катар желудка. И, несмотря на это, Марья Петровна считала себя счастливейшей из смертных. И когда у неё спрашивали: «Почему?», – она уверенно отвечала: «Да, я бесконечно счастлива, ведь у меня имеется целая бутылка шустовского коньяку».

Такими же агрессивными рекламодателями были и многие табачные фабрики, не стеснявшиеся показывать в своих публикациях курящего подростка.

Современники замечали, что с каждым днём тон рекламных посылов делался всё более серьёзным и внушительным. Они дёргали, кричали, требовали и приказывали. «Важно для всех… Обязательно надо… Небывалая новость… Бесспорно самая лучшая… Громадный сюрприз раз в жизни… Это прелесть, всякий скажет… Ты не будешь счастлив, если… Не упусти свой шанс… Факт, а не реклама…» Впечатлительным и нервным людям воспринимать такое давление было тяжко. Но в конце концов реклама работала, а для рекламодателей это было главным.

«Вывеска цепляется за вывеску: гигантский вызолоченный сапог горделиво высится над двухаршинным кренделем; окорок ветчины красуется против телескопа; ключ в полпуда весом присоединился бок о бок с исполинскими ножницами, седлом, сделанным по мерке Бовы-королевича, и перчаткой, в которую влезет дюжина рук…»

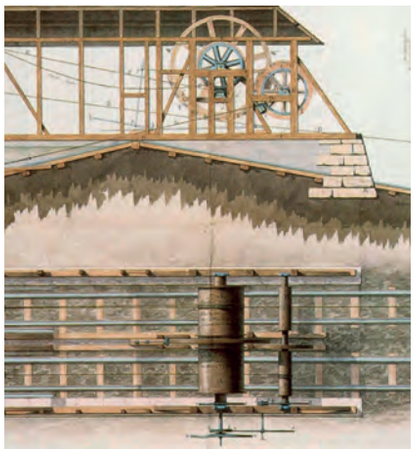

В самом начале улицы Арбат на каждом из домов рекламные вывески заполняли собой любые свободные площади. Фото 1904 года

Дом графини Алсуфьевой на углу Тверской и Гнездниковского переулка. 1915 год. На крышной установке реклама грошового товара

Автор: Алексей Че (Черепанов)
Фото: Алексей Кучеев

Ах, наш милый Августин, **или Ошибка Бетанкура**

Судьба дала Августину Бетанкуру шанс начать жизнь с белого листа, причём вооружила его отменными чернилами, хорошо отточенными перьями и бумагой с гербовой печатью, чтобы для второй родины, холодной и неприветливой России, он смог сделать не совершённое для родины первой – солнечной Испании. Практически всё, что он затевал в России, воплотилось в жизнь. Самые известные инженерные работы Бетанкура – возведение Александровской колонны и Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге, сооружение московского Манежа

Августин де Бетанкур-и-Молина родился 1 февраля 1758 года в городе Пуэрто-де-ла-Крус на Тенерифе – одном из островов Канарского архипелага. Его предок Жан де Бетанкур завоевал Канары в 1402 году для кастильской короны. Начальное образование Августин получил дома, мать учила его французскому, отец – всем остальным предметам, а позже мальчика, как и его братьев, отправили грызть гранит науки в монастырь Лос-Доминикос.

Страсть к исследованиям проснулась в Бетанкуре ещё в юности. Со старшим братом и друзьями они не просто забрались в пещеру Сан-Маркос севернее города Икод-де-лос-Винос – какой мальчишка не забирался в подземелье? – но и составили описание пещеры и подробный её план. Августин был необычайно одарён, в 20 лет вместе с сестрой Марией изобрёл машину для прядения шёлка.

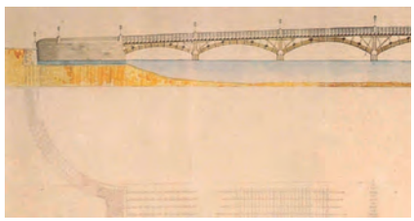
Через много лет Иван Степанович Резимон, подчинённый Бетанкура по санкт-петербургскому Институту корпуса инженеров путей сообщения, напишет про своего начальника: «Не одни науки занимали его; все механические искусства были ему коротко знакомы… Чтобы показать, до какой степени простиралась ловкость его рук, довольно упомянуть о том, что он простою бритвою, без малейшего затруднения, разделял волос по длине… »

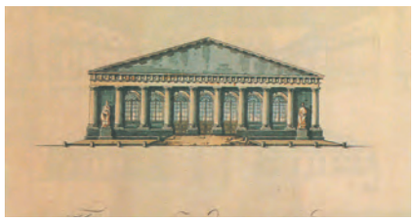
В 1778 году, снабжённый рекомендательными письмами, Августин де Бетанкур-и-Молина отправился в Мадрид. Он поступил одновременно в два учебных заведения: школу Сан-Исидро, где изучал точные науки, и Королевскую академию изящных искусств Сан-Фернандо, почётным академиком которой стал через несколько лет. «Аспирантуру» молодой инженер проходит в Париже, подающего надежды учёного посылают в Школу мостов и дорог. По окончании её Бетанкур становится крупнейшим инженером-исследователем своего времени.

Кипучая деятельность

Его деятельность приобрела несколько даже пугающий, особенно в глазах консерваторов, размах. Он составил проект ремонта Имперского канала в Арагоне; всего через несколько месяцев после братьев Монгольфье запустил первый воздушный шар в Испании; основал Королевский кабинет машин в Мадриде – первый в истории технический музей; построил паровую мельницу; изобрёл гидравлический печатный станок, паровую землечерпалку для очистки русла рек и каналов, машину для срезания тростника, машину для дробления камня; вместе с Франсиско Гойей составлял учебные планы Академии изящных искусств; совместно с Абрахамом-Луи Бреге спроектировал оптический телеграф; в соавторстве с мексиканским математиком Хосе Мария Ланцем издал классический труд «Курс построения машин»; на посту главного инспектора дорог и каналов Испании отремонтировал или возвёл заново больше ста сорока мостов на шоссе из Мадрида в Барселону; открыл в Испании Школу дорог и каналов… Исследовательская деятельность Августина Бетанкура

Машина для разгрузки барок. Проект

Августин Хосе Педро дель Кармен Доминго де Канделярия де Бетанкур-и-Молина – в России более известный как Августин Августинович Бетанкур

Мост через Неву. Проект

Экзерциргауз. Проект

Подъем столпа на Дворцовой площади в Петербурге. Гравюра XIX века

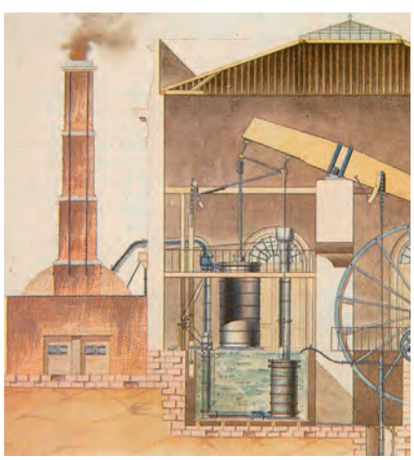
Бетанкур в небе. Гравюра XIX века

Сапожковая площадь

Паровая машина. Проект

иной раз граничила с промышленным шпионажем. В 1788 году в Бирмингеме испанец встретился с изобретателем паровой машины Джеймсом Уаттом. Англичанин в общих чертах рассказал о преимуществах пара перед лошадиной силой, но ни одной машины не показал. Зато в Лондоне Бетанкур услышал звук работающего двигателя. Увидеть он смог только двойной ход поршня, всё остальное было закрыто ширмой, но этого оказалось достаточно, чтобы воссоздать паровую машину целиком.

«Мне нет места в этой стране»

Те же англичане в 1797 году помешали осуществлению экспедиции на Кубу, где Бетанкур должен был исследовать и «обустроить» залив Гуантанамо. Великобритания уже год вела войну с Испанией, которая поддерживала Наполеона. 8 июня экспедиция Бетанкура отправилась из порта Ла-Корунья, а уже на следующий день

В Испании на Бетанкура донесли инквизиции как на еретика, который «хочет посылать слова со скоростью луча при помощи электричества»: пытались помешать ему построить оптический телеграф. Телеграф в стране не появился, зато в России в 1824 году была сооружена первая линия оптического телеграфа между Петербургом и Шлиссельбургом

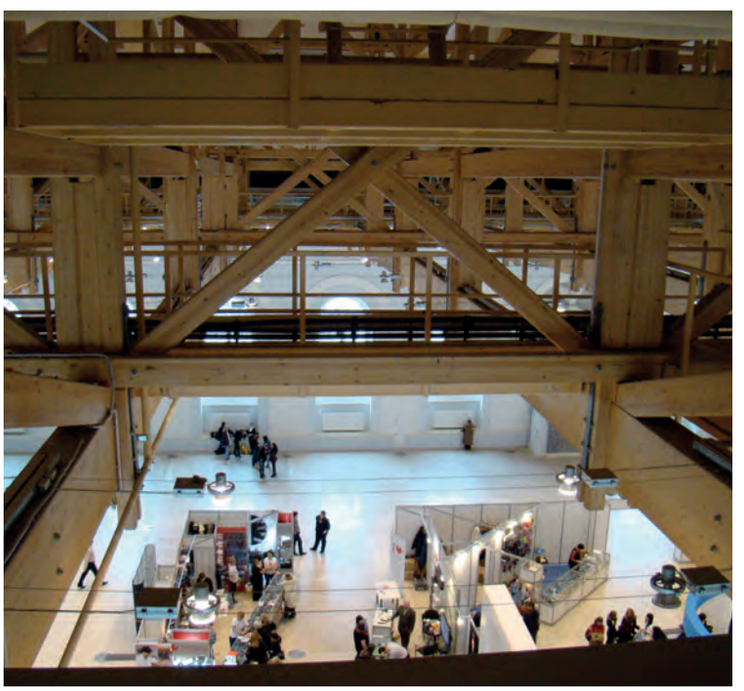

Манежная площадь. 2009 год

Восстановленные фальш-камины в московском Манеже

Вид из-под кровли Манежа на выставочный зал. 2009 год

их бриг захватил английский фрегат «Бостон». Англичане присвоили научную библиотеку и все инструменты, а пассажиров высадили в Лиссабоне… Время было чрезвычайно авантюрное. В 1789 году Бетанкур своими глазами видел, как вершится история, как Великая французская революция сметает старый порядок…

В Испании тоже уже был порядок новый, но нельзя сказать, что лучший. В 1788 году скончался просвещенный монарх Карл III. На трон воссел безвольный Карл IV, а управлять страной фактически стал фаворит королевы Мануэль Годой, больше озабоченный собственным обогащением, чем процветанием страны. Проекты Бетанкура начали потихоньку сворачиваться. Паровая землечерпалка пришлась не ко двору. Студенты, которые поступили в Школу дорог и каналов в 1806 году, так и не смогли доучиться… Оптический телеграф из Мадрида в Кадис тоже не был построен, возвели всего 4 вышки из семидесяти.

К тому же политическая ситуация в стране накалялась: Наполеон оказывал всё большее влияние, а в массах зрел бунт… В 1807 году Августин Бетанкур со словами: «Мне нет места в этой стране» выехал сначала во Францию, а затем – в Российскую империю.

Русский испанец

Приглашение поступило от русского посла в Испании Ивана Матвеевича Муравьёва-Апостола – одного из участников заговора 1801 года, когда на смену Павлу I пришёл Александр I, готовый поначалу поиграть в либерализм и даже ограничить царскую власть. В начале XIX века с большой охотой приглашали специалистов из-за рубежа, считалось, что иноземцы не берут взяток, – просвещённая монархия так боролась с коррупцией.

Нашему испанцу было уже 49 лет. Его славное имя Августин Хосе Педро дель Кармен Доминго де Канделярия де Бетанкур-и-Молина упростилось до Августина Августиновича Бетанкура. Зато полномочия стали обширны: «Император и все члены царской семьи приняли меня с почестями, на которые я не мог даже претендовать, – писал Бетанкур брату Хосе, – Император предложил мне ежедневно обедать с ним… и присвоил чин Маршала, что соответствует тому, который у меня был в Испании. Но ничто так меня не обрадовало, как моё подчинение только ему, без посредничества какого-либо министра. То есть, каждый раз, когда мне понадобиться поговорить с ним, я смогу войти в его кабинет не прося ни у кого разрешения… »

В России генерал-майор по специальным заданиям Его Императорского Величества приступил к работе с не меньшей энергией, чем в Испании. Первым делом представил проект Института корпуса инженеров путей сообщения, «дабы снабдить Россию инженерами, которые прямо по выходе из него могли быть назначаемы к производству всяких работ в империи». Институт разместился во дворце князя Юсупова на Фонтанке, и, по выражению злоязыкого мемуариста, а тогда секретаря Бетанкура, Ф.Ф. Вигеля, «здание института… было как бы отдельное царство, в котором господствовал он (Бетанкур) самовластно». Ректор добился, чтобы будущие инженеры числились по военному ведомству, «носили шляпу с пером и офицерский мундир с шитьём, только без эполетов», однако этот привилегированный «стройбат» поначалу не вызывал должного уважения. «Корпус назван военным, но публика находит его военную форму несколько сомнительной и прозвала его земноводным корпусом», – обижается Бетанкур. Тем не менее Корпус инженеров путей сообщения создавался практически одновременно с Царскосельским лицеем и был таким же рассадником либеральных идей. Недаром в корпусе учился Сергей Муравьёв-Апостол – один из организаторов восстания декабристов.

Одновременно Августин Бетанкур оснащает паровыми машинами Тульский оружейный завод, углубляет акваторию порта Кронштадт (с помощью той самой паровой землечерпалки, не пригодившейся в Испании), проектирует мосты на дороге Санкт-Петербург – Москва. В 1811–1813 годах он создал проект первого в России большого арочного Каменноостровского моста через Малую Невку. В 1824 году Бетанкуров мост оказался единственным, который выстоял в разрушительном наводнении, описанном Пушкиным в поэме «Медный всадник».

В 1811 году Бетанкур совершил поступок, за который его долго ругали завистники. Александр I пожаловал русскому испанцу Анненскую ленту. «Он отослал её назад, – пишет Вигель, – утверждая, что ему, кавалеру св. Иакова Компостельского, неприлично принять орден ниже его, и, наоборот, государь прислал ему Александровскую ленту… » Многие ревновали к такой быстрой карьере испанца. Инженер Франц Павлович Деволант пишет в своих мемуарах: «В Петербурге я встретил нового феномена – знаменитого генерала Бетанкура, который… был принят в Эрфурте на нашу службу, что вскоре же оказалось наиболее чувствительной обидой, нанесённой членам департамента». Однако близость к царю до поры защищала Бетанкура от всех завистников. После войны 1812 года Россия оказалась наводнена множеством фальшивых банкнот.

Ещё до начала военных действий Наполеон отправил в Варшаву двадцать миллионов фальшивых русских ассигнаций и продолжал печатать новые партии подделок. В итоге после войны курс рубля упал до 20 копеек. Срочно нужны были новые деньги. И Бетанкур создал Экспедицию заготовления государственных бумаг. Он не только спроектировал отделения фабрики, закупил и сконструировал паровые машины и оборудование, но и предусмотрел жильё для рабочих, детский сад, школу и больницу. Бетанкур даже ассигнации нарисовал сам!

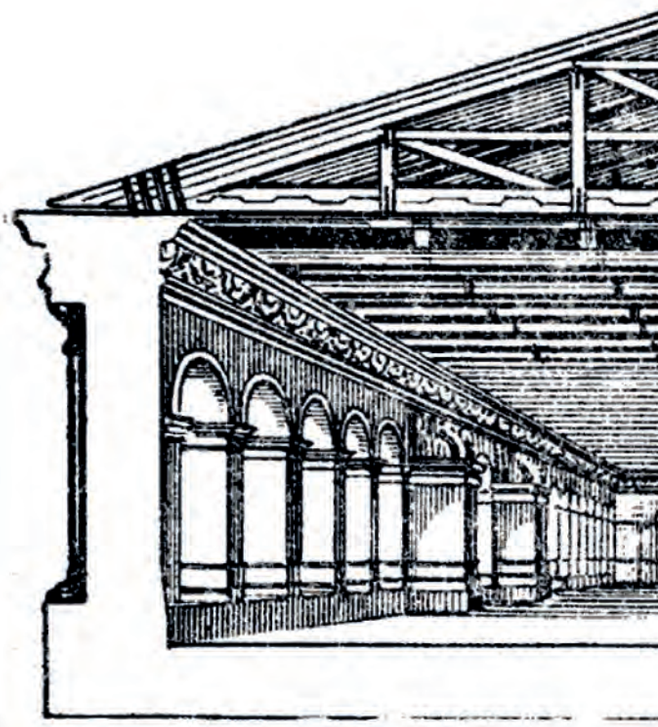
В 1816 году генерал-лейтенант Бетанкур возглавил Комитет для строений и гидравлических работ. Как писал Вигель, комитет «должен был просто рассматривать проекты новых фасадов, утверждать их, отвергать или изменять, также заниматься регулированием улиц и площадей, проектированием каналов, мостов и лучшим устройством отдалённых частей города, одним словом, одною только наружною его красотою… »

Под пристальным наблюдением комитета осуществлялись крупные градостроительные проекты не только в Санкт-Петербурге, где появились Дворцовая и Сенатская площади, Марсово поле, но и в Нижнем Новгороде, Архангельске, Киеве и, конечно, в Москве, которую нужно было восстанавливать после пожара 1812 года.

Восстающей из руин Москве очень пригодились инженерные таланты Ав-

Юный Лев Толстой обучался в Манеже верховой езде, а в возрасте 67 лет здесь же обуздал железного коня. 25 апреля 1895 года он написал в дневнике: «Начал учиться в манеже ездить на велосипеде. Очень странно, зачем меня тянет делать это. N отговаривал меня и огорчался, что я езжу, а мне не совестно»

густина Бетанкура. Он участвовал в укреплении фундамента прясел кремлёвской стены со стороны Москвы-реки, восстановлении Берсенёвской набережной и перекрытий Большого Каменного моста. Бетанкур заново отстроил один из корпусов дома героя Отечественной войны генерала Шепелева на Таганской улице.

Совместно с Осипом Бове он разработал систему перекрытий Петровского театра, который открылся в январе 1825 года и сгорел в марте 1853-го. А в 1818 году именно Бетанкур сконструировал механизм, с помощью которого тысячепудовый памятник Минину и Пожарскому доставили от набережной Москвы-реки на Красную площадь.

Злополучный Экзерциргауз

По высочайшему повелению императора в Москве должен был появиться Манеж, или Экзерциргауз, как его называли тогда. Буквальный перевод – «здание для экзерциций», то есть упражнений в верховой езде или строевой подготовке солдат. Это должна была быть постройка, где без всяких помех мог маневрировать пехотный полк из двух тысяч человек. В Экзерциргаузе планировалось провести парад по случаю пятилетия победы в Отечественной войне, так что строительство здания, как сказали бы сейчас, было на особом контроле. Император сам выбрал место будущего Экзерциргауза – у Боровицкого моста, но строительство начали около Троицких ворот Кремля.

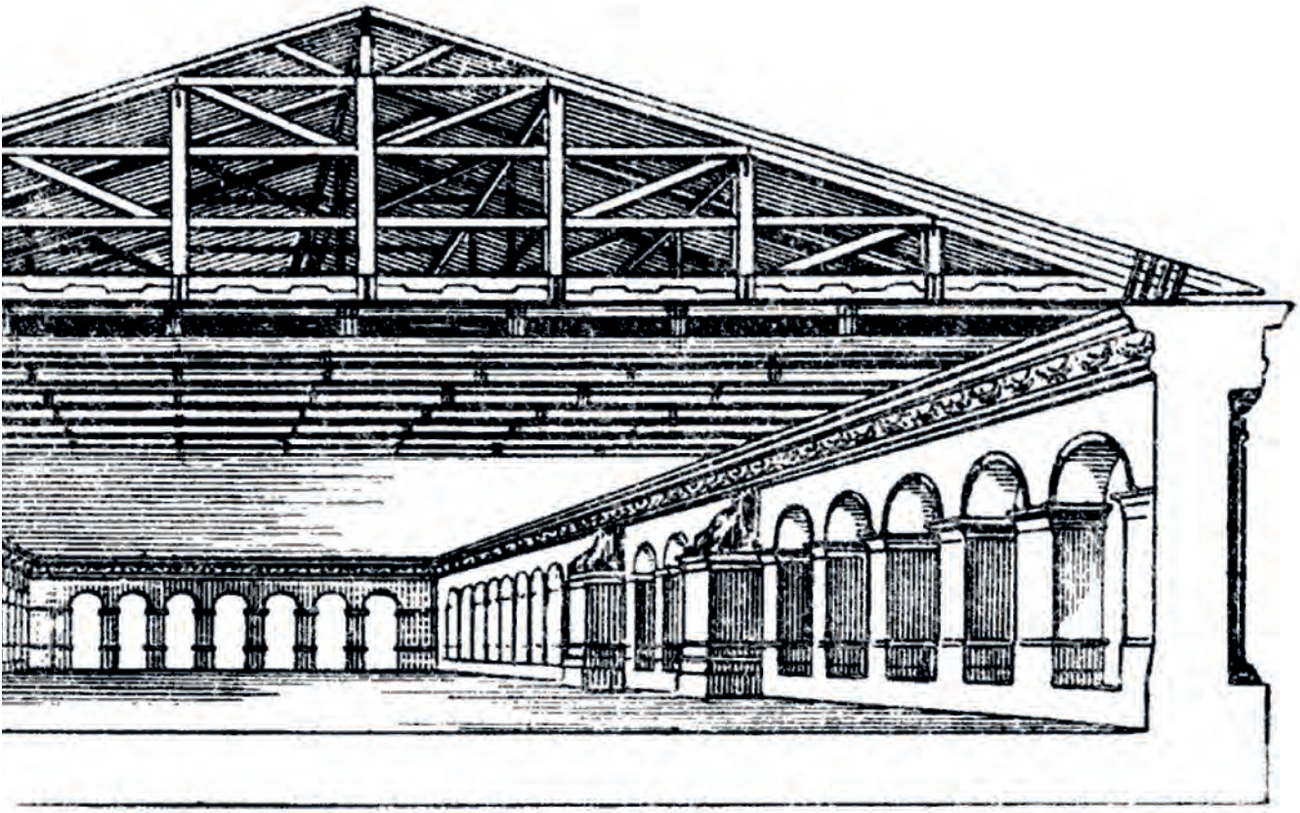
В конкурсе помимо Августина Бетанкура участвовали Луиджи Руска, Огюст Монферран и Лев Карбонье. Александр I выбрал проект Бетанкура, а строительство возложили на проигравшего в конкурсе инженер-генерал-майора Льва Львовича Карбонье, который сыграет роковую роль в судьбе русского испанца. Бетанкур представил небывалый проект: огромное здание без единой внутренней опоры. Для строительства кровли Августин Августинович предложил соорудить 30 деревянных ферм, которые опирались бы только на стены здания. Подобные безопорные фермы применялись в мостостроении, и Бетанкур использовал свой богатейший опыт инженера. Император утвердил проект Экзерциргауза 10 июня 1817 года, но заготовка лиственниц для ферм началась ещё в марте. Искусствовед Наталья Датиева утверждает: «Строители испытывали большие затруднения при заготовке сухого, длинного и толстомерного лесного материала. Эти трудности вынудили Л.Л. Карбонье изменить конструкцию 8 стропильных ферм». Проще говоря, дерево не успевало просохнуть. Его для подобных конструкций нужно высушивать как минимум год, а держава требует построить Экзерциргауз за полгода! Именно поэтому Карбонье изменил конструкцию ферм, и похоже, не в лучшую сторону.

Со сдачей Манежа затянули на два месяца, однако 30 ноября 1817 года состоялось торжественное открытие. Экзерциргауз поражал: почти 45 м в ширину, 160 в длину и ни одной колонны! К тому же огромные окна пропускали много света!

Но уже в июле 1818 года две стропильные фермы дали трещины. Непросушенное дерево деформировалось. Карбонье попытался отремонтировать кровлю, однако следующим летом треснули ещё несколько элементов. Возникла аварийная ситуация. Похоже, проблема была не только в сыром дереве. Вся кровля нуждалась в серьёзных усовершенствованиях.

По всей видимости, при проектировании Манежа Бетанкур не учёл, по

По легенде, слуховые окна в России стали так называться именно после строительства Манежа. Якобы кровельными работами при перестройке здания в 1823–1824 годах руководил мастер Слухов, который придумал прорезать в крыше окна, чтобы вентилировать чердак

В период между выставками можно оценить не только открыточные виды из окон Манежа, но и уровень инсоляции этого громадного помещения. Площадь Манежа – более 6000 кв. м

Манеж. Разрез

выражению инженера Деволанта, российских «местностей, ужасного климата, способности рабочих, национального духа и основных законов». Зимой на кровле Экзерциргауза возникала перегрузка из-за большой массы снега, а летом под воздействием солнца огромная крыша раскалялась так, что трещали стропила. Положение могла бы спасти вентиляция, но это был глухой чердак, а люкарны в крыше Бетанкур не предусмотрел. Слуховые окна сделают только в 1824-м, перед самой его смертью.

В 1819 году Бетанкур пытался исправить эту досадную неудачу с Манежем и получить разрешение на ремонт. Он преподнёс Александру I отпечатанный тиражом в несколько экземпляров альбом «Description de la Salle d´exercice de Moscou» («Описание Экзерциргауза в Москве») с подробными чертежами и рисунками. В частности, там описано, как в Петергофе проводились испытания деревянных ферм Бетанкура. Но только в 1823 году началась перестройка кровли здания. Кстати, именно по этому альбому восстанавливали Манеж после пожара 2004 года.

Государственный человек

В 1819 году Августин Бетанкур возглавил Главное управление путей сообщения, проявив на министерском посту «сильный организаторский талант». За три года он наладил регулярное сообщение дилижансов по шоссе Петербург – Москва, при нём были построены первые пароходы и 4700 км дорог.

В 1820 году Августин Августинович совершил четырёхмесячную инспекционную поездку по империи. Он понял, что Санкт-Петербург – это ложный образ России. Поражённый контрастом между столицей и провинцией, он пишет уничижительный отчёт, который задевает царя.

Бетанкур требовал новых средств для строительства дорог, а два его подчинённых, генералы Лев Карбонье и Александр Вельяшев, доносили императору о малейших просчётах и нарушениях в ведомстве Бетанкура.

Француз Антуан Рокур, профессор Института корпуса инженеров путей сообщения, считал, что отставка и закат карьеры Бетанкура были вызваны исключительно конфликтом с инженер-генералом Карбонье. Изменилась и политическая обстановка в начале 1820-х годов: царь уже не питал склонности к либеральным ценностям, «учёный» стал равняться «вольнодумцу», а в официальных речах царствовала аракчеевская риторика. «Господа, в нашем Корпусе тьма беспорядков, хищничества; я не прежде надену ваш мундир, пока новыми поступками вы не очистите его. Сильными мерами постараюсь вас к тому понудить», – такой «разнос» в 1822 году устроил в институте новый начальник – главноуправляющий путями сообщения Российской империи герцог Александр Вюртембергский.

В сентябре 1821 года царь впервые отказал Августину Августиновичу в аудиенции, а в январе 1822-го критиковал за превышение расходов при строительстве Нижегородской ярмарки – последнего большого проекта и «любимой забавы» Бетанкура. По всей видимости, последний донос Карбонье и Вельяшева о финансовых нарушениях их начальника попал в цель. Канарский исследователь Амилкар Мартин Медина называет это «заговором… с молчаливого согласия царя» и утверждает, что растраты совершил «коррумпированный советник Вельяшев».

В августе Бетанкура фактически смещают с должности. Герцог Александр Вюртембергский ещё и попы-

«По многим отношениям был он лицо весьма примечательное, особенно же как выражение духа времени, смешения аристократических предрассудков с плебейскими промышленными наклонностями…» (Ф. Вигель)

тался унизить испанца. «Представьте себе, – рассказывал Бетанкур своему секретарю Вигелю, – что вчера вечером вдруг он (Виртембергский) послал за Эвениусом и велел ему, наняв подводы, в самую полночь подъехать к моей канцелярии, там выбрать все дела и бумаги и привезти к нему. Когда сегодня пришёл Ранд, чтобы приготовить к докладу дела, нашёл он все шкапы пустыми и канцелярию расхищенною и, когда узнал, что всё увезено Эвениусом, пошёл к герцогу за приказаниями. Тот велел его пустить и встретил словами: «Зачем вы пришли? Вы мне вовсе не нужны; ступайте вон и не показывайтесь мне на глаза… »

Летом 1923 года Августин Августинович Бетанкур снова поехал в Нижний Новгород, где уже несколько лет работал над проектом Всероссийской ярмарки. Там он узнал, что во время родов умерла его любимая дочь Каролина.

Через год, 14 июля 1824 года, в Санкт-Петербурге скончался и сам русский испанец Августин Бетанкур.

Возвращаясь к Манежу

В 1823 году Бетанкур поручил своему ученику по мадридской Школе дорог и каналов Рафаэлю Бауса вникнуть «во все подробности сей стропильной связи для составления нового прожекта» кровли Экзерциргауза. Бетанкур предложил увеличить число ферм с тридцати до сорока пяти, а Бауса спроектировал новую кровлю и внёс ряд изменений в детали конструкции стропил.

По завершении строительства за крышей Манежа постоянно наблюдала специальная команда, которую в 1825 году возглавил один из строителей здания инженер-поручик А. Я. Кашперов. Кровлю настраивали, как огромную арфу: в зависимости от температуры воздуха подтягивали или отпускали металлические элементы конструкции.

Окончательный архитектурный облик Экзерциргауз приобрёл в 1825 году. Осип Бове разработал проект декоративного убранства, прославлявшего русское оружие.

Московские власти настойчиво рекомендовали ему украсить скульптурой фронтоны фасада здания, но Бове воспротивился: «Во фронтоне по его пропорциям всякая арматура будет неуместна, а потому в прожектированном фасаде не было назначено ничего, как только оштукатурить гладью».

По рисункам Осипа Бове снаружи и внутри Экзерциргауза были укреплены военные атрибуты. Кроме того, архитектор хотел украсить фасад Манежа чугунными горельефами «Военные доспехи». Это предлагал сделать ещё Бетанкур, но его рисунки были утеряны. Бове спроектировал свои скульптурные композиции из щитов, шлемов и знамён. Но смерть Александра I в 1825 году нарушила эти планы, а Николай I интереса к трофеям не проявил.

Зато именно Николай I в 1837 году повелел разобрать Никольскую церковь перед Экзерциргаузом, которая находилась на Сапожковой площади около Троицких ворот Кремля, и использовать кирпич для строительства ротонды в Манеже. Туда перенесли алтарь и освятили домовую Никольскую церковь на пятьсот человек.

Сапожковая площадь по легенде получила своё название именно от разрушенной церкви – якобы на храмовой иконе святой Николай был изображён не совсем по канону: из-под его одеяния выглядывал носок сапожка.

С 30-х годов XIX века Манеж стал использоваться не только по прямому назначению, но и для развлечения публики. В 1867 году французский композитор Гектор Берлиоз дал здесь самый большой в своей жизни концерт – пятьсот музыкантов, двенадцать тысяч зрителей! А в 1872 году к двухсотлетию Петра I в Манеже открылась грандиозная Политехническая выставка, которую посетили 750 тысяч человек! Вход был сделан через окна со стороны Александровского сада. На основе этой выставки в Москве создали сразу два музея: Исторический и Политехнический.

После революции домовую Никольскую церковь при Манеже закрыли и разместили в памятнике архитектуры гараж ВЦИК. В зале возвели перегородки, а в 1939 году появились «опоры перекрытия в виде столбов».

Для переоборудования Манежа в Центральный выставочный зал в 1957 году в здании прошли реставрационные работы. Убрали эстакады для автомобилей, очистили стены от масляной краски, которой Манеж маскировали в годы войны, восстановили рельефы с двуглавым орлом и Георгием Победоносцем, однако фермы Бетанкура не меняли. По свидетельству реставратора Дмитрия Николаевича Кульчинского, «несмотря на некоторые деформации ферм, которые неудивительны, если учитывать возраст конструкции, она находилась в очень и очень приличном состоянии». Тем не менее в 1970-х крышу признали аварийной: кровля просела на 110 сантиметров. Разработали проект реставрации, завезли дерево, но реконструкция так и не была закончена – дерево куда-то исчезло… А кровля простояла вплоть до пожара 2004 года.

Самый первый проект Августина Бетанкура в России воспет сразу двумя великими поэтами. В 1810 году по проекту испанского инженера воды источника в Екатерининском парке Царского Села оформили в фонтан «Молочница». Правда, фигура девушки скульптора Павла Соколова появилась в парке только через шесть лет. Болдинской осенью 1830 года Пушкин вспоминает царскосельскую статую:

Урну с водой уронив, об утёс её дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит…

Через три четверти века Анна Ахматова продолжает пушкинские строки:

И ослепительно стройна,
Поджав незябнущие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги…

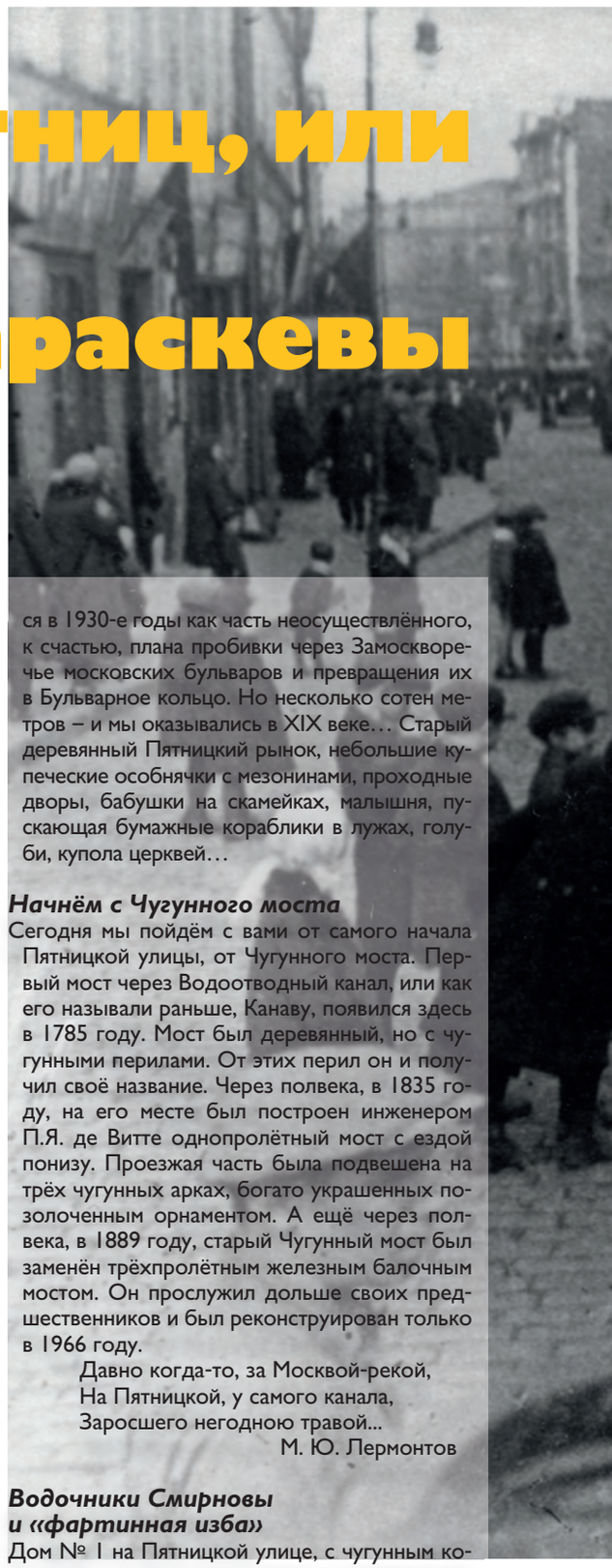

ПеШКом

по Москве **со знанием дела**

Побольше бы пятниц, или Улица Святой Параскевы

Алексей Дедушкин

Фотографии: Ашот Сардарян, Арт-Реставрация, документальный фонд Москомнаследия, частные коллекции

Замоскворечье – тот редкий район в центре Москвы, о котором его аборигены говорят, что он проще и веселее, чем другие столичные места. Здесь вас окликают на улице знакомые, местные хозяйки встречаются в привычных магазинах, а по вечерам жители домов всё ещё выходят посидеть во двор. Пятницкая, как никакая другая улица, сохраняет этот дух места: по ней не только ездят, ходят и гуляют – на ней живут…

1 – Колоннада колокольни церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи, что под Бором. До середины 1930-х годов на стене колокольни, обращённой в Черниговский переулок, сохранялась большая икона с изображением усекновенной главы Иоанна Крестителя.

2 – Бронетехника возвращается по Пятницкой улице с парада, посвящённого 7 ноября. На заднем плане виден храм Святой Параскевы Пятницы, а перед ним маленький одноэтажный домик – дом священника. Фото 1927 года

Два храма, посвящённых святой Параскеве Пятнице, были в Москве ещё в начале XX века – в Занеглименье и в Замоскворечье. И неспроста: эта святая исстари считалась покровительницей торговых людей. Как магнит притягивала Параскева к себе московских негоциантов. В Занеглименье, в Охотном ряду, рядом с церковью на протяжении нескольких веков находился один из главных московских торгов. Вот и в Замоскворечье стрельцов, поселившихся там ещё в XVI веке, постепенно сменило купечество. Не дожили оба храма до наших дней, оба были снесены вскоре после революции. Но память об одном из них сохранилась в московской топонимике: Пятницкая улица – одна из двух, наряду с Большой Ордынкой, главных улиц Замоскворечья. Вот по ней мы с вами сегодня и пройдём.

В детстве ради прогулки с дедом по тихим, уютным замоскворецким улочкам я готов был забыть даже свой любимый футбол – гонять мяч с приятелями мы могли с утра до вечера. По Большому Устьинскому мосту мы переходили Москву-реку и выходили на бессмысленно широкий Садовнический проезд, появившийся в 1930-е годы как часть неосуществлённого, к счастью, плана пробивки через Замоскворечье московских бульваров и превращения их в Бульварное кольцо. Но несколько сотен метров – и мы оказывались в XIX веке… Старый деревянный Пятницкий рынок, небольшие купеческие особнячки с мезонинами, проходные дворы, бабушки на скамейках, малышня, пускающая бумажные кораблики в лужах, голуби, купола церквей…

Начнём с Чугунного моста

Сегодня мы пойдём с вами от самого начала Пятницкой улицы, от Чугунного моста. Первый мост через Водоотводный канал, или как его называли раньше, Канаву, появился здесь в 1785 году. Мост был деревянный, но с чугунными перилами. От этих перил он и получил своё название. Через полвека, в 1835 году, на его месте был построен инженером П.Я. де Витте однопролётный мост с ездой понизу. Проезжая часть была подвешена на трёх чугунных арках, богато украшенных позолоченным орнаментом. А ещё через полвека, в 1889 году, старый Чугунный мост был заменён трёхпролётным железным балочным мостом. Он прослужил дольше своих предшественников и был реконструирован только в 1966 году.

Давно когда-то, за Москвой-рекой,
На Пятницкой, у самого канала,
Заросшего негодною травой...

М. Ю. Лермонтов

Водочники Смирновы и «фартинная изба»

Дом № 1 на Пятницкой улице, с чугунным ко-

2

3 – Медведи или волки следят за нами с фасада дома № 10? Каково ваше мнение? Я свой голос отдаю за волков.

4 – Лепной фриз особняка Демидова, напротив павильона станции метро «Новокузнецкая»

5 - «Поставщикъ двора Его Императорскаго Величества Пётръ Арсеньевичъ Смирновъ».

6 – Пройдите, не торопясь, по улице и обязательно присмотритесь к мелким деталям: медальонам, маскаронам, волютам – вы не пожалеете.

7 – Чудо как хороши проходные дворы на Пятницкой. А сколько они дарят интересных открытий!

8 – В старину подобные женские головки украшали носы кораблей. А что, очень похоже. Плывём вдоль по Пятницкой!

зырьком над угловым подъездом и надписями на фасадах: «Поставщикъ двора Его Императорскаго Величества Пётръ Арсеньевичъ Смирновъ», – дом знаменитых водочников Смирновых. В середине XIX века это владение принадлежало купцу Г. Морковкину. А в 1867 году его приобретает П.А. Смирнов и через девять лет перестраивает здание по проекту архитектора Н.А. Гейнца. Во втором этаже Смирновы жили, а в первом находилась контора.

На противоположной стороне улицы, на месте современного дома № 2/38, в XVIII веке находилась «фартинная изба» – Высоко-Пятницкий казённый питейный дом. «Изба» была двухэтажная – деревянный верх на каменном первом этаже. Сгорело питейное заведение во время пожара 1787 года и более уже не восстанавливалось.

Ещё в XVI веке при Иване Грозном в России возникла система винных откупов. Царь запретил продавать в Москве водку, но для опричников завёл «царёв кабак» на Балчуге. Нововведение самодержцу понравилось, и он повелел открывать кабаки и в иных местах. Так появился откуп – система сбора с населения государственных доходов, при которой государство за определённую плату передаёт право их сбора частным лицам (откупщикам). Ведал торговлей в кабаках целовальник, то есть откупщик. При вступлении в должность целовальник приносил присягу: целовал крест – отсюда и название. Слово это ещё сохранялось в XIX – начале XX века, но им по традиции называли уже сидельцев, продавцов в казённых питейных лавках. При Борисе Годунове система откупных кабаков расширилась.

В середине XVIII века кабаки заменили «казёнными питейными домами», которые называли также «фартинными избами» от слова «фартина» – штоф, кварта, две кружки (мера жидкости). Но суть осталась прежняя. При Екатерине II была учреждена комиссия для рассмотрения винных и соляных сборов, которая пришла к решению сохранить винные откупа. Вино заготовляла казённая палата с государственных или частных заводов. Вино поступало в казённые магазины, а оттуда уже отпускалось в питейные дома. Просуществовали откупа до 1861 года, когда были заменены акцизами. Историк питейного дела И.Т. Прыжов в своей книге «История кабаков в России» пишет, что накануне введения акцизов «откуп пришёл в неистовство». «Вместо водки стали продавать по дешёвой цене мутную воду, и водку отпускали только тем, кто возьмёт закуски на две копейки. <…> Месяца за два до конца откупа тамбовский откупщик вывесил объявление: «Гуляющие сидельцы получат жалованье наравне со служащими». Подписано: управляющий откупом А. Немцев. Сидельцы начали гулять, с ними гуляли другие, вина выпита целая бездна, но пришло время расчётов, и гулявшие сидельцы жалования не получили ни гроша».

Замоскворецкие электротеатры

Место это было застроено несколькими небольшими домами, а в 1842 году все участки были объединены купцом Ф. Кузнецовым. Ещё через сорок лет, в 1880 году, было выстроено здание, дошедшее до наших дней. С 1887 года и до революции оно принадлежало фабрикантам Мещериным. В этом же доме в 1897 году был открыт один из первых московских кинотеатров или, как тогда их называли, «электро-театров» – Пятницкий электротеатр А.Е. Белоярцевой. В начале XX века синематограф сменил владельца и стал называться «Большой Парижский электро-театр» А. Гехтмана. В советское время он ещё раз сменил название на «Зарю».

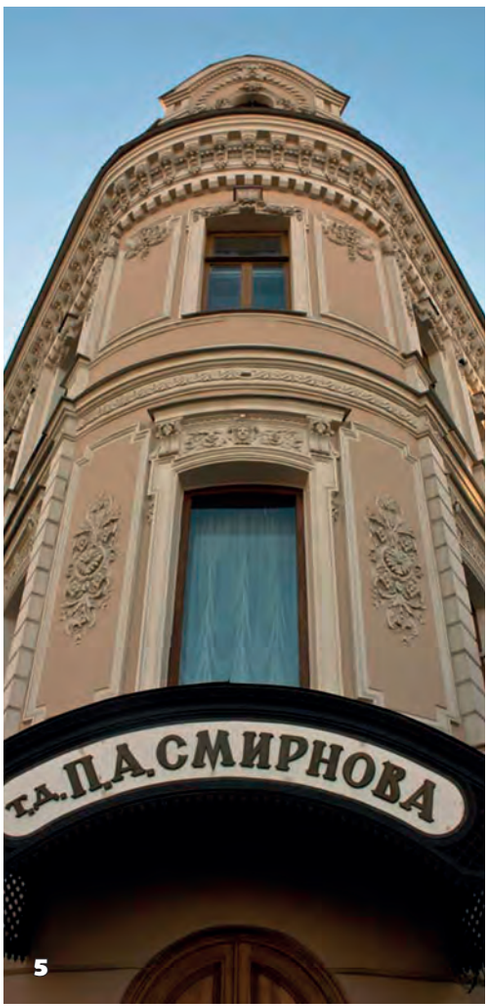
С 1917 по 1930 годы в этом доме жил известный художник и искусствовед Игорь Грабарь. Порой, особенно в вечерние часы, когда начинает стихать шум большого города, из дома доносятся чарующие звуки музыки. И это не удивительно – здесь размещается Государственная академическая симфоническая капелла России. Если мы зайдём с Кадашёвской набережной за это самое протяжённое по Пятницкой улице здание, то окажемся на настоящей сельскохозяйственной ферме – сладкий перец, фасоль, капуста – всё это вкусное изобилие выращивают жильцы соседних домов.

Небольшой двухэтажный дом № 3, фасад которого в стиле московской эклектики практически не виден за рекламой японской закусочной и парфюмерного магазина, был построен ещё в начале XIX века купцом Тимофеем Половинкиным на месте бывшей городской усадьбы каптенармуса лейб-гвардии Преображенского полка М.А. Бобрищева-Пушкина. Дом неоднократно перестраивался, последний раз в 1894 году. В начале XX века в этом доме также находился электротеатр – «Купеческий», открытый купцом Осиповым.

Следом за ним располагается трёхэтажный жилой дом № 5, современный объём и отделку фасадов получивший также в 1890-е годы, в первой половине XIX века имевший название «Карташово подворье» – по фамилии владельца, почётного гражданина Ф.А. Карташова.

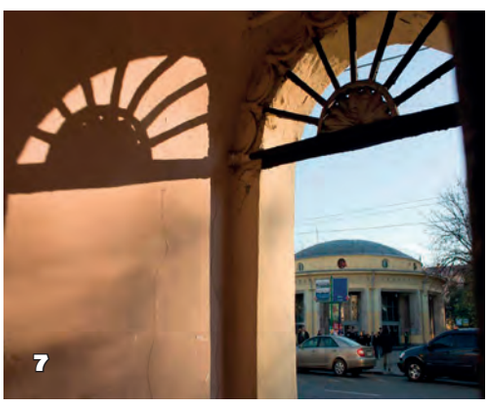
Иоанн Предтеча под Бором

На противоположной, чётной стороне Пятницкой, на углу с Черниговским переулком, прекрасно видна главная вертикальная до-

5

6

7

8

9 – Ненавязчивый греческий орнамент по обрешётке одного из особняков в самом начале Пятницкой улицы.
10 – Старомосковский дом с мезонином. А вот флигель слева совсем новый – построен всего несколько лет назад, но стилизован под XIX век.
11 – Дом на противоположной стороне – характерный пример рационального модерна. Здание облицовано «кабанчиком» – это одна из «визитных карточек» Ф.О. Шехтеля

9

10

минанта начала улицы – колокольня храма Усекновения Главы Иоанна Предтечи, что под Бором. В летописи под 1415 годом на этом месте упоминается монастырь «святого Иоанна Предтечи под Бором, за рекою Москвою». Существует легенда, что в древности этот монастырь находился на территории Кремля – отсюда и его название «под Бором». В низменном Замоскворечье боров никогда не было.

Через сто лет, в 1514 году, придворный архитектор Василия III Алевиз Фрязин строит здесь каменную церковь.

Храм перестраивался и в середине XVII века, и в 1758 году. Тогда же по красной линии Пятницкой была заложена на средства купца Ф.Ф. Замятина и новая колокольня, достроенная только в 1781 году и прекрасно подчеркнувшая линию улицы. На рубеже XIX и XX веков в храме были установлены мраморные иконостасы. В работах по переустройству интерьеров храма принимал участие Ф.О. Шехтель. После революции храм был закрыт, в нём в послевоенное время размещалось Управление продовольственными товарами райторготдела Советского района Москвы, а позже демонстрационно-выставочный зал «Художественное стекло». В 1992 году церковь возвращена верующим.

В перспективе Черниговского переулка виден второй храм, построенный здесь в первой половине XVII века, – Михаила и Фёдора Черниговских Чудотворцев. По храму и переулок получил своё название – Черниговский. В 70-е годы XVI века возле храма Усекновения Главы Иоанна Предтечи, что под Бором, были встречены мощи святого князя Михаила Черниговского и боярина его Фёдора, убитых в 1246 году в Орде. Поэтому впоследствии и был возведён здесь деревянный храм. В 1695 году на деньги купчихи И.И. Малютиной он был перестроен в камне.

Храм был приписным к соседней Иоанновской церкви. После революции церковь была закрыта, в 1924 году на некоторое время отдана баптистам, а потом использовалась как склад. Была возвращёна верующим в 1991 году.

В соседнем с колокольней доме причта, на третьем этаже, уже более пятнадцати лет находится довольно неординарный рок-клуб «Третий Путь». Интерьеры клуба, выполненные в стиле подчёркнуто правдивого городского винтажа, абсолютно соответствуют его местонахождению – это бывшая коммунальная квартира.

Обувщик и булочник

А мы идём дальше по левой стороне Пятницкой улицы и попадаем в строительный переход, сооружённый из мощных металлических рам, перед домом № 7. Сам дом долгие годы закрыт металлическими щитами на массивных железобетонных блоках. Фактически сохранилась только фасадная стена, пустые глазницы окон… Построен он был ещё в 1835 году купчихой А.Р. Красносельской, а в середине XIX века им владел потомственный почётный гражданин, коммерции советник, купец 1-й гильдии, бывший в 1861–1862 годах московским городским головой, М.Л. Королёв. Сам Михаил Леонтьевич здесь не жил, его усадьба находилась на Лужнецкой улице (в этом доме сейчас размещается Театральный музей имени А. Бахрушина, и улица также носит имя Бахрушина).

В 1862 году в доме на Лужнецкой Королёва посетил император Александр II с семьёй. Московское купеческое общество увековечило память о посещении венценосных особ открытием Александро-Мариинского Замоскворецкого училища за Москвой-рекой для обучения бедных детей обоего пола. Сам Королёв впоследствии пожертвовал училищу капитал в 50 000 рублей. В 1883 году дом на Пятницкой перешёл к Николо-Песношскому монастырю. В конце XIX – начале XX века известен он был одной из знаменитых «Филипповских булочных».

Полагаю, что имя булочника Филиппова и сейчас, по прошествии века, известно очень многим – «Поставщик двора Его Императорского Величества» с 1855 года, организатор первых булочных-пекарен. Наверное, ни к чему ещё раз рассказывать знаменитый исторический анекдот о том, как Иван Максимович съел кусок сайки с тараканом и тем спас своё дело, а заодно и изобрёл сдобу с изюмом. И знаменитые калачи «с ручкой» – это тоже он. Булочная в этом доме находилась долгое время и после революции.

Помимо булочной в советское время здесь располагались «Пельменная» с «Рюмочной», полюбившиеся сотрудникам одного из подразделений Министерства здравоохранения, находившегося в бывшем доме Смирновых. Работники Минздрава, порой даже в белых халатах, любили забегать сюда – «махнуть» сто грамм и съесть порцию пельменей. В народе эта точка общепита даже получила название «Медицинская пельменная».

Империя Чичкина

Выйдем из мрачного железного перехода и обратим внимание на противоположную сторону улицы. Эх, хорошо было когда-то... Зашёл к Филиппову, купил горячих мягких саек, а потом к Чичкину через дорогу, за свежим молочком и сметанкой. В доме № 6 как раз

11

12 – Девушка с распущенными волосами – Лорелея – один из символов модерна.
13 – Свет и тени, небо и провода, уличные указатели и реклама – Пятницкая улица сегодня

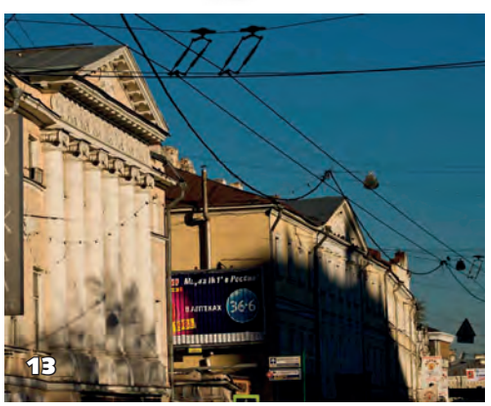
12

О хлебе насущном

Родное московскому сердцу слово «булка» произошло от французского «boule», что означает шар. Правда, именно французская булка не была круглой, и от других видов белого хлеба ее отличал особый молочный запах. Рецепт в Москву, судя по всему, во времена Екатерины II завезли немцы. В начале XIX века около трети московских булочных принадлежало выходцам из Германии. Потом их вытеснили москвичи, организовав свои пекарни. В конце XIX века каждую неделю «Ведомости Московской городской полиции» публиковали сведения о нарушениях пекарнями веса пятикопеечной французской булки, которая составляла более половины булочного ассортимента. Сохранилась эта булка и в советское время, но в период борьбы со всем иностранным «французская» булка стала «городской». И очень долго стоила 7 копеек

О молочных продуктах

Сыр – один из вкуснейших молочных продуктов – известен был на Руси издавна. Но промышленное сыроварение возникло в России только во второй половине XIX века. В 1866 году, благодаря неутомимой энергии Н. В. Верещагина и денежной помощи в 1000 рублей от Императорского Вольного экономического общества, в селе Отроковичи Тверской губернии была открыта первая артельная сыроварня. Николай Васильевич, брат знаменитого художника-баталиста Василия Верещагина, окончил Петербургский университет. После окончания университета изучал сыроделие в Швейцарии. Вернувшись в Россию, он открыл несколько артельных крестьянских сыроварен, широко пропагандировал сыроделие в России. Постепенно фабричный сыр распространился по всей России, а впоследствии шагнул и за её пределы.

14 – Замысловатый вензель.

15 – Дом № 9/28, строение 9 – теперь только это в нём примечательно.

16 – В XVIII веке вместо ваз, расположенных сейчас на втором ярусе колокольни, находились статуи – большая редкость для православного храма.

17 – Кукольный уголок в витрине одного из магазинов.

один из молочных магазинов Чичкина и был. Наверное, по всей Москве было так, но только не на Пятницкой. На этой улице находилось сразу два чичкинских магазина – второй в конце улицы, в доме у Садовой.

В конце XIX века сетевая розничная торговля только зарождалась, и у истоков её находился Александр Чичкин, купец 1-й гильдии, основатель огромной молочной империи. Но не только на торговом поприще он был первым. Александр Васильевич – один из пионеров частной авиации. Неоднократно в предреволюционные годы поднимался он в небо с Ходынского аэродрома на собственном аэроплане «Фарман-7». Управлял авиеткой он, конечно, сам.

Родился Александр Васильевич Чичкин в 1862 году в селе Коприно Рыбинского уезда Ярославской губернии. В том же 1862 году два человека – основатель русской молочной промышленности Николай Васильевич Верещагин (старший брат известного художника) и купец Владимир Иванович Бландов, владелец молочной фирмы, организовали в селе Коприне одну из первых в России крестьянских артельных сыроварен.

Через восемь лет Верещагин и Бландов в селе Едимонове Тверской губернии открыли первую в России молочную школу – учебное заведение, в котором детей помимо общеобразовательных предметов учили основам будущей профессии работника молочной промышленности. Вот в эту-то школу Владимир Иванович Бландов за свой счёт и определил пятерых мальчиков из Коприна, в том числе и Сашу Чичкина. После окончания школы Чичкин ещё пять лет на деньги Бландова учился в Москве в реальном училище, потом получил высшее образование в Петровской сельскохозяйственной академии (ныне Тимирязевской). После окончания академии Александр был отправлен всё тем же Бландовым в Париж, стажироваться в знаменитом Институте Пастера.

Вернувшись из Парижа, Чичкин женился… на дочери своего благодетеля. А затем, получив кредит, открыл свой самый первый магазин на Петровке, 17. Магазин скоро стал пользоваться популярностью у покупателей, в первую очередь за счёт чистоты и вежливости продавцов. Но, конечно, и качество продуктов было на высоте. Кстати, именно в магазинах Чичкина впервые в России начали применяться кассовые аппараты. Один из таких старинных аппаратов можно увидеть и сейчас как раз на Пятницкой улице, в одном из кафе неподалёку от бывшего чичкинского магазина.

Естественно, главным торговым конкурентом Александра Васильевича оказался его тесть и благодетель Владимир Иванович Бландов… Ну, тут уж Владимиру Ивановичу оставалось пенять только на себя – конкурента он взрастил своими собственными руками. Как писал К. Паустовский: «Если на одном углу был облицованный белым кафелем магазин Чичкина, то на другом углу обязательно поселялся синий Бландов, чтобы перебить торговлю своему соседу».

В 1914 году в состав молочной империи Чичкина входили: молочный завод и творожно-сметанный филиал, 91 молочный магазин. Все магазины были облицованы белой плиткой и имели вывеску: «А. В. Чичкин». Без «ъ» – ера. Почему-то не любил Александр Васильевич эту букву и избавился от неё, не дожидаясь реформы 1918 года.

Одним из рекламных ходов Чичкина был следующий. Каждое утро его приказчики в белых халатах и колпаках на виду у всей почтенной публики выливали из бидонов вчерашнее молоко в сточные люки. В магазинах Чичкина было только сегодняшнее молоко!

В Февральскую революцию Чичкин прятал у себя целый ряд большевиков: В.М. Молотова, П.Г. Смидовича, Н.И. Подвойского, что существенно помогло ему в дальнейшем. После октября 1917 года всё немалое имущество Чичкина было национализировано. Тем не менее он начал активно сотрудничать с новой властью. Служил консультантом в Наркомате мясной и молочной промышленности и старшим консультантом Наркомата торговли СССР. И всё же, чтобы путь к светлому будущему не казался слишком лёгким, весной 1929 году его направили на «трудовое перевоспитание» в Северный Казахстан. Пробыл он там три года, а в 1931 году был возвращён из ссылки и даже восстановлен в правах и снова принят на работу. В 1935 году он стал персональным пенсионером. Но и после этого продолжал консультировать руководителей некоторых молочных заводов.

Во время Великой Отечественной войны Чичкин снова в трудовом строю – с его участием была разработана технология быстрого увеличения выпуска качественных молочных продуктов при меньшем расходе сырья, он консультировал работы по созданию молочного животноводства и производства в Средней Азии. По окончании войны он получил личную благодарность от И.В. Сталина.

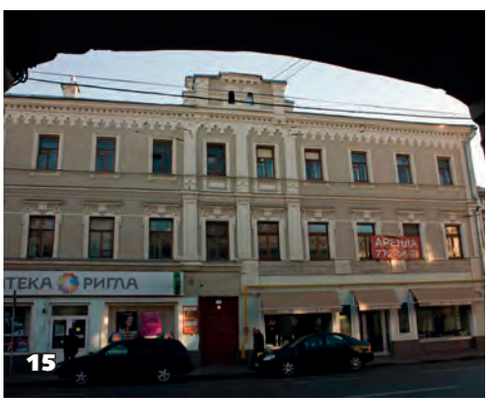
Умер Александр Иванович в 1949 году и похоронен – единственный в советское время из официальных дореволюционных российских миллионеров – на Новодевичьем кладбище.

«Марш трактористов»

В начале XVIII века на месте современного дома № 6 находились владения вельможи А.И. Дашкова. В 1842 году купец Д.Д. Гжельцов строит здесь одноэтажные

14

15

16

17

каменные лавки, которые через сорок лет достраиваются вторым этажом. Последний дореволюционный владелец здания – Саввино-Сторожевский монастырь. В этом доме родился и жил известный поэт-песенник В.И. Лебедев-Кумач. «Марш трактористов», «Песня артиллеристов», «Спортивный марш» – эти песни долгое время, особенно в довоенные годы, пела вся страна. На доме висит мраморная с бронзовым барельефным портретом мемориальная доска, посвящённая поэту.

Древние палаты и дом с «галдарейками»

Наиболее интересна дворовая часть здания. Пройдём туда через подворотню и окажемся перед главным домом усадьбы купца А.С. Еремеева с палатами XVII века. Если зайти в кафе, расположенное в древнем здании, можно увидеть кирпичные своды и сводчатые ниши (печуры) на стенах. Справедливости ради надо отметить, что по старинным кирпичам-большемерам довольно безжалостно прошлись шлифовальной машинкой. Понятие красоты у каждого своё…

В самом дворике ещё недавно можно было снимать фильмы из жизни купеческого Замоскворечья. Вдоль дворовой части дома № 6 проходили крытые галереи, или «галдарейки», как их называли москвичи в старину. Непосредственно с галерей жильцы и попадали в квартиры. Входы на сами галереи находились в подворотне. Но, увы, недавно дом перестроили, и от «галдареек» не осталось и следа. Такие дома с галереями были очень распространены в XIX веке. Почти всё Зарядье состояло из них. Сейчас во всей Москве домов с «галдарейками» сохранилось всего три: два на Хитровке и один, самый большой, трёхэтажный, на Покровке. Вот так незаметно уютные, самобытные уголки и исчезают из города…

Ломать – не строить

А мы с вами вернёмся на нечётную сторону Пятницкой улицы. В угловом с Большим Овчинниковским переулком доме № 9/28 ещё с дореволюционных времён находилась кондитерская фабрики «Эйнем» («Красный Октябрь»). Очень вкусный и ароматный был магазин, сохранявший исторические интерьеры. Сейчас кондитерской больше нет, в её помещении – один из сетевых ресторанов. От интерьеров ничего не осталось…

Пересечём Большой Овчинниковский переулок – название его происходит от располагавшейся здесь в XVII–XVIII веках дворцовой Овчинной слободы. Пройдём мимо дома № 11. Не так давно здание фактически от-

Палаццо руссо
Палаты (от лат. palatium – дворец) – богатое каменное жильё в России, как правило, со сводчатыми перекрытиями. Характеризуется самобытным стилем строительства, неразрывно связанным с русским деревянным зодчеством. Термин «палаты» применяется в основном к зданиям, построенным примерно до середины XVIII века. С началом активного проникновения западной европейской культуры в Россию палаты постепенно уходят из русской архитектуры. Большинство палат было перестроено уже в конце XVIII столетия, когда жить под «старинными сводами» стало «не модно», а многие были и вовсе снесены. Тем не менее в Москве и сейчас есть места, где палаты находятся в шаговой доступности друг от друга

18

19

20

18, 20 – До 1934 года из этих подворотен и дворов нам открылся бы вид на церковь Святой Параскевы Пятницы.
19 – Здесь находится Комитет по культурному наследию города Москвы.
21 – Церковь Святой Параскевы Пятницы. Фото 1882 года из альбомов Найдёнова.
22 – Интересно, о чём размышляет этот старик, сидящий на скамейке возле Климентовского храма?

21

22

Длина маршрута: 2927 метров
Старт – улица Балчуг

1 – Чугунный мост
2 – Дом водочников Смирновых, в советское время здесь располагалось одно из подразделений Минздрава СССР (Пятницкая, 1)
3 – «Фартинная изба», дом Мещериных, электро-театр «Большой Парижский Пятницкий» – «Заря» (Пятницкая, 2/38)
4 – Усадьба М. А. Бобрищева-Пушкина, на месте которой впоследствии был построен дом купца Половинкина, электротеатр «Купеческий» (Пятницкая, 3)
5 – «Карташово подворье» (Пятницкая, 5)
6 – Храм Усекновения Главы Иоанна Предтечи, что под Бором (Пятницкая, 4)
7 – Дом причта, в котором находится рок-клуб «Третий Путь» (Пятницкая, 4)
8 – Дом А.Р. Красносельской, позже М.Л. Королёва; булочная И.М.Филиппова (Пятницкая, 7)
9 – Владения А.И. Дашкова, позже дом купца Д.Д. Гжельцова; молочный магазин А. В. Чичкина (Пятницкая, 6)
10 – Усадьба купца А.С. Еремеева, застроенные «галдарейки» (Пятницкая, 6, во дворе)
11 – Дом № 9/28, в котором располагалась кондитерская фабрики «Эйнем» («Красный Октябрь»)
12 – Дом № 11, который в XIX веке украшал «металлический в стёклах фонарь» с фотосалоном Радецкого
13 – Дом меховщика И.М. Гальперина (Пятницкая, 13)
14 – Дом с волками и совой; колбасный магазин Н. Г. Григорьева (Пятницкая, 10)
15 – Палаты XVIII века И.Г. Журавлёва (Пятницкая, 10, во дворе)
16 – Дом М.Д. Булочкиной; (Пятницкая, 13, стр. 2, и 15)
17–18 – Филиал музея Л.Н. Толстого и дом, где жил писатель Леонид Леонов (Пятницкая, 12)
19 - Усадьба Иванова – Великолеповых; Комитет по культурному наследию города Москвы (Пятницкая, 19)
20 – Дом № 16. Знак «Крепим оборону СССР» (Пятницкая, 16)
21 – Флигель усадьбы Варгина, где в 1857–1858 годах снимал квартиру Л. Н. Толстой (Пятницкая, 16, стр.6) и палаты XVIII века
22 – Дом Демидова (Пятницкая, 18)

23 – Место, где находился храм Параскевы Пятницы, сейчас на его месте наземный павильон станции метро «Новокузнецкая»
24 – «Радиодом на Пятницкой» (Пятницкая, 25)
25 – Доходный дом аптекаря В. Бони (Пятницкая, 20)
26 – Дом № 22 с кондитерской и магазином «Чай–кофе» и дома № 24–26, питейный дом «Ленивка»
27 – Флигели усадьбы купцов Журавлёвых (Пятницкая, 27)
28 – Климентовская церковь (Пятницкая улица, 26/7)
29 – Бабанинский «тучерез» (Климентовский переулок, 2)
30 – Лавка-«автопоилка» (Климентовский переулок, 2)
31 и 31а – Дом Козьмы Матвеева; Пятницкая полицейская часть с арестантским корпусом (Пятницкая, 31)
32 – Дом причта Климентовской церкви, где жили С. Зубатов, Р. Быков и Е. Санаева (Пятницкая, 28)
33 – Дом Т.И. Коробковой, построенный архитектором Л. Кекушевым
34 – Двор с виноградной «плантацией» (Пятницкая, 30, во дворе)
35 – «Памятник улитке» (Голиковский переулок, 6)
36 – Дом Самгина, где в 1990-е годы был ресторан «Лазания» (Пятницкая, 40)
37 – Советская многоэтажка, на первом этаже которой находился магазин «Берёзка» (Пятницкая, 39)
38 – Редакция «Иностранная литература»; люк с надписью «Мюръ и Мерилизъ» (Пятницкая, 41, и двор дома)
39 – Дом купцов Самгиных – «Тюрьма на Пятницкой» (Пятницкая, 46)
40 – Дом чаеторговца Попова; «Глория» и «Эхо» (Пятницкая, 47)
41 – Церковь Троицы в Вишняках (Пятницкая, 51)
42 – Усадьба Лепёшкиных, в которой в 1919 году находились «9-е Советские командные курсы Рабоче-Крестьянской Красной армии», а в 1930-е годы Институт теоретической геофизики под руководством О. Шмидта); Институт астрономии РАН (Пятницкая, 48–50)
43 – Дом № 53, доходный дом
44 – Дом № 59, в котором жил Тигран Петросян
45 – Особнячок с женскими головками (Пятницкая, 60)
46 – Особняк М.И. Рекк – дом со львами (Пятницкая, 64)
47 – Дом с орлами (Пятницкая, 65)
48 – Дом И. Д. Сытина (Пятницкая, 66)
49 – Дом О.С. Толоконниковой (Пятницкая, 67)
50 – Сквер с деревянными фигурами городового и дворника (между домами № 67 и 71 по Пятницкой улице)
51 – Гимназия М.Н. Приклонской (Пятницкая, 70)
52 – Типография И. Д. Сытина – Первая Образцовая типография; владение, которое до 1834 года принадлежало титулярному советнику Николаю Фёдоровичу Островскому (Пятницкая, 73)
53 – Дом со «старым окном» (Пятницкая, 73)
54 – Двухэтажный домик (Пятницкая, 82) – образец послепожарной застройки Москвы

23

24

23 – Снимок сделан от особняка О.П. Коробковой в сторону Садовых улиц. В то время по Пятницкой ходила конка. Как раз в этом месте она делала остановку. Здесь же были проложены дополнительные рельсы для разъезда встречных экипажей. В центре – одна из высотных вертикалей Пятницкой – колокольня церкви Троицы в Вишняках. Фото 1902 года.

24 – Народные гуляния на Пятницкой 7 ноября. 1927 года. С 1911 года до 1956 года по Пятницкой улице ходил трамвай – трамвайные рельсы хорошо видны на снимке. В доме, где располагался магазин «Мясо», сейчас банк.

25 – Пятницкая в отражениях. И снова – свет и тени.

26 – Иногда за оградами в стиле модерн полузаброшенные дома, а иногда – роскошь и пир духа...

27 – Вот такой кадр почти пустынной улицы сделать сложно. В будние дни машинам здесь тесно.

28 – У каждой эпохи свои ангелы…

строено заново, а в конце XVIII века здесь было владение купца Н. Двукраева, и на плане был указан каменный дом. В 1859 году дом был перестроен, и долгие годы, до конца XIX века, его украшал «металлический в стёклах фонарь», в котором находился фотографический салон Радецкого. При очередной перестройке здания «фонарь» был убран. Уже позже была застроена и редчайшая для Москвы галерея вдоль первого этажа по уличному фасаду.

Следующий дом № 13 – в стиле модерн с элементами готики, облицованный глазурованной керамической плиткой, так называемым «кабанчиком» – творение знаменитого Ф.О. Шехтеля. Построен дом был для меховщика И.М. Гальперина. На первом этаже размещался меховой магазин. Мехами торговали здесь в советское время, торгуют ими и сейчас – редкое для Москвы постоянство!

Недавно здание было отремонтировано, восстановлены фиалы на крыше, но при этом дом был надстроен мансардным этажом с уничтожением аттика, что разрушило замысел архитектора.

О колбасе и не только

Рассмотрим дом № 10 на противоположной стороне улицы. Это интересное здание в стиле модерн построено по проекту архитектора А.М. Калмыкова для купца Н.Г. Григорьева в самом конце XIX века.

Обращают на себя внимание два балкона по сторонам здания, сохранившаяся «столярка» высокого, на два этажа, окна над подъездом, барельеф с изображением женской головки с распущенными волосами – Лорелеи, одного из любимых мотивов модерна, богатый лепной растительный орнамент по фасаду. И обязательно присмотритесь к лепнине над третьим этажом. Что за животные наблюдают за нами с высоты? Волки? Медведи? А на предпоследнем этаже спряталась сова. Кстати, это не единственный дом с пернатыми, который встретится на нашем пути.

На первом этаже до революции располагался гастрономический магазин знаменитого «колбасного короля», купца 2-й гильдии, потомственного почётного гражданина Николая Григорьевича Григорьева. Ох, и вкусная колбаса продавалась в этом магазине! А помимо колбасы – ветчина копчёная, варёная, рулетная, фаршированные гуси, утки, индейки, каплуны, пулярки и поросята, языки фаршированные, копчёные – вместе с которыми и свой язык проглотишь! Изготавливалось всё это вкусное изобилие на собственной фабрике Григорьева, здесь же неподалёку в Замоскворечье, в Кадашах. По соседству с колбасным магазином находился винный магазин Л.И. Арабеджи – очень удобно, закуска рядом. В верхних этажах дома располагались меблированные комнаты «Пятницкое подворье».

В этом же доме провёл свои детские и юношеские годы знаменитый кинорежиссёр Михаил Ильич Ромм.

Не удержимся и заглянем в арку, расположенную в левой части дома. И окажемся перед интереснейшим памятником XVIII века – палатами фабриканта-суконщика И.Г. Журавлёва. Купеческая деревянная усадьба возникла здесь к 1750-м годам и выходила передним двором к застроенному впоследствии проезду в Черниговский переулок. В 1759 году Журавлёв на месте старых построек возводит каменные палаты с подвалом, проездной аркой на задний двор и деревянным вторым этажом. Фасад дома оказался обращённым на Пятницкую улицу. Старинное здание неоднократно перестраивалось, а после постройки Григорьевым своего пятиэтажного дома оказалось во дворе. Посмотрим направо и обратим внимание на закруглённый угол арки, ведущей в сторону Черниговского переулка, – двор был проездной, и не будь этой закруглённости, экипажи просто не смогли бы вывернуть в следующий двор.

Николай Григорьевич Григорьев – основатель одной из самых крупных российских колбасных фабрик – родился в 1845 году в деревне Ратманово неподалёку от Углича в семье крепостного крестьянина. В 1861 году он приезжает в Москву и начинает торговать вразнос пирожками. Позже, поднакопив денег, открывает небольшое колбасное заведение в Охотном ряду в доме Карзинкина. В 1876 году Григорьев вступает в купеческую гильдию, а ещё через два года покупает дом в Кадашёвском переулке. При этом же доме находился небольшой недействующий колбасный завод. Вот за его переоборудование и взялся Николай Григорьевич. На заводе он устанавливает трёхсильный локомобиль, и начинается производство сосисок и колбас, а также «рубка мяса, копчение и варка языков».

В 1897 году у себя в Кадашах он открывает паровую колбасную фабрику и резко увеличивает производство. Одновременно скупает дома рядом с фабрикой под общежития для рабочих.

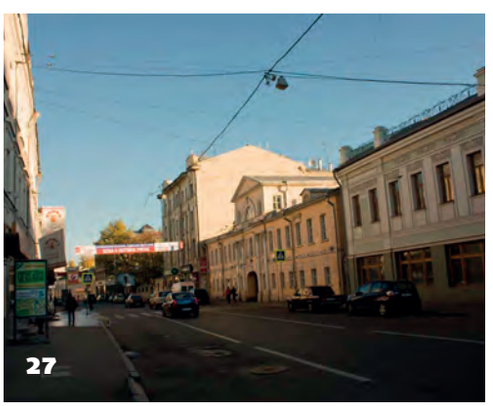
К 1911 году на колбасно-гастрономической фабрике «Торговый дом «Н.Г. Григорьев с сыновьями» работают уже около 100 служащих и 200 рабочих. Для продажи своих изделий у фирмы было шесть больших магазинов в Москве – на улицах Пятницкой и Большой Бутырской, на Страстной и Лубянской площадях, в Охотном ряду и во 2-м Кадашёвском переул-

25

26

27

28

ке при фабрике. Продукция экспортировалась во многие европейские страны. Фабрика являлась «Поставщиком двора Его Императорского Величества», получила золотые медали на выставках в Париже и Лондоне. В 1917 году всё имущество Н.Г. Григорьева национализируют, конфискуют даже дом в деревне. Фабрика после революции больше не работает, за исключением нескольких лет нэпа. В 1950-е годы в части её цехов размещался «Московский экспериментальный консервный завод», выпускавший сухие концентраты. Сам Григорьев вернулся к себе на родину и жил в заброшенной баньке возле леса.

По воспоминаниям современников, «крестьяне, которым он помогал в своё время, сочувствовали ему и тайно ночью приносили для него еду – кто что мог. Однако местные комсомольцы установили пост у баньки и ловили сочувствующих». Старику приходилось ходить по окрестным деревням, прося подаяние. Умер Николай Григорьевич в 1923 году.

29

Через двор под арку

Давайте вернёмся на нечётную сторону Пятницкой улицы. Следом за шехтелевским домом, под тем же номером 13, строение 2, в глубине двора за оградой – небольшой двухэтажный дом. В правой его части на первом этаже восстановлены старинные наличники. Дом – палаты конца XVII – начала XVIII века, перестроенные в более позднее время. Когда-то он составлял единое целое с соседним домом № 15, а сейчас отделён от него не только нумерацией, но и оградой. Вот в калитку пятнадцатого дома мы и зайдём. Уютный послепожарный дом с деревянным мезонином. До революции это было владение купчихи М.Д. Булочкиной, а в 1918 году в здании поселилась ЧК, потом, по правопреемству, отдел НКВД и, наконец, 47-е отделение милиции, которое выехало отсюда совсем недавно. Поэтому и дом был поделён на две части. А мы пересечём двор и зайдём под арку. Слева на заднем дворе – вход в погреб.

30

31

29 – Мастерская скульптора в проходном дворе за домом № 17 по Пятницкой улице.
30 – Металлические лианы, павильон метро, «Радиодом», палатка «фаст-фуда»

31 – Уютный замоскворецкий дворик, тополя и берёзы роняют пожелтевшую листву, осеннее солнце на крышах… Если бы не жёлтые газовые трубы – картинка вне времени

Спустившись в него, мы окажемся в XVI веке. Дом-то, оказывается, не так прост, как кажется, и намного древнее, чем выглядит с улицы. Старинный подклет скрыт от людских глаз нанесённым за века культурным слоем.

Куда поселили Льва Толстого

С противоположной стороны улицы на нас смотрит «домик-крошка в три окошка» (№ 12). Сейчас здесь филиал музея Л.Н. Толстого – выставочный зал, экспозиции которого посвящены писателю и его окружению. Долгое время считалось, что Лев Николаевич жил именно в этом доме. На самом деле это не так. Толстой снимал квартиру неподалёку отсюда, совсем в другом доме, до него мы с вами тоже обязательно дойдём. В многоэтажном здании – в нём сейчас поселился «Ингосстрах», – которое располагается во второй линии за «домиком-крошкой» под тем же номером 12, с 1904 года жила семья поэта Максима Горемыки, переехавшая сюда из Зарядья. Горемыка – это псевдоним. Настоящая фамилия поэта была Леонов. Сейчас уже мало кто его помнит. Зато все хорошо знают его сына – Героя Соцтруда, лауреата множества премий писателя Леонида Леонова. Детские годы автора романов «Барсуки» и «Русский лес» прошли как раз в этом доме.

Розы и львы

Наш путь лежит далее по Пятницкой, мимо четырёхэтажного доходного дома в стиле модерн постройки начала XX века к усадьбе Иванова – Великолеповых (дом № 19). Усадьба была построена купцом третьей гильдии Алексеем Ивановым в 1782 году. Тем не менее на плане 1757 года в южной половине участка (правой, если смотреть с улицы) уже показаны каменные жилые палаты. В пожар 1812 года усадьба горела, но была вскоре восстановлена. В 1843 году Николай Михайлович Великолепов перестраивает фасад здания. В следующий раз усадьба перестраивалась в конце XIX века при купцах Маховых, которые владели ею до 1917 года.

На Пятницкую выходит каменный двухэтажный дом с мезонином, украшенный коринфскими пилястрами и лепными женскими головками между полуколоннами над окнами первого этажа. В центре здания – проездная арка. Зайдём в неё. Слева розовые кусты, а за ними, в глубине двора, подъезд, по бокам которого прилегли два охранника – два каменных льва. Львы когда-то украшали парк усадьбы Голицыных Влахернское-Кузьминки. До конца XIX века со стороны двора к дому была пристроена «деревянная галерея на столбах». В этом доме сейчас располагается Комитет по культурному наследию города Москвы.

Проходными дворами

Вернёмся обратно на улицу и нырнём в подворотню дома № 16 на противоположной стороне. В детстве, во время наших с дедом прогулок, мы никогда эту подворотню не пропускали – меня всегда привлекали маленькая проходная арочка слева от подворотни и знак «Крепим оборону СССР» под окнами второго этажа.

Коллективные знаки «Крепим оборону СССР» или «Готов к ПВХО» были введены президиумом ЦС Осоавиахима 28 января 1937 года для первичных осоавиахимовских организаций жилых домов. Знак являлся настенным и вывешивался на фасаде здания. Для его получения необходимо было, чтобы все жильцы дома, в том числе и дети с 12-летнего возраста, сдали нормы «Готов к ПВХО» I ступени. Сверх того, на каждые сто жильцов должно было быть ещё и не менее чем по одному значкисту «Готов к ПВХО» II ступени и по одному инструктору по герметизации жилищ от отравляющих веществ. Все взрослые жильцы и дети должны были иметь противогазы и уметь пользоваться ими. Помимо того, при доме необходимо было создать группу самозащиты.

А сам двор, точнее, целая система проходных дворов – настоящая находка для пытливого москволюба. В правой части двора небольшой одноэтажный флигель (дом № 16, строение 6) – именно в этом домике в 1857–1858 годах снимал квартиру Лев Николаевич Толстой, здесь же он написал и свою знаменитую повесть «Казаки». Путаница с адресами возникла, видимо, из-за того, что все три соседних владения по Пятницкой – № 12, 14 и 16 принадлежали купцам Варгиным.

Н.В. Гоголь в своей записной книжке в 1846 году записал: «Василий Васильевич Варгин, умный купец в Москве».

В.В. Варгин – самый яркий представитель купеческого рода Варгиных – родился в 1791 году в крестьянской семье. Его предки долгое время занимались вязанием и продажей варежек, потому и назывались в старину варьгами. Отсюда пошла фамилия: Варгины. Очень рано Василий Варгин проявил свои недюжинные организаторские способности и предпринимательский талант. Уже в 16 лет(!) он получил свой первый казённый подряд – поставку холста в армию. Во время войны 1812 года Варгин был одним из основных поставщиков русской армии. Все подряды он выполнял по самым низким ценам. Тогдашний военный министр А.И. Татищев характеризовал Варгина как «истинного патриота, оказавшего роди-

32 – Одна из лучших подворотен на улице. Давайте пройдём этой узенькой арочкой и двор, скрывающийся за ней, нас не разочарует

33

34

35

33 – «Ну-ка, солнце, ярче брызни, / Золотыми лучами обжигай! / Эй, товарищ! Больше жизни! / Поспевай, не задерживай, шагай!»

34 – Усадьба горнозаводчика Демидова.

35 – Чтобы разглядеть эту представительницу мира пернатых, притаившуюся на верхнем этаже дома № 10 надо или обладать орлиным зрением, или иметь хорошую оптику.

36 – И снова бронетехника на Пятницкой. На заднем плане церковь Святой Параскевы Пятницы. Фото 1927 года.

37 – Улица, фонарь… ломбард

не неоценимые услуги». Несмотря на сверхумеренные цены, капиталы Варгина росли, и к 1820 году состояние семьи Варгиных оценивалось в 16 млн рублей. Василий Васильевич завёл собственные полотняные фабрики и кожевенные заводы.

В 1819 году он приобретает большой участок земли на будущей Театральной площади. Первым, в 1823 году, по проекту архитектора О. Бове был построен дом для Варгина с большим концертным залом и открытой галереей с магазинами в первом этаже. Годом позже он перестраивает свой дом под театр и практически безвозмездно передаёт его в аренду «Новому Московскому Малому театру в доме Варгина на Петровской площади». Проблемы у Варгина начались в 1827 году, когда в должности военного министра Татищева сменил А.И. Чернышёв. Чернышёв начал преследовать Варгина как протеже Татищева, с которым он находился во враждебных отношениях. Василий Васильевич был обвинён в растратах и передержке казённых денег. Комиссия, собранная для разбирательства дела Варгина, упущений не нашла и дала о нём положительный отзыв. Тогда под нажимом Чернышёва была назначена вторая комиссия, которая сфальсифицировала обвинения, Варгин был взят под стражу и помещён в Петропавловскую крепость. После 13 месяцев заключения он был отправлен в ссылку в Выборг.

В 1832 году ему разрешили жить в Серпухове, а ещё через три года с него сняли опеку. Всё это время Василий Васильевич выплачивал казне несуществующий долг, и только в 1842 году при новом рассмотрении дела было установлено, что, наоборот, казна должна ему 1,5 млн рублей. Тем не менее с подачи всё того же Чернышёва Варгин продолжал выплачивать свой мифический долг. Окончательно дело было решено в пользу Варгина только в 1858 году, после смерти его ненавистника. С Варгина были сняты все обвинения и возвращены задолженности казны. Но было слишком поздно. На

36

37

следующий год, 9 января 1859 года, Василий Васильевич скончался. Он никогда не был женат, детей у него не было, и всё его состояние наследовали братья и племянники.

Прямо перед нами – старинное здание XVIII века, бывшее в старину флигелем большой купеческой усадьбы, принадлежавшей купцу Р.И. Журавлёву. Главный дом, в арку которого мы зашли, сгорел в 1812 году. Впоследствии он был восстановлен и достроен мезонином. В конце 1820-х годов всё огромное владение перешло к Варгиным. В части помещений размещается мелкое производство. А в 1860-х годах Яков Васильевич Варгин объединяет все строения по красной линии Пятницкой в один дом, который ещё через десять лет достраивается третьим этажом и используется как доходный с торговыми лавками в первом этаже. Проследуем проходными дворами налево в сторону Климентовского переулка. Справа интересный дом из покрашенного в красный цвет кирпича – дом причта церкви Святого Климента Папы Римского. А прямо перед нами открывается прекрасный вид на сам Климентовский храм. Раньше этим же двором можно было выйти в Климентовский переулок, но сейчас нам дорогу преграждает недавно отстроенный двухэтажный дом.

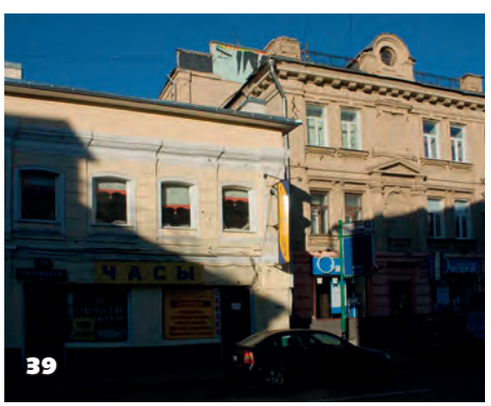
Усадьба Демидова

Полюбовавшись на величественный храм, к которому ещё вернёмся, пойдём дальше к дому горнозаводчика Демидова (дом № 18). Со стороны двора дом был усилен пилястрами-контрфорсами. Как оказалось позже – это было мудрое решение. Сейчас под зданием проходит линия метро, и вибрация не лучшим образом сказывается на состоянии старинного дома. А мы осмотрим его уличный фасад. Построен он был в 1810-е годы по проекту замечательного архитектора О.И. Бове. При этом здание включает в себя более ранний двухэтажный корпус конца XVIII века, при-

38

38 – Чугунный козырёк над входом в кафе и фонарь «под старину».
39 – Доходный дом церкви Святого Климента Папы Римского стоит фасадом к Голиковскому переулку и на Пятницкую выходит торцом, а вот за особняками № 28 и 30, стоящими по красной линии улицы, растёт настоящий виноград. И плодоносит.
40 – Пятницкая в Зазеркалье

39

надлежавший мещанину Ф.Б. Лепёшкину. В 1834 году здание было надстроено третьим этажом и получило отделку фасада в стиле позднего ампира. В 1909 году к левой части дома был пристроен незначительный объём, придавший зданию небольшую асимметрию. С 1880 года дом принадлежал собору Василия Блаженного. Во втором этаже в начале XX века до своей мученической смерти проживал настоятель собора отец Иоанн (Восторгов), расстрелянный в сентябре 1918 года. В 2000 году он был прославлен в лике святых Русской православной церкви.

Параскева Пятница

Перед нами на противоположной стороне улицы небольшой сквер и наземный павильон станции метро «Новокузнецкая». Вот на этом месте и стоял до 1934 года храм Параскевы Пятницы. Впервые он упоминается в1564 году как деревянный, а через сто лет, в 1657 году, здесь стоит уже каменный храм. В 1739–1744 годах церковь была перестроена в стиле позднего барокко на средства купцов Журавлёвых – их владения находились в приходе храма. В церкви был установлен резной иконостас работы Д. Ухтомского. Иконостас после сноса храма был сохранён и уже после войны перенесён в Смоленскую церковь Троице-Сергиевой лавры.

Возле храма находилась отдельно стоящая колокольня с придельной церковью Илии Пророка, интерьеры которой были выполнены в довольно редком для Москвы стиле рококо. В 1922 году был арестован настоятель Пятницкого храма протоиерей А.Н. Заозерский. 7 мая того же года он был приговорён к расстрелу с конфискацией имущества.

Сама святая Параскева, жившая в III веке, была всегда очень почитаема на Руси и считалась покровительницей путешествующих и торгующих. В Полном православном богословском энциклопедическом словаре сказано: «Пятница почитается с первых веков христианства, как день крестных страданий Господа Иисуса Христа... В народе празднование и пост в пятницу очень сильно укоренился... Народ олицетворяет пятницу в виде св. Мученицы Параскевы (по-гречески «пятница»), считает ее особой святой, память которой празднуется вместе со св. Параскевой». А пятницу наш народ действительно любил всегда. Вспомним выражение «семь пятниц на неделе». По мнению писателя Владимира Муравьёва, этот шутливый фразеологизм обязан своим происхождением московским чиновникам, которые в этот день недели в предвкушении дня отдыха работали рассеянно, спустя рукава. Признайтесь, кто из вас рвётся на работу по пятницам?!

Рядом с Пятницкой церковью исстари находился Ленивый торг – рынок, на котором торговля велась в основном с возов, торговых рядов не было. И будущую Пятницкую улицу в XVI веке называли Ленивской большой мостовой – по этому самому торгу. В 1780-е годы от строящегося Водоотводного канала к Ленивому торгу для доставки товаров водным путём был проведён небольшой канал, доходивший почти до церкви Святой Параскевы по трассе современного Пятницкого переулка. Засыпан канал был в начале 1820-х годов. Как в напоминание о старом Ленивом торге впоследствии неподалёку был открыт Пятницкий рынок, в перестроенном виде существующий и до сих пор.

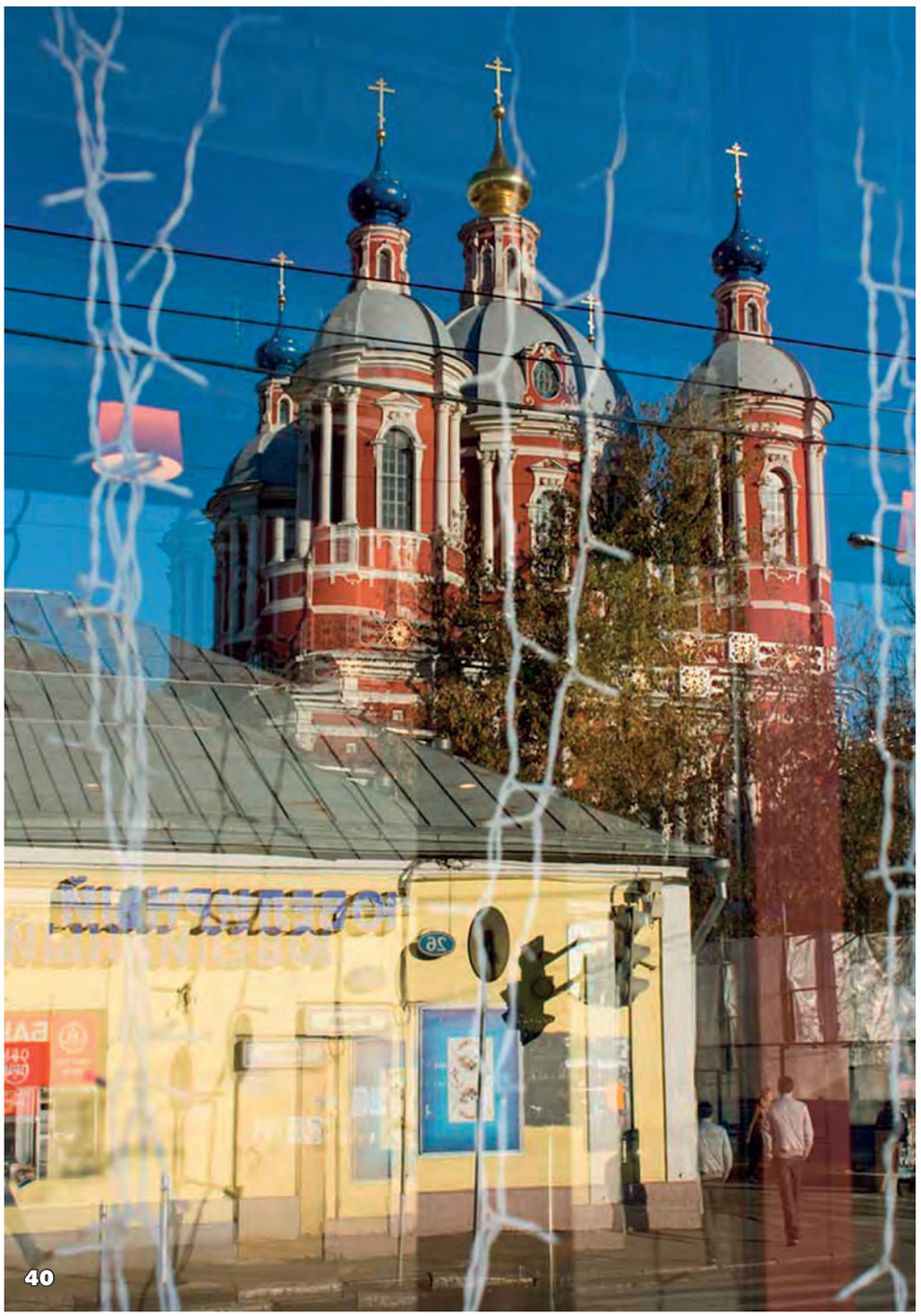
Если посмотреть на фотографии начала 1930-х годов, то местность вокруг Пятницкой церкви предстаёт в виде тихого патриархального уголка с небольшими домиками, деревянными сараями. Вскоре это место изменилось до неузнаваемости. В 1934 году взорвали церковь для строительства станции метро, а впоследствии «зачистили» и окружающую местность под пробивку Бульварного кольца – проекта, о котором мы уже говорили.

Мрамор из храма Христа Спасителя

В 1943 году, во время войны, на месте бывшего храма была построена станция метро «Новокузнецкая». Очень интересны интерьеры этой станции. Её барельефы и мозаики – это фактически иллюстрация к знаменитой речи Сталина 7 ноября 1941 года. Барельефные портреты Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова, мозаики с изображением красноармейцев и краснофлотцев, рабочих, работников интеллигентного труда и, наконец, «победоносное знамя великого Ленина». Прочитайте речь Сталина и пройдитесь по станции, только лучше в выходной день, когда народу будет поменьше, и внимательно осмотрите её интерьеры. Архитекторы, создавшие проект станции, – супруги Н. Быкова и И. Таранов. Консультировал их Иван Жолтовский.

Со станцией связана устойчивая легенда, что мраморные скамьи с волютами, установленные на ней, – это скамьи из храма Христа Спасителя. Это, конечно, не так. Скамьи специально изготавливались для станции «Новокузнецкая», но… из мрамора, который сняли с храма Христа. Это те самые плиты, на которых были высечены имена героев войны 1812 года – так писала Н. Быкова.

И безусловно, интересно мозаичное панно, расположенное на своде станционного зала. Эскизы панно изготовил А.А. Дейнека, а собирал их художник В.А. Фролов в Ленин-

40

граде. Работа началась ещё перед войной, а завершена была только в 1942 году, в блокадном городе. Уже больной, голодный, полуослепший, Владимир Александрович отказался от эвакуации, работал в промёрзшей мастерской и сумел закончить работу. Мозаики были вывезены на Большую землю баржей через Ладожское озеро под обстрелом немцев. Художник нашёл в себе силы дойти до пристани, проводить своё творение, а через несколько дней он умер…

Радиодом

За павильоном метро высится громада «Радиодома на Пятницкой». Построено здание в 1957 году и, по сути, находится на Садовническом проезде, на его нечётной стороне, но по одной из загадок московской адресной топонимики числится по Пятницкой улице под № 25. Ранее здесь размещалось руководство Гостелерадио СССР, а сейчас подразделения Министерства связи и массовых коммуникаций и редакции различных радиостанций.

Шоколад и питейный дом

Пройдём обратно к Пятницкой мимо скверика, где недавно был установлен фонтан со скульптурой «Адам и Ева под Райским деревом» (скульптор М.М. Левинская). Перед нами дом № 20 – доходный дом, построенный в 1911 году по проекту архитектора С.М. Жарова для аптекаря В. Бони. На фасаде хорошо заметны последствия вибрации от метро, о чём мы с вами уже говорили, – совсем недавно вывалился большой кусок лепнины в основании пилястры.

Соседний дом № 22 построен в середине XIX века над глубокими сводчатыми подвалами. В 1880 году он был надстроен третьим этажом. В правой части дома кондитерский магазин, который находится здесь уже очень давно. В детстве в этом магазине мне всегда покупался или шоколадный батончик со сливочной начинкой, или шоколадка с рельефным рисунком в плотной фольге, рисунок на которой повторял рельеф самой плитки. Давайте и мы зайдём и купим чего-нибудь вкусненького. Но упомянутую шоколадку не обещаю – таких уже лет тридцать нет в продаже. А если не любите сладкое, то можно зайти в винный по соседству, но лучше – в «Чай–кофе», где заодно можно полюбоваться на «иезуитские» своды подвалов. Габариты самого домовладения не менялись на протяжении многих веков и являются наглядной иллюстрацией размера старинного слободского надела.

Дома № 24 и 26 в своей основе сохраняют постройки второй половины XVIII века, перестроенные в XIX столетии. Когда-то на месте дома № 26, углового с Климентовским

переулком, находился питейный дом «Ленивка», современный питейный дом-кафе там и сейчас.

И снова Журавлёвы

Скользнём глазом по дому № 25. Когда-то это владение принадлежало священнику Пятницкого храма В.И. Романовскому.

Два строения под общим номером 27 – два флигеля усадьбы купцов Журавлёвых. Когда-то они были соединены оградой с въездными воротами, которые вели к главному дому усадьбы, находившейся близ современного Садовнического проезда. Главный дом, постройка которого относилась ещё к началу XVIII века, был снесён в середине прошлого столетия. Необходимо обратить внимание на одну любопытную деталь планировки усадьбы. От въездных ворот стены флигелей были построены под углом, и двор соответственно расширялся к главному дому. Зрительно из дома казалось, что улица находится дальше, чем на самом деле. В 2005 году левый флигель был надстроен мансардным этажом.

Угловой с Климентовским переулком дом № 29 был построен ещё в 1788 году и, один из немногих, уцелел во время пожара 1812 года. Здание несколько раз перестраивалось в XIX веке, последний раз в 1899 году по проекту архитектора М.Ф. Бугровского. В середине 2000-х годов дом отреставрировали, но при этом возвели мансарду на крыше.

Климентовская церковь

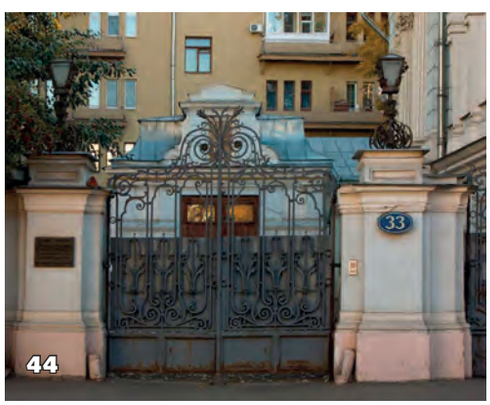
Мы же выходим на перекрёсток с Климентовским переулком. Справа нам открывается замечательный вид на один из красивейших московских храмов – церковь Климента Папы Римского. Вертикальная композиция очень нарядного храма с множеством колонн и сложных наличников дополнена фигурными фонариками, главками, лепными гирляндами. Впервые храм упоминается в 1612 году. Здесь находился острожек, «что был у Климента Папы Римского», который неоднократно переходил из рук в руки в ходе сражения с войсками Хоткевича.

Под 1657 годом называют уже каменный храм с главным престолом Спаса Преображения и приделами Климента Папы Римского и Петра Александрийского. Нынешний величественный храм в стиле позднего барокко построен в 1762–1774 годах. При всей своей красоте храм всё же не московский, а скорее петербургский. Проект его часто приписывают выдающемуся зодчему П.А. Трезини. К сожалению, документально установить авторство не представляется возможным. Легенда связывает строительство Климентовской церкви с канцлером Алексеем Петровичем Бестужевым-Рюминым.

41

42

43

44

41 – Дом Козьмы Матвеева – храмоздателя Климентовской церкви. В середине XVIII века здесь уже находился главный дом его усадьбы – «каменные палаты в два жилья».

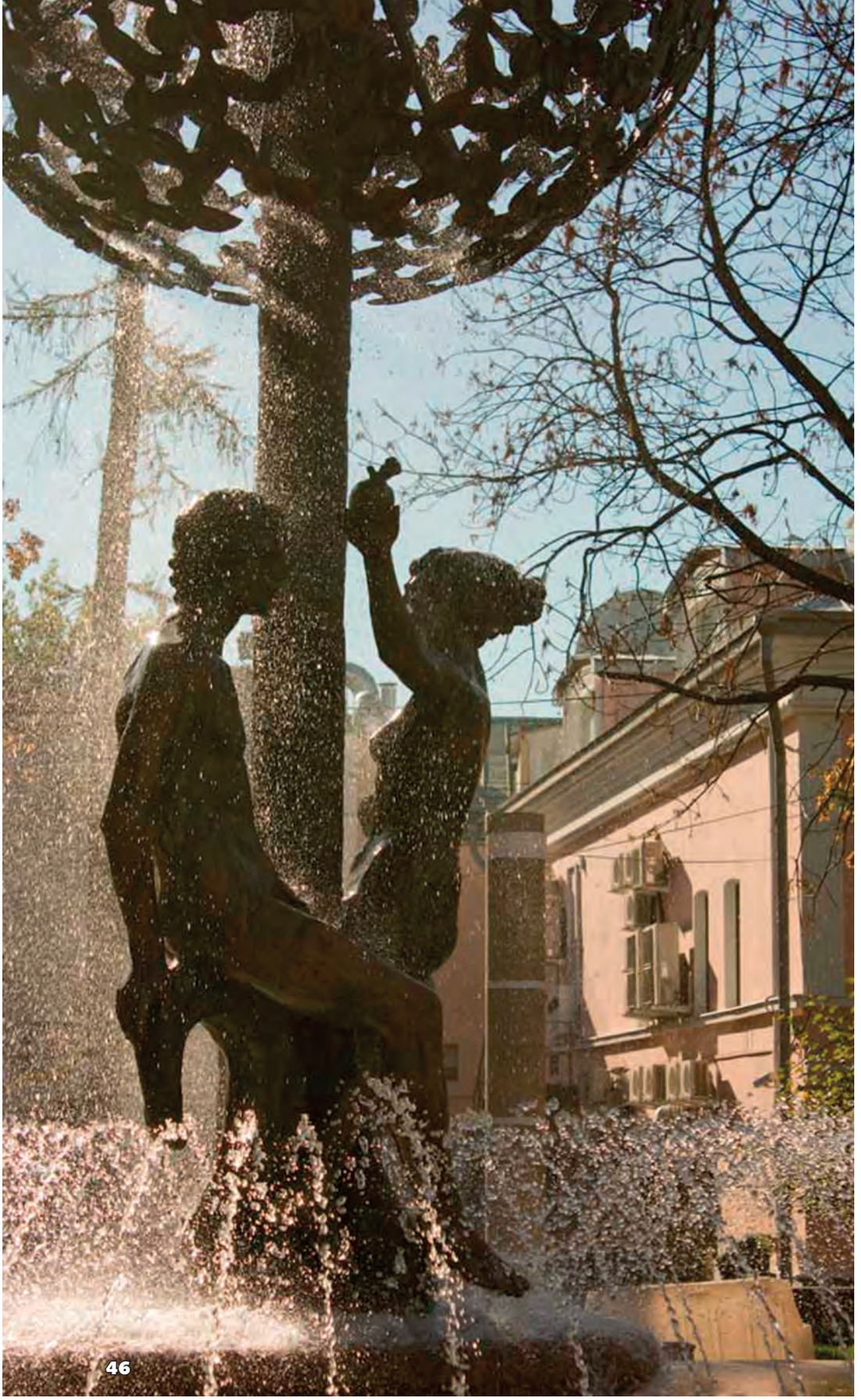
42 – Фонтан «Адам и Ева под Райским деревом» появился в скверике возле станции метро «Новокузнецкая» в апреле 2008 года.

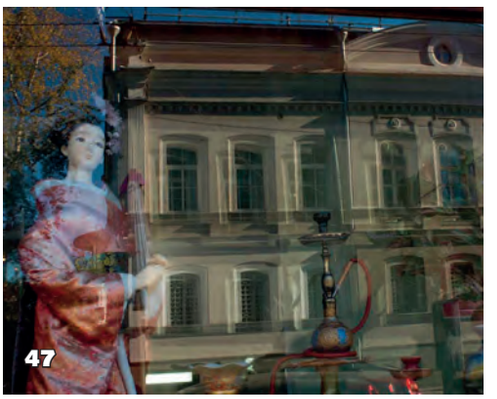
43 – Особняк О.П. Коробковой – посольство Танзании.

44 – Эти ворота охраняет бдительный милиционер. За ними – территория иностранного государства

45

46

47

48

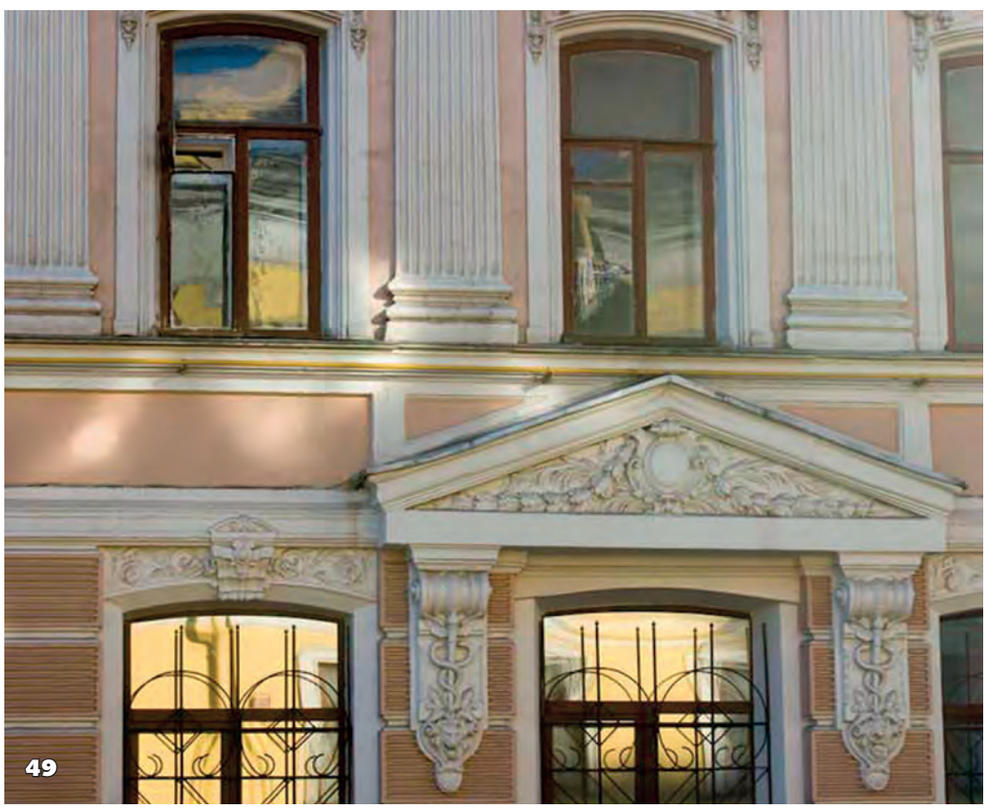
45 – Московский городской трест геолого-геодезических и картографических работ был организован решением Мосгорисполкома №13 от 15 июня 1944 года для проведения изыскательских инженерно-геологических и топографо-геодезических работ.
46 – Адам и Ева.
47 – Японские нотки в Замоскворечье.
48 – Беседующие грифоны

49 – Жезлы Меркурия – символы торговли на купеческом особняке.
50 – К счастью, Пятницкая – одна из самых не изуродованных рекламой и перетяжками московских улиц. Тем не менее здесь они тоже встречаются.
51, 52 – Металлическое кружево старых усадеб.
53 – Чудной дом на углу бывшего Маратовского переулка – сейчас это Малый Ордынский – и Пятницкой улицы приютил у себя одну из самых дорогих ресторанов в Москве...
54 – «Немного солнца в холодной воде» – яркие блики в осенних лужах. Наверное, Пятницкую можно было бы называть улица церквей и солнца

Начало этой легенде было положено «Сказанием о церкви Преображения между Пятницкою и Ордынкою, паки рекомой Климентовской», датируемым серединой XVIII века и опубликованном в «Московских ведомостях» в декабре 1862 года. В «Сказании…» рассказывалось о том, что в приходе церкви Климента стояли «палаты боярские» Бестужева-Рюмина. И вскоре после дворцового переворота, приведшего на трон Елизавету Петровну, Алексей Петрович по примеру самой императрицы, заложившей в Санкт-Петербурге Преображенский собор с приделом Святого Климента (а её восшествие на престол совпало с днём чествования этого святого), решил перестроить московскую Климентовскую церковь. Поскольку петербургский собор строился по проекту П.А. Трезини, то его имя пытаются связать и с московским храмом.

Возвысившись, Бестужев-Рюмин охладел к московской постройке, поэтому с 1742 года, когда была разобрана старая церковь, и до 1758 года работы не велись. В 1758 году Бестужев попадает в опалу и начинает строительство, чтобы таким образом заслужить прощение у государыни. После смерти Елизаветы Алексей Петрович уезжает в Санкт-Петербург и вновь забрасывает храм. Окончательно он был построен в 1774 году уже после смерти канцлера.

Вроде бы всё логично, но вот только никаких «палат боярских» Бестужева-Рюмина в приходе Климентовской церкви, да и вообще в Замоскворечье, обнаружить не удалось… И никакие иные источники, кроме упомянутого «Сказания…», не связывают Бестужева с храмом на Пятницкой. Вместе с тем храмозданная грамота на строительство в 1762 году была выдана купцу Козьме Матвееву, который как раз имел усадьбу совсем неподалёку. Козьма Матвеевич Матвеев – один из богатейших купцов своего времени. Откупщик – дер-

49

50

Церковь Климента Папы Римского

Святой Климент, во имя которого была освящена церковь на Пятницкой улице, жил в I веке нашей эры. По преданию, священномученик Климент принял крещение от самого апостола Петра, рукоположившего его в епископы Рима. В древности он особо почитался на Руси как покровитель просвещения славянских народов. Его мощи были принесены в Рим братьями Кириллом и Мефодием, создателями славянской азбуки. Затем русский князь Владимир перенёс часть мощей священномученика Климента в Киев. Святая голова была положена в Десятинной церкви, где был устроен придел во имя святого Климента. Мощи стали первой христианской святыней, появившейся на Руси, с чем и была связана исключительная популярность святого в период первых веков русского православия

52

53

54

51

жал табачный откуп, владелец красочной, сургучной, каразейной (ткацкой) фабрик в Московском уезде. В 1752 году он получает от государства крупную Глушаковскую мануфактуру вблизи Курска с обязанностью поставлять ежегодно на нужды армии до 50 тысяч аршин сукна. Был владельцем трёх железоделательных заводов на реках Авзян и Узян, которые впоследствии были выкуплены Евдокимом Демидовым. Деньги у купца были, и немалые! Так что вполне естественно, что Козьма Матвеев становится храмоздателем своей приходской церкви. По окончании строительства он жертвует храму большой колокол. В самом начале XX века на средства купеческой вдовы Е.С. Ляминой храм был обновлён.

В середине 1930-х годов его закрыли. Настоятель протоиерей Михаил Фокиевич Галунов был арестован. Освободился он только после войны и первое время поселился в колокольне Климентовской церкви. Как пишет Н. Молева: «… два пролёта колокольни, забранные тёсом с прорезанными в нём окошками – подзоры занавесок, серая вата между рамами, сизая герань, – смотрелись каким-то старым замоскворецким особняком». Ещё в 1931 году были снесены часть ограды и надвратный павильон, а оставшаяся ограда в 1957 году была перенесена почти вплотную к храму. До середины 2000-х годов в церкви располагалось фондовое хранение Государственной библиотеки, что и спасло частично её внутреннее убранство. В настоящее время храм – действующий, уже несколько лет идёт его реставрация.

«Бычий глаз» и бабанинская шпана

Напротив храма стоит один из «тучерезов» знаменитого архитектора Э.К. Нирнзее (Климентовский переулок, 2). Построен он был для купца Михаила Ивановича Бабанина перед самой Первой мировой войной. Бабанин

О магазинах и товарах

Помимо магазинов «Берёзка» в Москве получили большое распространение фирменные магазины, специализировавшиеся на торговле товарами, произведёнными в странах «народной демократии». В «Бухаресте» – румынскими, в «Ядране» – югославскими, в «Лейпциге» – производства ГДР. В «Балатоне» можно было купить вкусный венгерский токай, а в «Ванде» – крайне популярные польские духи «Может быть» и «Быть может». Кстати, возле «Ванды», когда она находилась ещё на Петровке, возник один из самых знаменитых в Москве нелегальных рынков, где с рук можно было приобрести дефицитную губную помаду, тушь, женские колготки и прочее

торговал галантерейным товаром, был совладельцем торгового дома «М. Бабанин и Ф. Бачурин». Был и церковным старостой Пятницкого храма. До постройки нового дома ему принадлежал небольшой двухэтажный дом, располагавшийся в том же владении, но ближе к Пятницкой улице, на этом месте сейчас Садовнический проезд и трамвайные пути. Умер Бабанин в 1917 году, но ещё до Октябрьской революции и национализации. Один из его сыновей – Константин был актёром МХАТа и одним из организаторов студенческого театра МГУ. Другой сын – Владимир после смерти отца на протяжении десяти лет также был старостой церкви Святой Параскевы Пятницы. Позже его арестовали и дали десять лет лагерей.

После революции дом стал одной густонаселённой коммуналкой, как, впрочем, и большинство других дореволюционных доходных домов. Старожилы вспоминают, что местная бабанинская шпана славилась своей удалью по всей округе.

А мы задерём голову повыше. На самом верху под крышей два больших круглых окна – «глаз быка». Из одного окна смотрели на Пятницкую улицу, на Святого Климента, на Кремль художники, отец и дочь Макс и Анна Бирштейн, имевшие в этом доме мастерскую. В подъезде дома на полу до сих пор сохранилась метлахская плитка начала XX века.

Каланча в купеческой усадьбе

Наш путь лежит дальше по Пятницкой улице. Слева от нас, на углу с Климентовским переулком, одноэтажное здание лавки, построенной ещё в 1789 году. В 1970-е годы в этой лавке находилась довольно популярная у местных жителей пивная-«автопоилка» с неофициальным названием «У кабана»: в зале с пивными автоматами на стене висела кабанья голова. А сразу за лавкой-пивной – красивый особняк с рустованным первым этажом и коринфским пилястровым портиком. Дом был построен всё тем же Козьмой Матвеевым – храмоздателем Климентовской церкви – в середине XVIII века, возможно, на более древних подвалах. За задним двором был разбит большой сад. В самом начале XIX века особняк был перестроен наследниками Матвеева и надстроен третьим этажом, а вскоре после войны 1812 года усадьба была выкуплена казной, и с 1818 года здесь разместилась Пятницкая полицейская часть.

Ещё через десять лет над зданием была построена деревянная пожарная каланча – до революции при каждом полицейском доме находилось пожарное депо. Каланча была снесена в 1920-е годы, как, впрочем, и почти все другие московские каланчи. В настоящее время из исторических каланчей сохранилось только две – в Сокольниках и на Селезнёвке, на бывшем Сущёвском полицейском доме. Каланча на Николоямской улице, хотя и производит впечатление старинной, на самом деле воссоздана в 1990-е годы. Сейчас в здании бывшей Пятницкой полицейской части располагается центральный офис партии «Яблоко».

Протяжённое красное двухэтажное здание (дом № 31, строение 1) было построено во второй половине XIX века также для нужд полиции, в том числе и как арестантский корпус.

Первая регулярная пожарная команда появилась в Москве в 1823 году. От казны ей полагались жалованье, провиант и обмундирование. Из более 1,5 тысяч пожарных 354 выполняли также работу фонарщиков. В каждой части под началом брандмейстера было 75 рядовых, 6 кучеров, 4 трубочиста, а также 6 повозок. Позже стали применяться сигналы для связи между частями – шары и флаги, но первое время их не было и роль связных выполняли несколько казаков, которые в случае необходимости мчались с донесением. Первый же пожарный автомобиль – «Даймлер-Лист» появился в 1908 году в Мясницкой полицейской части. Перед революцией в Москве было уже 13 пожарных автомобилей. Каждая пожарная часть обслуживала примерно 10 квадратных вёрст территории Москвы, а наблюдение велось с 16 каланчей.

Зубатов, Фандорин и Санаев

Напротив полицейского дома, на чётной стороне Пятницкой улицы с небольшим отступлением от красной линии стоит трёхэтажное здание, вытянутое вглубь участка – бывший дом причта Климентовской церкви (дом № 28). До революции в нём жил знаменитый Сергей Васильевич Зубатов – начальник Московского охранного отделения на рубеже XIX и XX веков. Главным образом известен он как организатор легального рабочего движения. Сергей Васильевич мудро призывал работодателей «пойти на уступки, чтобы не потерять всё!» Дело шло успешно, но «нет пророка в своём отечестве»… Большинству фабрикантов деятельность Зубатова не нравилась, и под их нажимом он был отправлен в отставку… Что было в дальнейшем, вы прекрасно знаете. В этом же доме Зубатов и застрелился сразу после Февральской революции 1917 года. Советскими историками впоследствии был изобретён термин «зубатовщина».

Кстати, считается, что он является и одним из прототипов знаменитого Фандорина, ге-

55 – С фасада дома М.И. Рекк на нас взирают кариатиды, сатиры, сказочные грифоны, подчёркивающие вычурную роскошь богатого особняка

55

роя романов Бориса Акунина, который, в свою очередь, частенько бывал на Пятницкой улице, в редакции журнала «Иностранная литература». Впрочем, об этом знаменитом журнале мы ещё поговорим. Считается, что именно Зубатов пополнил наш словарь словом «сексот» – секретный сотрудник, – его тайные агенты были внедрены во многие рабочие коллективы.

После революции в доме поселился рабочий жилищно-строительный кооператив «ВСНХовец», который первым делом решил снести ненужный ему Климентовский храм и даже составил соответствующий проект. Как раз тогда и была убрана часть церковной ограды. К счастью, «сверху» вовремя последовал начальственный окрик, унявший градостроительную ретивость борцов с «церковным мракобесием». В настоящее время начались работы по воссозданию ограды и надвратного павильона.

А в 1960–1970-е годы в доме жил замечательный актёр и режиссёр Ролан Быков со своей супругой, блистательной Еленой Санаевой, и её сыном Павлом Санаевым. Полагаю, многие читали прекрасную повесть Павла Владимировича «Похороните меня за плинтусом» или смотрели одноимённый фильм. Вот в тридцать второй квартире этот плинтус и находился.

Лев Кекушев

Полюбуемся на асимметричный эклектический особняк небесно-голубого цвета с чешуйчатым куполом, построенный в 1866 году и перестроенный для Т.И. Коробковой знаменитым архитектором Львом Кекушевым в 1894 году (дом № 33). Через пять лет архитектор С.С. Шуцман расширил здание, не изменяя кекушевскую отделку фасада и продлив её на достроенную часть. Обращает на себя внимание эркер второго этажа с выразительным скульптурным декором, образующий козырёк над входом. Сейчас над ним развеваются флаги Танзании – здесь располагается посольство этой африканской республики.

Виноград и улитка

Мы же с вами вновь углубимся в проходные дворы за жёлтым двухэтажным особнячком (дом № 30). И выйдем к настоящей виноградной плантации. Плантация, конечно, совсем крохотная, под стать маленькому уютному дворику, но в этом году под жарким московским солнцем здесь даже завязались грозди. Оглянемся – перед нами нагромождение архитектурных форм и окон: разновременные пристройки к дворовому фасаду – «кто на ком стоял», совершенно непонятно.

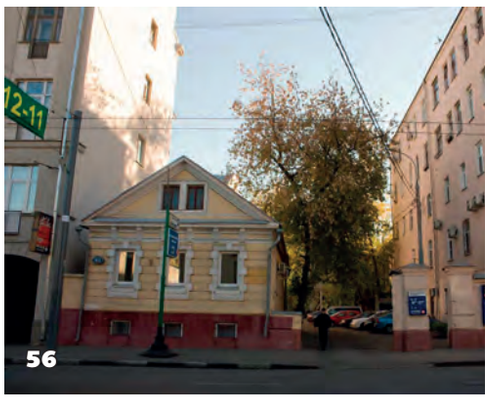
Если пойти двориками вправо к Голикову переулку, то можно выйти к забавному «памятнику улитке». Этот металлический брюхоногий моллюск притаился на перилах одного из домов в окружении металлических же виноградных лоз. Очень виноградный кусочек Замоскворечья! А уж если вы дойдёте до улитки, то обязательно посмотрите на чудом уцелевший одноэтажный деревянный домик с мезонином, располагающийся напротив, построенный вскоре после пожара Москвы 1812 года. Такие домики во множестве строились в те годы, в основном по типовым проектам, разработанным О. Бове – этакие «бовешки». В строительной вакханалии последних лет уцелело их, увы, совсем немного.

Лазанская ОПГ и «ломщики»

Возвратимся на Пятницкую улицу возле особнячка с несуразным трёхколонным портиком (№ 40) – дом Н.А. Самгина, послепожарный дом, перестроенный в 1885 году. В 1990-е годы здесь находился ресторан «Лазания», полюбившийся одной из многочисленных в то время преступных группировок. В историю криминалистики она и вошла под названием Лазанская ОПГ – пожалуй, единственный случай наименования подобных бандитских объединений по названию ресторана. С 1996 года в здании располагается банк.

Напротив через дорогу – кирпичная башня постройки начала 1970-х годов с пристройкой под магазин на первом этаже. На её месте находилось старое здание, в котором до революции располагалась богадельня Екатерины Ивановны Любимовой. Сам дом нам, конечно, неинтересен, «брежневка» как «брежневка», таких по Москве немало. А вот о магазинной пристройке следует поговорить поподробнее. Изначально здесь находился продуктовый магазин, который вскоре сменил магазин румынских товаров «Букур». Сюда приезжали со всей Москвы, главным образом за неплохим румынским вином и консервами. А затем «Букур» сменил один из магазинов легендарной торговой сети «Берёзка». Сперва «Берёзка» здесь была исключительно обувная, но впоследствии ассортимент расширился и торговать стали и иными «товарами народного потребления».

Торговля в таких магазинах велась на чеки «Внешпосылторга», выдававшиеся тем, кому посчастливилось работать за границей. У тех, кто работал, не выезжая с родины, была единственная возможность купить различный дефицит в «Берёзке» – приобрести чеки с рук. Излишне говорить, что подобные рублёво-чековые операции преследовались со всей строгостью советских законов. Но помимо уголовной ответственности таких по-

56

56 – Большое и малое. Ещё один «домик-крошка в три окошка» с Пятницкой улицы.

57 – Кариатиды с атрибутами искусства и славы – лира, пальмовая ветвь, венок – в руках на пышном портале особняка М.И. Рекк.

58 – Отражаясь в глянце рекламных конструкций, улица предстаёт совсем иначе. «Спать и смотреть на мир сна / Широко раскрытыми глазами./ Вот церковь видна / С тремя куполами». В.А. Филиппов, «Сон»

57

купателей подстерегала и опасность в лице так называемых ломщиков.

Представьте, что вы, изнурённый непреодолимым желанием обладать приёмником марки «Грюндиг» (тем самым, который, по Высоцкому, был у «надомника Рудика», крутившего его ночами и ловившего, «контра, ФРГ»), приходите к «Берёзке», зажав во влажном кулаке накопленную сумму в советских рублях. Один из симпатичных молодых людей, которых всегда немало крутилось возле подобных магазинов, вкрадчиво предлагает продать вам чеки по самому лучшему курсу. Вы, немного посмущавшись для вида, конечно, соглашаетесь – ведь вы за этим сюда и пришли. Отходите в сторону и совместными усилиями устанавливаете обменный курс. Симпатичный молодой человек, он же «ломщик», достаёт из кармана пачку чеков, отсчитывает необходимую сумму и передаёт вам. Боже упаси, он даже ваши трудовые рубли у вас не забирает. Вы пересчитываете сумму и видите, что там не хватает, например, одной внешпосылторговской «трёшки». Вы сообщаете об этом своему меняле, он забирает у вас пачку, пересчитывает, убеждается, что и правда ошибся, и с тысячей извинений докладывает вам недостающую банкноту. Вы соответственно передаёте ему своё рублёвое богатство, забираете чеки и бодрым шагом удаляетесь (не дай бог милиция ещё появится) в сторону магазина. А вот там, выбрав свой вожделенный «Грюндиг», вы на кассе с ужасом обнаруживаете, что у вас на руках только половина приобретённой у «менялы» суммы. Когда «ломщик» второй раз «пересчитывал» чеки, он «сломал» пачку – большая её часть осталась у него. Ловкость рук...

В начале 1990-х годов, когда эпоха «Берёзок» отошла в прошлое, в этом помещении открылся «валютный» продуктовый магазин. Торговля осуществлялась исключительно на иностранную валюту: американские доллары, реже на немецкие марки.

Сейчас здесь мебельный магазин.

Во времена расцвета социализма существовала занятная торговая сеть, потомок знаменитого Торгсина, – магазины «Берёзка». Это в РСФСР. В других республиках (а порой и городах) они назывались иначе. Сертификаты (для моряков «боны»), впервые появились в 1964 году. Позже они были заменены чеками Внешпосылторга. Отовариваться в магазинах «Берёзка» могли советские граждане, работавшие за границей. Часть их зарплаты переводилась на счёт во Внешэкономбанке, с которого можно было по возвращении в СССР получить необходимую сумму в сертификатах или чеках.

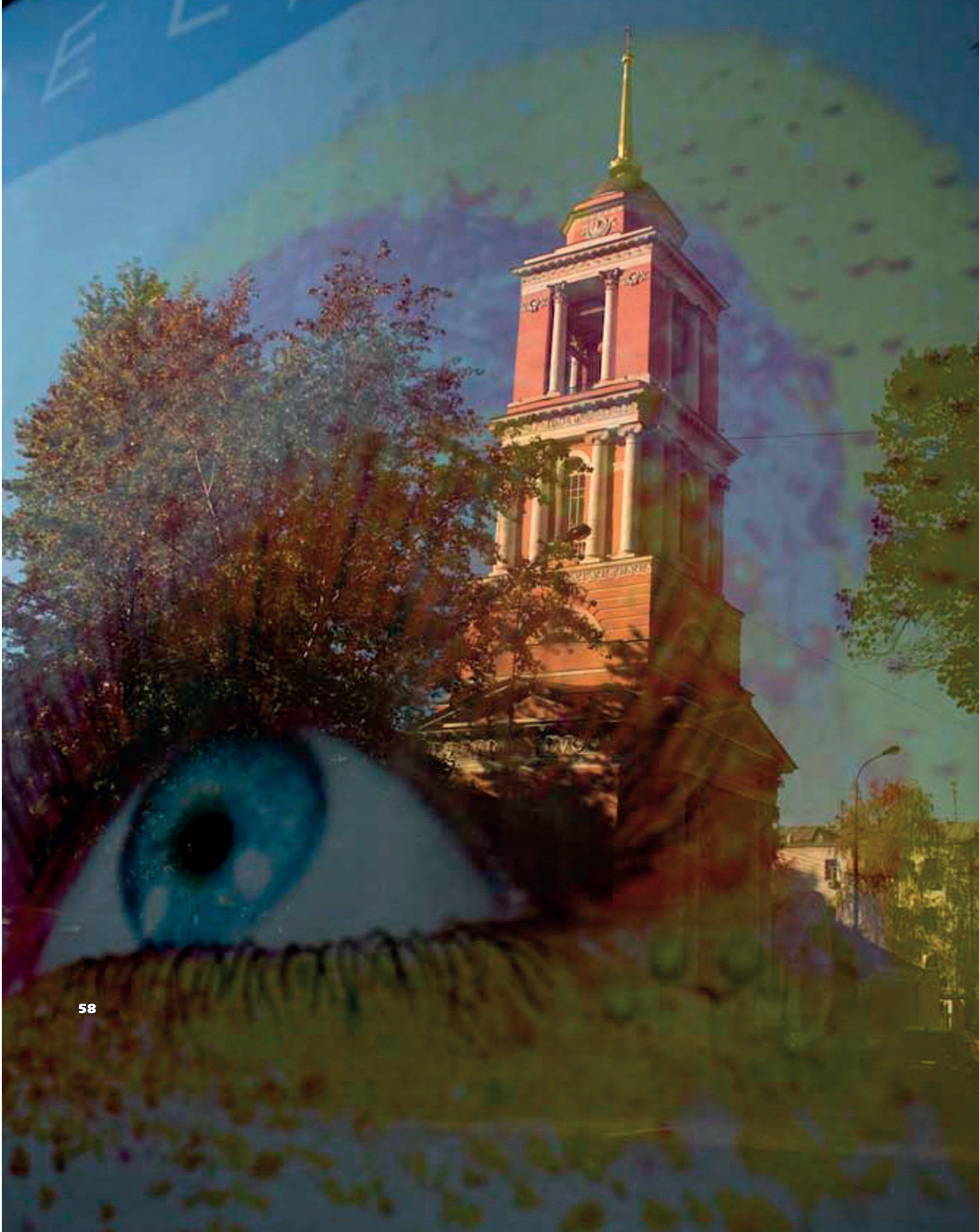
Изначально сертификаты были разные: бесполосные и с полосами разного цвета. Люди, работавшие в разных странах с разной валютой, получали и разные сертификаты. И купить на них можно было разный ассортимент товаров. Существовала градация на капиталистические и социалистические страны. Тем, кто работал, например, в Монголии, полноценный сертификат «не грозил». В конце 1970-х годов ввели единые универсальные чеки. А в 1988 году было опубликовано постановление Совмина СССР о том, что с 1 июля прекращается хождение чеков Внешпосылторга и магазины «Берёзка» закрываются навсегда. Чеки, оставшиеся на руках у населения, предлагалось обменять на рубли по курсу 1:1. Но это курс официальный, а с рук чеки продавались в разные годы от 1:1,5 до 1:3.

«Иностранка» и «Мюръ и Мерилизъ»

За бывшей «Бёрезкой» – дом № 41, где уже более полувека размещается редакция знаменитого журнала «Иностранная литература». К сожалению, в последние годы его слава несколько померкла – сейчас в целом наметился упадок «толстых литературных журналов». Основанный ещё в 1891 году как «Вестник иностранной литературы», в 1955 году он получил своё нынешнее название. Перечень замечательных мастеров слова, которые печатались в нём за его долгую историю, займёт несколько страниц. Во дворах возле здания редакции внимательнее смотрите под ноги: здесь можно обнаружить один из немногих сохранившихся в Москве дореволюционных люков с надписью «Мюръ и Мерилизъ». Помимо знаменитого универмага на Петровке торгово-промышленное товарищество «Мюр и Мерилиз» владело и чугуноделательным заводом. Была у фирмы ещё и «Фабрика мебели и бронзы» на Малой Грузинской (теперь фабрика «Рассвет»), а также фабрика по производству керамической плитки.

А впереди на Пятницкой видна ещё одна вертикаль, доминирующая над этим отрезком улицы, церковь Троицы в Вишняках. К ней и лежит наш путь. Обратим внимание: на всём его протяжении поочерёдно возникают перед нами эти высотные ориентиры – замоскворецкие храмы. Досадная пустота была только на месте снесённого Пятницкого храма. Представим старое Замоскворечье, обстоятельные купеческие особнячки с мезонинами и крепкими воротами и золотые маковки церквей, как маяки, возвышающиеся над этим зелёным морем крыш и садов. Храмов здесь много: купеческое дело – торговое, а «не обманешь – не продашь» – есть где грехи замаливать.

Впрочем, мы отвлеклись. В путь!

59 – «Внимание! Сейчас вылетит птичка!». Орёл с доходного дома П.В. Смирнова

60 – Лев – грозный сторож с выноса цоколя портала особняка М.И. Рекк

Футуристы и кино

На конкурсе в США в 1923 году среди лучших фильмов года были названы и советские ленты. Среди продукции частных фирм отмечены поставленные в 1918-м году по сценариям В. Маяковского и с его участием картины «Барышня и хулиган» и «Не для денег родившийся». Картина «Закованная фильмой» Я. Протазанова отмечена за серьёзный поиск в области киноязыка. Сценарий фильма был написан также В.Маяковским, он же вместе с Л. Брик исполнил главные роли. Маяковский хотел создать продолжение «Закованной фильмой», показав в нём сон танцовщицы, развертывающийся по ту сторону экрана (наподобие того, как Льюис Кэрролл показал свою Алису по ту сторону зеркала). Однако этот замысел остался неосуществлённым

«Тюрьма на Пятницкой»

Пройдём мимо особнячка, появившегося здесь ещё в конце XVIII века (дом № 44) и сохранившего внешний облик, который он получил в следующем столетии. В этом доме в 1920-е годы размещался один из батальонов ЧОН – частей особого назначения, создававшихся с 1919 года для борьбы с контрреволюцией, а фактически для подавления недовольства населения. Следующий за ним дом № 46, бывший когда-то практически близнецом своего соседа, во всех своих линиях несёт следы кондового новодела. Так оно и есть… Старинный дом был снесён в 1997 году и заменён подделкой с увеличением высоты здания. Сравните – это видно невооружённым взглядом. Дом, стоявший на этом месте, принадлежал в конце XVII–XIX веков купцам Самгиным, владельцам знаменитого колокольного завода, одного из лучших в России. Именно этот дом описал А.П. Чехов в рассказе «Три года» как «тюрьму на Пятницкой», в которой «нет будущего».

«Глория» и «Эхо»

На противоположной стороне улицы глаз не может не зацепиться за эклектический трёхэтажный особняк (№ 47) позапрошлого века, украшенный лепниной, на который водружена нелепая двухэтажная надстройка уже советского периода. Простенько и безвкусно… До революции в первом этаже находился чайный магазин владельца усадьбы В.И. Попова. В этом же доме с 1909 года арендовала помещения одна из первых российских кинофабрик «Глория» Якова Зоммерфельда. Съёмки фильмов проходили прямо во дворе за домом в солнечные дни, декорации писались на холсте и развешивались на верёвках, как бельё. В старых фильмах порой можно заметить шевеление декораций – причиной тому ветер, колыхавший холсты. На этой кинофабрике начинал свою карьеру в кино знаменитый впоследствии режиссёр Яков Александрович Протазанов. Жил он, кстати, напротив, в уже упомянутом нами доме № 46. А в 1912 году сама владелица дома, М.А. Попова, открыла рядом со своим чайным магазином электротеатр «Эхо».

Троица в Вишняках

Мы почти подошли к храму Троицы в Вишняках. Но немного задержим шаг: в просвете между двумя флигелями дома № 48 открывается прекрасный вид на церковь Иверской иконы Божьей Матери (Большая Ордынка,39). Заодно и подивимся казусам московской колористики. Чья-то недрогнувшая рука выкрасила цоколь флигеля под № 48 строение 3, и часть забора в ядовито-розовый цвет, совершенно не сочетающийся с покраской дома, «бриллиантовый» руст первого этажа которого свидетельствует о его старине.

Церковь Троицы в Вишняках, возле которой мы с вами стоим, впервые упоминается под 1642 годом как деревянная. Возникла она в стрелецкой слободе, а в 1678 году стрельцами «Матвеевского приказа Вишнякова» была отстроена в камне в память о погибших при осаде Чигирина. Поэтому и переулок, на углу которого стоит храм, носивший до 1922 года название Лужниковского, был переименован при ликвидации одноимённости московских улиц и переулков в Вишняковский. Судьба самого Матвея Михайловича Вишнякова – стрелецкого головы – довольно драматична. Во время Стрелецкого бунта 1682 года Вишняков был отправлен в отставку, а вскоре взят под стражу вместе со своим отцом дьяком Михаилом Вишняковым. Оба были пытаны. Отец под пыткой скончался, а Матвея Михайловича постригли в монахи и сослали. Дальнейшая судьба его неизвестна.

В начале XIX века Троицкая церковь была полностью перестроена на деньги купца Семёна Лонгиновича Лепёшкина, усадьба которого находилась напротив храма. В 1826 году была пристроена прекрасная колокольня в духе классицизма. В конце XIX столетия храм обновлялся. Звон колоколов Троицкой церкви явился, по признанию знаменитого звонаря-виртуоза К.К. Сараджева, сильнейшим потрясением его детства. Эти колокола во многом предопределили его дальнейшую судьбу.

В 1922 году Троицкий, как и все московские храмы, был ограблен новой властью, из него изъяли «19 пудов 18 фунтов 1/4 золотника золотых и серебряных изделий». Вскоре после этого церковь была закрыта, снесён домик причта и павильон на углу с переулком. В здании попеременно размещались различные конторы. Последним, в 1980-х годах, здесь находился отдел кадров некоего «Московского конструкторского технического бюро». В 1991 году храм первым в Замоскворечье был возвращён верующим.

Купцы Лепёшкины, Аркадий Гайдар и Отто Шмидт

Напротив через Пятницкую улицу – огромное владение храмоздателя Троицкой церкви купца I гильдии, потомственного почётного гражданина, московского городского головы в 1846–1849 годах Семёна Лонгиновича Лепёшкина. Ещё в 1820-е годы Семён Лонгинович открыл Вознесенскую мануфактуру близ села Муромцево Дмитровского уезда Московской губернии (впоследствии «Товарищество Вознесенской мануфактуры С. Ле-

Яков Протазанов. Актёрский дебют

Актёрский дебют Якова Протазанова состоялся раньше режиссёрского. В 1909 году в фильме режиссёра Василия Гончарова «Смерть Иоанна Грозного», который снимался на «Глории», он сыграл роль Гарабурды, посланника короля польского. Как вспоминал Яков Протазанов, приглашённый из Италии оператор Антонио Серрано оказался весьма неопытным. «Работая на английском аппарате „Пресвич“, он ставил фокус на шкале, на которой отмечены футы, а расстояние отмерял в метрах. В результате всё получалось не в фокусе. Съёмки производились летом, проявляли же плёнку и печатали осенью. Поэтому ошибка была обнаружена тогда, когда невозможно было её исправить»... Актёр А. Славин, которому досталась роль Ивана Грозного, оказался слишком полным для образа царя, известного своей худобой. И это, несмотря на нерезкость изображения, зрители прекрасно разглядели...

пёшкина сыновей»). Его внук Семён Васильевич был одним из учредителей и директором московского Товарищества механических изделий, в начале XX века возглавлял Варваринское акционерное общество домовладельцев, состоял гласным Московской городской думы, был почётным членом Общества пособия нуждающимся студентам Московского университета. Лепёшкины отличались широкой благотворительностью.

Дом № 48, в котором сейчас разместился Институт астрономии РАН – особняк с шестиколонным портиком, богато украшенный лепным декором. В 1920-е годы в этом здании располагался Биологический институт имени К.А. Тимирязева. А ещё раньше, в 1919 году, здесь находились «9-е Советские командные курсы Рабочее-Крестьянской Красной армии». На них учился знаменитый писатель Аркадий Гайдар, что и отражено в его биографии. Правда, учился – сильно сказано. Пробыл на этих курсах он всего один день, после чего по приказу командования отбыл из Москвы.

Соседняя усадьба, от которой в настоящее время сохранился только флигель (дом № 50), в начале XIX века принадлежала жене статского советника Варваре Васильевне Курбатовой. В 1850-е годы владение приобретают Лепёшкины и вскоре на месте старых построек строят новый дом. После надстройки здания двумя этажами в 1893 году сюда въезжает открытое Варварой Яковлевной Лепёшкиной, снохой Семёна Лонгиновича, профессиональное училище по подготовке детских воспитательниц, белошвеек и кружевниц имени её покойной дочери Варвары. Впоследствии по завещанию В.Я. Лепёшкиной здания училища и капитал на его содержание в размере 500 000 рублей были переданы городу. В 1938 году в помещениях бывшего училища разместился Институт теоретической геофизики, руководил которым легендарный полярник, академик Отто Юльевич Шмидт. Здание было разрушено во время войны в результате немецкой бомбардировки.

Дальше по Пятницкой

Дом № 53 по Пятницкой улице построен в начале Первой мировой войны архитектором Ф.А. Ганешиным как доходный дом. А перед самой Великой Отечественной войной он был надстроен седьмым этажом. Но в данном случае это было сделано очень аккуратно, в отличие от дома № 47. Не зная о надстройке, догадаться о ней практически невозможно.

Если вы проголодались, то можно зайти в ресторанчик, расположенный на чётной стороне Пятницкой в небольшом двухэтажном домике в три окна по уличному фасаду, а заодно полюбоваться Замоскворечьем хоть и с небольшой, но высоты – веранда ресторана находится на крыше дома.

Далее на нашем пути встречается классика сталинского стиля – дом № 59 1937 года постройки (архитектор К.Н. Афанасьев), в оформлении фасадов которого чувствуются мотивы итальянского ренессанса: лоджии с парными проёмами на боковых крыльях, расчленение плоскости стен в средней части дома горизонтальными тягами красивого профиля. Интересно решение нижнего этажа центральной части четырьмя застеклёнными эркерами. В этом доме жил чемпион мира по шахматам Тигран Петросян. А совсем ещё недавно на первом этаже находился модный магазин, в котором любили одеваться многие звёзды нашей эстрады.

Увы, давно уже стоит закрытый строительными «пелёнками» уютный одноэтажный особнячок с мезонином (дом № 60). Присмотритесь к нему обязательно! Через строительную сетку с фасада дома за вами внимательно наблюдают очаровательные женские головки. Если встать по центру особняка, то все три каменные прелестницы будут смотреть именно на вас – поворот голов у них разный.

Дом со львами

А мы мимо «Театра Луны», находящегося за домом с красавицами, и русского духовного театра «Глас» пройдём к знаменитому особняку М.И. Рекк. Один из самых знаменитых домов в Москве, имеющий даже свой сайт в Интернете, был построен для Минны Ивановны Рекк в 1897 году знаменитым архитектором С.В. Шервудом. Особняк в эклектическом стиле, с двумя контрастными по форме и стилистике объёмами, обращёнными к улице, богато декорирован лепниной. Скульптурные изображения девушек в античных одеяниях, козлиные головы – символ Бахуса, грифоны. Если присмотреться, портик из спаренных колонн в правой части особняка имеет большое сходство с первым ярусом колокольни церкви Троицы в Вишняках, различие в деталях. И, наконец, два красавца-льва по сторонам от колонн. В то время как правый лев зорко наблюдает за окружающими, его товарищ слева прилёг отдохнуть. В 1901 году Рекк продаёт дом купцу П.В. Стахееву. После революции здесь разместился Замоскворецкий райком РКП(б), на партийном учёте в котором состоял Ленин. Позже в нём находились различные советские конторы.

Дом с орлами

Напротив дома со львами – дом с орлами, доходный дом П.В. Смирнова, построенный архитектором С.М. Гончаровым в 1910 году в

61

псевдоготическом стиле. Декор здания несколько выходит за рамки стиля. Псевдороманские и псевдоренессансные детали, совмещение несовместимого: германский орёл на эркере и французские лилии над окнами второго этажа. Ещё один орёл вылетает из стены прямо над входом в подъезд. Молва приписывает его авторство М.А. Врубелю. Вряд ли это соответствует действительности – ко времени постройки дома художник уже потерял зрение.

Иван Дмитриевич Сытин

Обратим внимание на дом № 66. В 1879 году это владение приобрёл один из крупнейших дореволюционных российских издателей Иван Дмитриевич Сытин. Его огромное дело тогда только начиналось, но ему уже требовались дополнительные производственные площади к его первой литографии на Варгунихиной горе. В этом владении на Пятницкой он и открыл новую типографию, здесь же проживал и сам с семьёй. Через несколько лет, в 1887 году, Иван Дмитриевич купил здесь же неподалёку, на Пятницкой, большой участок земли и построил на нём уже ту самую знаменитую Сытинскую типографию. Вот к ней-то мы с вами и отправимся.

Солдат Урфина Джюса

На углу с 1-м Монетчиковским переулком – дом О.С. Толоконниковой конца XVIII века, перестроенный в 1834 году, с ротондальным купольным объёмом в угловой части (дом № 67). А между домами № 67 и 71 по Пятницкой на месте снесённого здания притаился небольшой скверик. Несколько лет назад по инициативе жителей близлежащих домов здесь появились деревянные фигуры городового и дворника. На заднем плане на стене нарисована панорама Замоскворечья от Водоотводного канала, а перед ней деревянный шлагбаум. Есть, правда, некоторая временная нестыковка. И городовой, и дворник одеты по форме начала XX века, а панорама за их спиной вполне современная. Хотя общей картины это не портит – место очень симпатичное. Огорчает другое. Какие-то вандалы успели уже сломать дворнику руку, и её заменили «протезом». И с этим «протезом» страж чистоты больше напоминает солдата из армии Урфина Джюса детского писателя А.М. Волкова.

Фонари и ограда

В доме, несущем слишком заметные следы евроремонта, на углу Малой Ордынки (Пятницкая улица, 70) в начале XX века была открыта гимназия М.Н. Приклонской. После революции гимназию сменили курсы древних и новых языков, а затем фабрично-заводская школа-семилетка при Первой образцовой типографии. В июле 1941 года в здании формировались подразделения 17-й дивизии народного ополчения.

На противоположной стороне Малой Ордынки воссозданы дореволюционные фонари. А далее по Пятницкой – также реконструированная по одному из фрагментов старая ограда красивого рисунка. За ограду стараемся не смотреть, чтобы не испортить настроение видом убогого кирпичного сарая советской постройки.

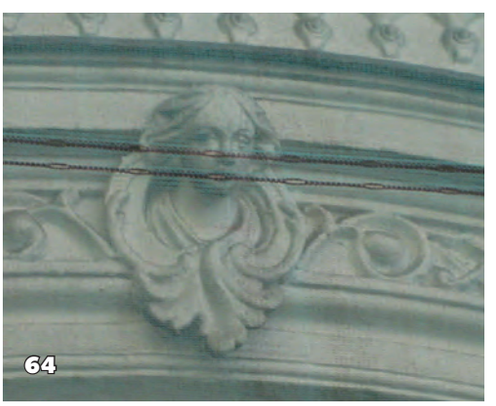
И снова Сытин

Посмотрим лучше напротив через улицу, на здание Сытинской типографии. Главный фасад строения с готическим входом и сложными фигурными аттиками с полукруглыми окнами прост, но производит большое впечатление. При этом необходимо учесть, что общий вид сооружения несколько испорчен надстройкой дополнительного этажа. Переплёты многих окон сохранились с начала XX века. Здание было построено архитектором А.Э. Эрихсоном при участии инженера В.Г. Шухова в 1903 году. А через два года, во время «кровавого пуфа», как опрометчиво называла пресса того времени смуту 1905 года, типография была сожжена. Первоначально руководителями начавшейся забастовки была арестована вся администрация, и под угрозой применения оружия был напечатан первый номер «Известий Советов рабочих депутатов», с оповещением населения о происходящем. В нём было заявлено, что Московский совет рабочих депутатов в союзе с социал-демократической партией и социалистами-революционерами постановил объявить в Москве всеобщую политическую стачку, с тем чтобы перевести её в вооружённое восстание против царизма. В огне пожара, охватившего типографию, погибло всё оборудование, запасы бумаги, произошло частичное обрушение перекрытий.

62

63

64

65

66

61 – Причудливо ложатся тени.
62 – Ещё один пернатый хищник – германский – с фасада «дома с орлами».
63 – Устье Старого Толмачевского переулка.
64 – Прелестные женские головки смотрят на нас с фасада дома № 60. В их взгляде читается недоумение – за что их закрыли сеткой?
65 – На страже. Авторы деревянных статуй – художники С. Горчаков и А. Крекотень.
66 – Огромная редкость в современной Москве – сферические стёкла вековой давности

Но уже через год Сытин восстановил производство. В этом историческом здании бывали и Л.Н. Толстой, и А.М. Горький, и В.В. Маяковский, и С.А. Есенин, который, кстати, работал некоторое время у Сытина корректором. После революции типографию национализировали, и она стала носить название «Первая образцовая типография». Что интересно, сразу после Октябрьского переворота на общем собрании рабочих несколькими тысячами голосов был осуждён насильственный захват власти большевиками. Создать коммунистическую ячейку в типографии удалось только в начале 1920-х годов.

Здание типографии частично располагается на месте владения, которое до 1834 года принадлежало титулярному советнику Николаю Фёдоровичу Островскому (правая часть, если смотреть с Пятницкой). Здесь свои ранние детские годы, до переезда в Николоворобинский переулок, провёл знаменитый драматург Александр Островский.

Самый известный из дореволюционных российских издателей, Иван Дмитриевич Сытин родился в 1851 году в Костромской губернии. Отец его был волостным писарем. В 15 лет Иван Сытин приехал в Москву и устроился на работу в книжную лавку. Через десять лет, накопив денег, он покупает свою первую литографическую машину и открывает небольшую литографию. Печатает первое время лубочные картинки, очень популярные в народе. А во время Русско-турецкой войны переходит на выпуск карт боевых действий. Постепенно он начинает расширять ассортимент, главным образом за счёт дешёвых книг для народа. На Всероссийской промышленной выставке в 1882 году И. Сытин получает бронзовую медаль за книгопечатную продукцию. А ещё через год учреждает книгоиздательское товарищество «И.Д. Сытин и К°» и открывает в Москве книжную лавку. С этого времени начинается быстрый рост его дела.

Он активно сотрудничает с Л.Н. Толстым, выпускает популярные энциклопедии, издаёт погодный «Всеобщий календарь». В 1891 году Сытин приобретает журнал «Вокруг света», а с 1897 года начинает издавать газету «Русское слово». К 1917 году Иван Дмитриевич – крупнейший российский издатель: примерно четверть всей книгопечатной продукции Российской империи издавалось его товариществом; владелец целой сети книжных магазинов. После революции все его предприятия были, естественно, национализированы. Но Сытин, так же как и Чичкин, идёт на сотрудничество с советской властью: выполняет отдельные поручения правительства, организует художественную выставку в США. С 1928 года Иван Дмитриевич получает персональную пенсию. Умер он в 1934 году в Москве.

Старое окно

Пройдём дальше по Пятницкой к Садовому кольцу. В перспективе улицы перед нами ещё один «маяк», ещё одна церковная доминанта – церковь Вознесения Господня на Серпуховской, «за Серпуховскими воротами».

Мы обязательно обратим внимание на огромное окно над входной дверью дома № 73. В нём сохранились старые переплёты, но главное – дореволюционное сферическое стекло! Таких стёкол, пожалуй, больше и не сохранилось в Москве. На первом этаже здания – цветочный магазин, который находится здесь очень давно, ещё с начала XX века.

Далее по правой стороне улицы – крохотный двухэтажный домик (№ 82), образец послепожарной застройки Москвы. А завершают Пятницкую два трёхэтажных дома постройки XIX века, стоящие по обеим её сторонам на углу с Серпуховской площадью. В правом находился молочный магазин уже упомянутого нами Чичкина.

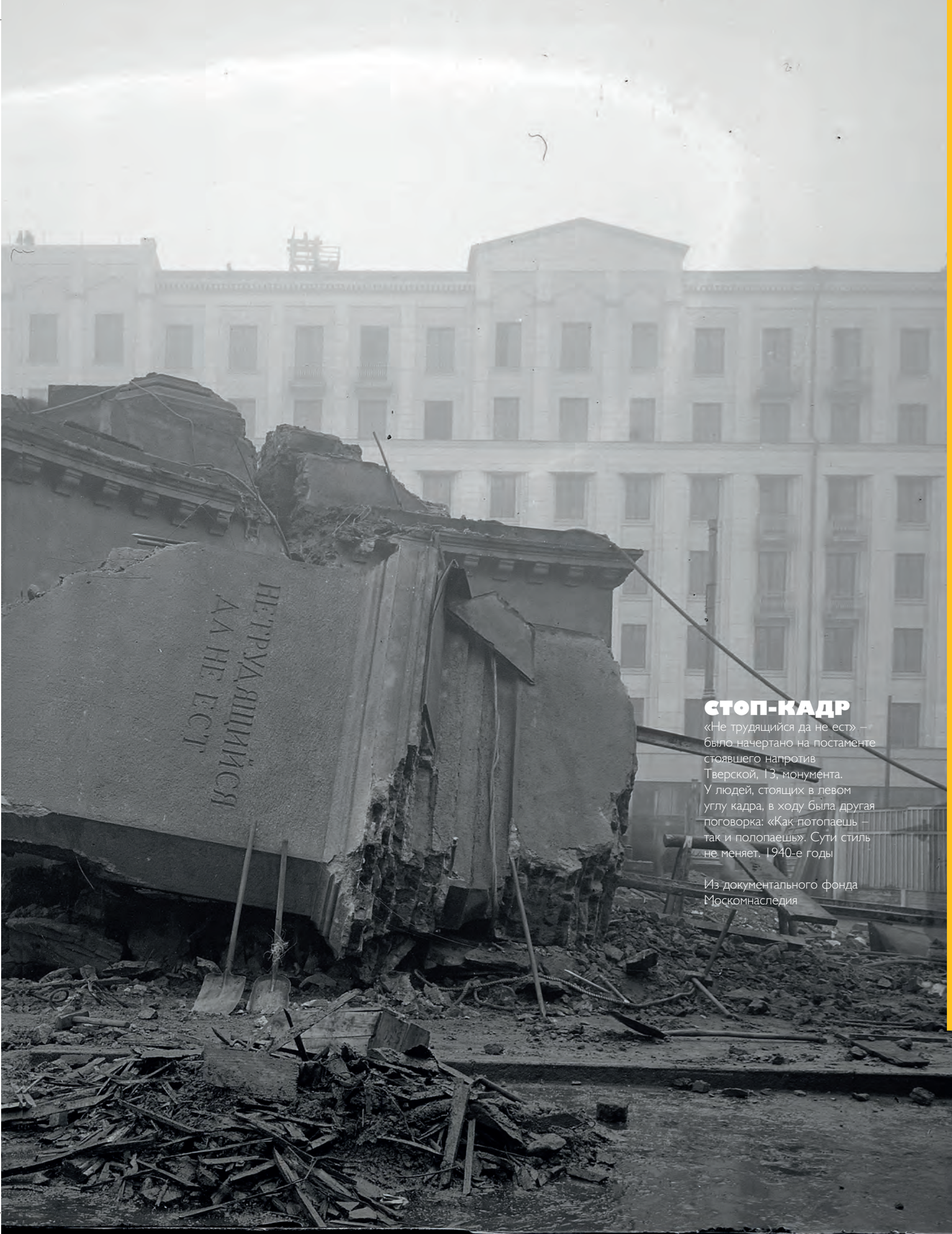
Вот мы и прошли с вами Замоскворечье насквозь, от Водоотводного канала до Садового кольца. Вечереет. И в синеющих сумерках, если очень присмотреться, можно увидеть и старого замоскворецкого купца в долгополом сюртуке, поддёвке и в сапогах бутылками, и купчиху в салопе и чепце, и бородатого дворника в картузе, фартуке с жетоном и с метлой в руках, и молодцеватого городового при усах и с саблей-«селёдкой». Или предстанет перед вами Замоскворечье недавно ушедшего века с бабушками на скамейках в кустах сирени и акации, с котами, дремлющими в распахнутых форточках. Стоят горшки с геранью в раскрытых по случаю тепла окнах стареньких домиков, где за тюлевыми занавесками жёлтым светом горят старые абажуры, детвора гоняет мяч в уютных дворах, в которых все друг друга знают с детства…

Но не буду вас забалтывать. Прогулка была долгой, пора и домой.

Павильон метро перед вами, на другой стороне площади, теперь постарайтесь самостоятельно разобраться в хитросплетении подземных переходов под Садовым кольцом и выбрать правильную дорогу.

Тому, кто ни разу по этим переходам не ходил, не всегда это удаётся с первого раза.

ОКТЯБРЬ
1917

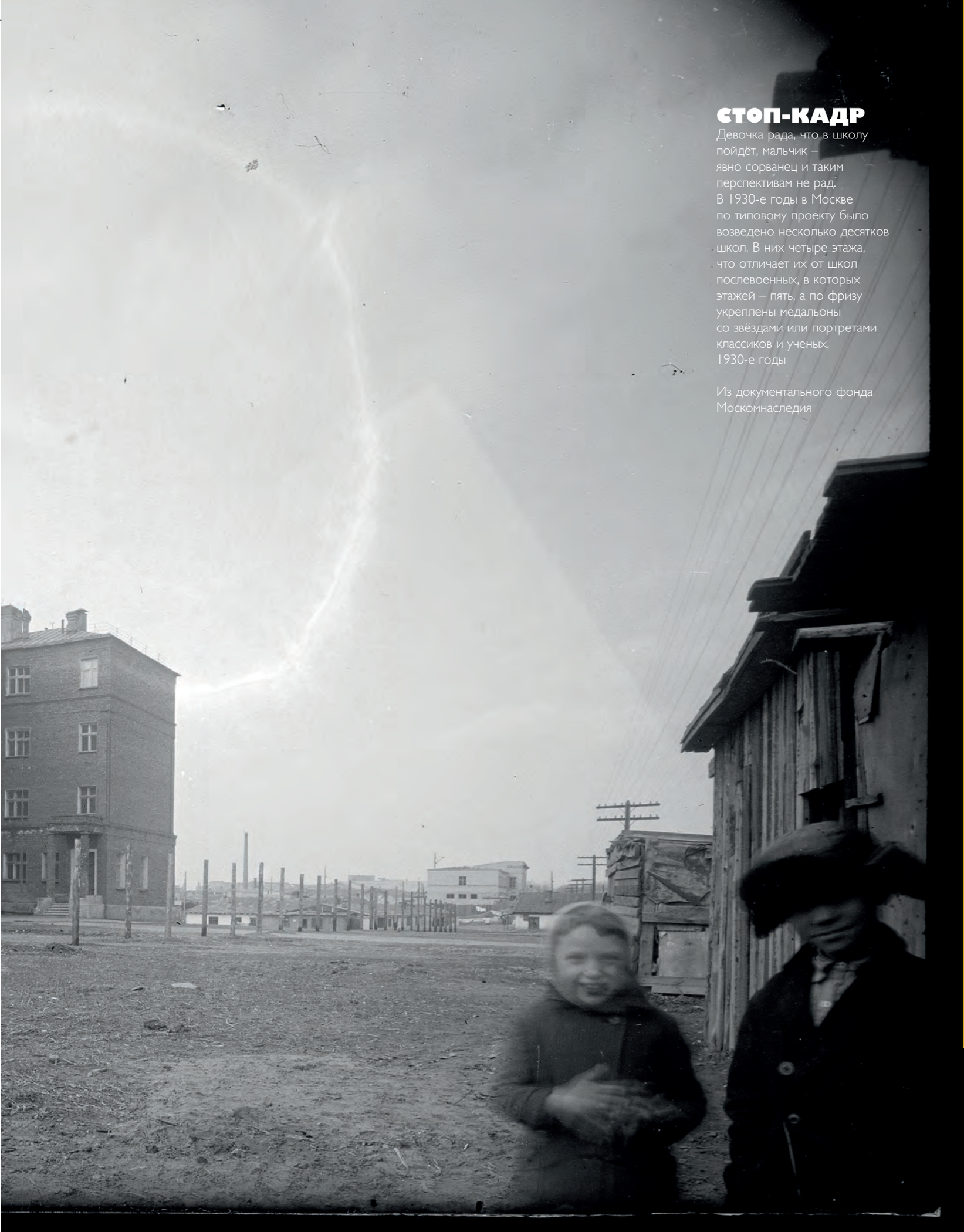

СТОП-КАДР

«Не трудящийся да не ест» – было начертано на постаменте стоявшего напротив Тверской, 13, монумента. У людей, стоящих в левом углу кадра, в ходу была другая поговорка: «Как потопаешь – так и полопаешь». Сути стиль не меняет. 1940-е годы

Из документального фонда Москомнаследия

СТОП-КАДР

Девочка рада, что в школу пойдёт, мальчик – явно сорванец и таким перспективам не рад. В 1930-е годы в Москве по типовому проекту было возведено несколько десятков школ. В них четыре этажа, что отличает их от школ послевоенных, в которых этажей – пять, а по фризу укреплены медальоны со звёздами или портретами классиков и ученых.
1930-е годы

Из документального фонда Москомнаследия

СТОП-КАДР

Каланча в Сокольниках.
1934 год

Из документального фонда
Москомнаследия

Интервью: Наталья Логинова
Фото: Ашот Сардарян

Дмитрий Швидковский:
«Архитектор – профессия не просто созидательная»

Ректор Московского архитектурного института, доктор искусствоведения, лауреат Государственной премии РФ, заслуженный деятель искусств РФ, почётный член Лондонского общества древностей Английской исторической академии, кавалер ордена Французской Республики «За заслуги перед Францией»

Если говорить о моём первом общем представлении о Москве, то оно связано с Трубниковским переулком, где я родился в квартире моего прадеда – известного детского врача, ученика Филатова. Квартира после революции была превращена в коммунальную, но в детстве мне это совсем не мешало. Мы жили в бельэтаже, в котором всё видно насквозь. И потому, наверное, мои детские воспоминания – пространство, где соединены камерные, уютные, очень обжитые интерьеры с улицей за окнами. Пространство арбатских переулков в единстве со старой мебелью, старинными фотографиями, картинами – подарками моему прадеду от его выросших пациентов. В этой же квартире жила и моя няня, которая была няней ещё мамы и бабушки. Ей было уже под сто лет. Няня водила меня гулять. Вспоминается, как начали строить Новый Арбат и в связи с этим уничтожили часть района. И наш дом тоже наполовину был снесён: половина старой квартиры была уничтожена. Помню, как рабочие, строившие Новый Арбат, переступали через меня и мою песочницу. Они были такие большие, а я такой маленький… Они, в больших сапогах, замазанных бетоном, почему-то не обходили мою песочницу, а шагали прямо через неё.

Какая-то у вас символическая картина получается…

Да, это было реальное событие, но и абсолютно символическое, поскольку строители создавали новое, переступая через меня, уничтожая ту культуру, к которой я принадлежал по рождению. Семья моей мамы традиционно московская, достаточно известная в Москве. Мы официально принадлежим к Дому Мамонтовых – есть сегодня такая организация. Мама давно уже отдала в Третьяковскую галерею различные документы, которые могут пригодиться специалистам для атрибуции. Получается, что мы очень отдалённо, но всё же родственники со всеми, кого только можно представить в купеческой среде: Морозовы, Живаго, Якунчиковы, Остроуховы и так далее. И мои детские впечатления тоже связаны с этими именами. Я в детстве был необыкновенно тощим ребенком. Естественно, все – няня, бабушка – пытались меня кормить. Я упрямился и соглашался есть, только если бабушка рассказывала мне, что они ели здесь до революции. Бабушке было очень скучно говорить про еду. Но она всё же рассказывала, что их экономка готовила такие вкусные щи, что гости со всей Москвы приезжали специально на кислые щи. Ели по нескольку тарелок – ничего другого не подавалось. Ещё пили чай с ананасовым вареньем, что тогда было достаточно экзотично. Но на этом гастрономические изыски заканчивались, и бабушка рассказывала самые разные истории из жизни Москвы начала века. Например, о заводе «Лакокраска», к которому семья имела отношение. Продукцией завода пользовались все русские художники. В Третьяковке есть даже коллажи из этикеток этого самого завода. Или бабушка рассказывала о том, как она ездила на белой гоночной машине в 1912 году в дом Перцева около храма Христа Спасителя слушать выступавшего в костюме Пьеро с набелённым лицом Вертинского. А режиссировал Станиславский, это было особенно интересно.

К тому же Алексеевы – тоже какие-то наши дальние родственники, поэтому Константин Сергеевич Станиславский был человеком знакомым моим близким. Потом бабушка рассказывала, какой он был в старости, – это было очень любопытно. Экономка, которая варила те самые знаменитые щи, позже поселилась у Станиславского. Её устроили к Станиславскому, поскольку в квартире, где после революции оказалось 11 семей, экономку держать было уже невозможно. Прадедушкина экономка была совершенно неграмотная, не умела читать и писать, но обладала фантастической зрительной памятью. Любого человека, которого она видела один раз, могла с точностью воспроизвести: во что он был одет, что принёс, что говорил. Кстати, она описана в «Театральном романе» как женщина, которая подаёт лекарства и кланяется «древнерусским поклоном». Но Булгаков не знал, что когда Константин Сергеевич стал уже пожилым человеком, он призывал экономку практически каждый вечер, когда ложился в постель, и просил её рассказывать одно и то же – как его будут хоронить. И она во всех подробностях описывала, кто какой наденет костюм, какие туфли, какой возьмёт зонтик, какие цветы принесёт. Его это живо интересовало, без этого не засыпал. И вот эти рассказы – от Вертинского-Пьеро до Станиславского – я слышал с детства.

Вы волею судьбы оказались погружённым в ту атмосферу, которую иные изучают по книгам, воспоминаниям…

Моя бабушка была жива вплоть до моего студенчества, были живы и другие родственники её поколения. Потом мне удалось снова «побывать» в Москве, да и вообще в России начала XX века, отправившись в Париж к родственникам, уехавшим туда в первую эмиграцию. Среди них было семь или восемь старушек, которым делать было уже нечего, и они с удовольствием рассказывали об этой жизни, частью которой они сами и были. Причём это всё с особым чистым русским произношением, идиомами и,

Мы переходим на другой государственный образовательный стандарт, одним из новшеств которого является преподавание профессиональной этики, которая касается отношения и к человеку, и к природе, и к историческим памятникам

главное, с душой. Действительно, люди были очень светлые. В этих рассказах возникали фигуры Шаляпина, артистов Художественного театра, мало известных уже эмигрантских поэтов. И всё это было живое.

У вас не было этой тяги ко всему новому, так свойственной молодым людям, радости, что вот теперь Москва станет красивой?

Моему папе – он был историком архитектуры, шестидесятником (хотя я не люблю этого слова), человеком, прошедшим войну, – ему нравилось всё новое. Он пытался у нас как-то менять обстановку: покупать новые диван, стол, кресло и выкидывать старые вещи…

Боролись с ним?

Мама говорила, что поставит всё старое на свою кровать и там будет держать. Мама берегла это, но не как антиквариат – у нас были самые обычные вещи, – а как часть той жизни, с которой она была знакома, может, и лучше, чем я. Хотя я расспрашивал всех всегда значительно больше. Люди предшествующего поколения были увлечены современностью. А я с очень раннего возраста, со второго класса, увлёкся историей. И это была проблема, потому что я других книг не читал – только исторические. После того как на уроке труда во втором классе, когда я должен был вышивать салфетку к 8 Марта, у меня вытащили из-под парты толстую книгу, только что вышедшую, «Воспоминания и размышления маршала Жукова», меня отправили на психиатрическую экспертизу. Но психиатр сказал, что всё нормально, и посоветовал больше гулять на воздухе.

Семья моей мамы традиционно московская. Мы официально принадлежим к Дому Мамонтовых, есть сегодня такая организация. Мы очень отдалённо, но всё же родственники со всеми, кого только можно представить в купеческой среде: Морозовы, Живаго, Якунчиковы, Остроуховы…

А как проходило ваше студенчество, много ли и где «гуляли на воздухе»?

Учёба у меня больше связана с Петербургом, чем с Москвой. Дело в том, что уже на первом курсе я увлёкся, я бы сказал, дешифровкой некоторых вопросов истории архитектуры, биографиями архитекторов – Чарльза Камерона и других. Всегда меня очень интересовала загадка разрушения баженовского Царицына. Мне удалось найти ответ достаточно простой, хотя я искал его долго. Или какие-то загадки екатерининского Царского Села. Чтобы их попытаться разгадать, я работал буквально со второго курса, слава богу, не с микрофильмами, как теперь принято, а с подлинными документами. Я даже переживаю теперь, неправильно я тогда жил. Вместо того чтобы гулять, ухаживать за девушками, получать удовольствие от жизни, я получал удовольствие, копаясь в этих огромных подшитых делах в кожаных переплётах. К счастью, мне давали документы XVIII века. Сидел или в РГАДА, или в РГИА, или в архиве Военно-морского флота, в который я совершенно случайно попал. Мне удалось найти много интересного в этих архивах. В РГАДА я нашёл целый город под Петербургом. Это теперь всё стало известно. А тогда, когда я этим занимался, о нём все забыли. Это город София – идеальный город, построенный в честь Софии Премудрости, а также немецкого имени Екатерины II. Там работала масса интересных архитекторов. Но город упразднили ещё в 1808 году. Вот тут у меня было что-то совершенно мистическое, очень странное. Я этого объяснить не могу. Ничего я об этом не знал. Кто меня понёс в этот Военно-морской архив?.. Туда никому из нормальных архитектуроведов в голову не придёт заглянуть. А я на втором курсе… Там сидели адмиралы в полной парадной форме, было даже страшно. Конечно, нужны были какие-то знакомства. Папа мой помог, а также Сигурд Оттович Шмидт – интересно, помнит ли он, как помогал мне, студенту, проникать в эти архивы? И вот там происходило общение с реальностью Москвы и Петербурга и их пригородов, но екатерининского времени.

Увлечение петербургской архитектурой – бегство из Москвы, или просто возник интерес?

Это было скорее бегство к самостоятельности. И бегство к иному: я отчётливо чувствовал, что Петербург 1970-х – совсем другое, чем Москва. Там в то время ещё сохранялась та жизнь, которая была для меня естественной по воспитанию в Москве. Она в большей степени была жива – как в городе, так и среди людей, активных архивных старушек. Было очень много интересного. Я снимал комнату рядом с архивом, буквально в здании Сената, у известной архитектурной семьи Красовских – дореволюционных историков архитектуры. При Союзе архитекторов был французский кружок, но происходило всё у Красовских дома. Это было что-то необыкновенное! Фантастические персонажи из старого Петербурга с поразительными фамилиями: Римская-Корсакова, Бородина, Воронихина и так далее. И все говорили по-французски. Это мне помогло – я тогда учил французский. Конечно, я не мог говорить, как они, и до сих пор не могу, но чему-то научился.

Вы в своё время стали единственным столь молодым доктором наук, вам ведь было около 30 лет?

Когда я защитил докторскую, я был самый молодой – это правда. Но ничего экстраординарного в этом не было. Сказалось, конечно, что я вырос среди историков архитектуры. Все всегда знали, что я буду заниматься историей архитектуры. Первое моё значимое историко-архитектурное событие – не знаю, насколько участники его готовы это подтвердить, – связано с тем, что в три года меня укусила болонка Селима Омаровича Хан-Магамедова. Причём это было в усадьбе Марфино, куда мои родители вместе с Селимом Омаровичем и его супругой поехали посмотреть архитектуру. Меня на памятники возили с трёх лет. Перед Селимом Омаровичем я преклоняюсь и даже рад, что его болонка оставила на мне след, практически историко-архитектурный, ещё в таком раннем возрасте. Так что, если отсчитывать от этого момента, то до защиты докторской прошло много времени.

Могли бы вы назвать в жизни Москвы самое яркое архитектурное событие?

Трудный вопрос. Могу рассказать о том, что повлияло на меня в большей степени в Москве. Не думаю, что это было

единовременное прозрение. Но подмосковные районы, усадьбы, которые вошли в состав города, – они производят впечатление на протяжении всей моей жизни, и неважно, в каком они состоянии и какого размера. В таких усадьбах, как Воронцово, Царицыно, чувствовался романтизм истории. Именно какое-то романтическое чувство истории, которое и до сих пор ещё в городе иногда проблёскивает. Вот это оказало на меня, пожалуй, наибольшее впечатление из того, что есть в Москве, будь то постройки модерна, скромные и нескромные, как дом Рябушинского, который я страшно люблю, или вошедшие в Москву усадьбы.

Вы публикуете много книг. Но об одной хотелось бы спросить: архитектурный путеводитель по Москве, созданный вами по французскому заказу в 1997 году, не очень хорошо известен в Москве, но высоко оценён специалистами. Что это был за проект?

Возможно, ответ относится к вашему предшествующему вопросу. Эта работа поменяла для меня представление о Москве и мои чувства к Москве. Делали мы эту книгу долго, больше пяти лет, и очень большой группой: Баталов, Седов, Седова, Ревзин, Ревзина и много других специалистов – практически все историки архитектуры определённого толка, которые занимались историей архитектуры как наукой. Желание сделать этот путеводитель было продиктовано потребностью высказать научные соображения по поводу тех памятников, которые были туда включены. В книгу вошли, по-моему, все памятники, стоявшие на охране на тот момент. Такой принцип был продиктован французами. Только проработав эти пять лет, я наконец-то понял, насколько Москва замечательный город, понял, что ещё отнюдь не всё потеряно. Пусть это не цельный город, но город, который может раскрываться через почти необозримое количество памятников. И вот это заставило меня искренне и глубоко его полюбить. А работа оказалась трудная. Наши французские коллеги были очень требовательны.

Когда начали строить Новый Арбат, уничтожили часть нашего района. И наш дом тоже наполовину был снесён. Помню, как рабочие, которые строили Новый Арбат, переступали через меня и мою песочницу. Они были такие большие, а я такой маленький… Они, в больших сапогах, замазанных бетоном, почему-то не обходили мою песочницу, а шагали прямо через неё

Вы сказали о научном подходе к сбору и изложению материала. Но написана она не скучным языком, на мой взгляд, не засушена академизмом.

Как же такая наука, как история архитектуры, может быть скучна? Если она скучная, значит, она не удалась, надо писать заново. Мы очень много работали над литературной стороной этого путеводителя. И мы, и французы. Было всё переписано, почти каждое слово, но переписано лучшим искусствоведческим стилистом на сегодняшний день, живущим в Париже. Это академик Жан-Мари Перуз де Монкло – генерал де Голль от истории архитектуры. Генерал де Голль был не только генералом и президентом, но и классиком французской литературы, человеком очень большой уверенности в себе. Это всё можно отнести и к нашему французскому редактору. Он известнейший историк архитектуры, очень способный человек, безумно трудолюбивый, в одиночку создавший свод памятников архитектуры Франции. Но, кстати, он не историк архитектуры по образованию, а литератор. Пишет великолепным торжественным деголлевским французским языком. Поэтому он всё там отредактировал, хотя до этого редактировала очень старательно целая команда переводчиков во главе с Изабель Ланге. Сейчас она в ЮНЕСКО, а тогда служила в Министерстве культуры Франции, в охране памятников. Она училась в Воронеже по студенческому обмену, хорошо знает русский язык. Усилия по переводу были совершенно невероятные.

Единственное, о чём я жалею, что мы не сделали один важный вынос на обложку. Французы из экономии не разрешили нам пригласить наших художников книги, особенно авторов карт, а наняли французского художника. Если бы они его имя вынесли на обложку, то успех был бы совершенно невероятный. Этот господин был всем плох: он сделал тысячи ошибок, которые мы в последний момент исправляли. Но звали его Николя Пуссен. И если бы на обложке было написано: «Москва, нарисованная Николя Пуссеном», могли бы продать миллионы экземпляров. Работа была очень интересная, но очень тяжёлая. Она во многом поменяла мою жизнь. Второй раз я бы не решился сделать такую же вещь.

В МАРХИ много и часто приезжают гости. Что вы им показываете? Где та Москва, достойная внимания специалистов?

Мы показываем им то, что они хотят увидеть. Приходится прежде всего, и это правильно, показывать Кремль. Вот сейчас Кремль для меня стал совершенно другим. В последние годы, во многом благодаря Андрею Леонидовичу Баталову, там так много сделано и понято. Кремль для меня стал самым интересным местом в Москве, исследованным в наибольшей степени. Состояние Благовещенского собора при Иване Грозном – о чём никто раньше и не задумывался. А это, по существу, меняет представление не только об эпохе, но во многом и о развитии русской архитектуры. Или то, что привели в порядок Архангельский собор… Но наши гости, те, кто в МАРХИ приезжает сотнями из разных стран, в основном интересуются постройками авангарда. Точнее, двух авангардов – и начала века, и 1920-х годов. Кроме того, их интересует и архитектура советских 60-х.

Может ли МАРХИ что-то сделать для сохранения этих самых памятников архитектуры?

Должен, не только может. Обязан. Прежде всего, мы со следующего года переходим на другой государственный образовательный стандарт, который разработали совместно с разными архитектурными школами России. Для меня одним из важных новшеств этого стандарта является введение преподавания профессиональной этики, которая касается отношения и к человеку, и к природе, и, в первую очередь, особенно в московской ситуации, к историческим памятникам.

Каким образом? Что это может быть за предмет?

Это предмет, где студентам всё-таки будут объяснять, что можно, что нельзя, что красиво, а что нет, что морально в профессиональном смысле, а что аморально.

Этих вопросов МАРХИ сегодня не касается?

В частном порядке, естественно, касается. Преподаватели проектов пытаются это объяснять, но мы хотим, чтобы это был отдельный предмет. И в рамках лекций, где мы должны донести до них сведения о цивилизованных нормах отношения к наследию, природе, к социальным вопросам, и в семинарах, где благодаря дискуссии с преподавателями студенты смогут получить то, чего не хватает нашим выпускникам.

Это будет отдельная кафедра, спецкурс?

Это отдельный курс на кафедре истории архитектуры. Хотя должны изучаться и другие вопросы, не только с историческим наследием.

Среди ваших студентов большинство москвичей. Как же получается, что люди, родившиеся в этом городе, что-то получившие от него, его историю, атмосферу и занимающиеся профессионально этими вопросами, не работают на то, чтобы сохранить лицо города?

Тут неоднозначный вопрос. Прежде всего работать с исторической средой так, как этого требует Венецианская хартия, мы и не учим, надо это признать.

Не учим, потому что господствует и всегда господствовало представление о том, что главное для архитектора – это творческая фантазия. А реальность, с которой эта творческая фантазия сталкивается, – уже вторична, это что-то неприятное, мешающее. Конечно, нельзя сказать, что это всеобщая позиция. У нас на дипломах нередко делаются очень интересные работы для исторической среды. Но это работы, где историческая среда интерпретируется в подчёркнуто романтическом духе, а не через строгое соблюдение норм закона или отношение к истории. Безусловно, наши выпускники оказываются в ужасном положении, в силу довольно широких возможностей, которые сразу перед ними открываются.

Потому что, как ни странно, каждое поколение выпускников – это показывает статистика – получает свой шанс быстро сделать что-то в городе, хотя бы интерьеры, пусть это сразу даже не огромные заказы. Но давление денег и искушение экономическим успехом приходит к ним очень рано. Иногда ещё во время учёбы: многие одновременно работают.

А может, это вообще отличительная черта профессии, если вспомним хотя бы Баженова и Казакова?

Да, вы правы. Здесь есть элемент извечно созидательного характера профессии. А это в наше время должно измениться. Это должна быть не просто созидательная, но и охранительно-созидательная профессия.

Потому что уже изменили окружающую среду достаточно для того, чтобы теперь стремиться прежде всего охранять её ценности. Направить свой талант на то, чтобы придумать, как сохранить, мне кажется, не менее увлекательно, чем создать что-то совершенно небывалое. Тем более что, отыскивая методы сохранения в исторической среде, значительно больше шансов сделать что-то ценное, чем придумывая нечто абсолютно новое. Новое, с которым мы сталкиваемся в нашей архитектуре, очень часто вторично по отношению к Западу. И я хочу подчеркнуть: из профессии только созидательной ремесло зодчего, его деятельность должна превратиться в охранительно-созидательную. Или в сохранительно-созидательную.

С каким городом вы могли бы сравнить Москву? В чём мы выигрываем или проигрываем?

По организации транспорта мы приближаемся к столице Нигерии, там, правда, ещё более живописно. А с точки зрения исторических ценностей Москва всё-таки не уступит никакой другой столице.

Интерес за границей к Москве достаточный?

Интерес к Москве в сравнении с Петербургом – недостаточный. Петербург поражает вмиг всех иностранных туристов по одной простой причине: они в нём узнают себя. В Москве себя узнать они не могут совершенно. Они не могут понять, кто это? Что стоит за всем этим? Москва всё же остается самым ярким выражением именно российской самобытности. Нет ничего во вселенной, что бы выражало нашу идентичность в большей степени, чем облик даже меняющейся столицы. Выражая нашу идентичность, она ни на кого не похожа. А с точки зрения исторической ценности пока мы никому не уступаем, несмотря на всё происходящее.

Какие самые главные проблемы в области охраны вам видятся?

Проблема необходимости комплексного подхода к историческому наследию Москвы в целом. С использованием всех методов отношения к историческому наследию, будь то консервация, реставрация, реституция, где возможно. Сохранение среды, все методы, разработанные давно, обозначение утраченных исторических ценностей. Нам нужен генеральный план сохранения исторического наследия Москвы. Если мы хотим, чтобы были доступны все исторические богатства города для создания его художественного образа, в качестве архитектурной задачи мы должны проявить всё то, что есть, как проявляется на фотоплёнке. И здесь нужны самые разные мероприятия, в том числе контрастное проектирование, даже абсолютно новое. Я не против этого, совершенно. Я всё время подчеркиваю, что хорошая современная архитектура памятникам не опасна.

Мне кажется, это важно, кроме обычного генерального плана, если мы хотим, чтобы Москва заиграла всеми ещё возможными красками, о которых писали и Верлен, и Гамсун. Они оба считали, что города красивее нет, что Москва похожа на хвост павлина. Верлен как раз сказал, что в городе такой удивительной красоты и люди будут обладать удивительными художественными особенностями, особенные будут люди. И всегда были. И сейчас не совсем уж вымерли.

Автор: Елена Борисова
Архивные фото

«Крылья, чтобы лететь за радостью»

Однажды, после похорон брата, он сказал его дочери Наталье Алексеевне Померанцевой: «Я дарю тебе мой маленький афоризм, который согревал меня в дни тяжёлых испытаний моей жизни и который я пронёс через все свои годы: и у печали есть крылья, чтобы лететь за радостью»

Чтобы прожить такую жизнь, какая выпала на долю Николая Николаевича Померанцева, и за 95 лет не утратить умения радоваться, нужно было обладать незаурядным талантом оптимизма. Впрочем, разнообразными талантами он был наделён щедро. И все они были им так или иначе приспособлены к его главному делу – спасению культурных ценностей.

Его университеты

Н.Н. Померанцев родился 8 марта 1891 года на Ордынке, в доме рядом с церковью Святителя Николая в Пыжах. Сейчас на фасаде дома причта этого храма предполагается установить мемориальную доску в память настоятеля храма протоиерея Николая Померанцева (1860–1923) и его сына. В годы антирелигиозной пропаганды Николай Померанцев-старший бесстрашно противостоял попыткам закрыть не только свою церковь, но и соседнюю – во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

Николаю было 14 лет, и он учился в Первой московской гимназии, когда познакомился через отца, археолога по образованию, с Игорем Грабарём, работавшим тогда над «Историей русского искусства». Это были годы открытия подлинных красок древнерусских икон, с которых научились снимать поздние наслоения: начиналась эпоха научной реставрации старинной темперной живописи. Грабарь был одним из инициаторов этой деятельности. После гимназии Николай Померанцев поступил в Московский университет на отделение технической химии, где специализировался в области анализа красок. Параллельно он занимался на филологическом факультете, а на старших курсах – ещё и в консерватории, по классу композиции. Среди преподавателей был известный композитор А.Т. Гречанинов, у которого Померанцев брал уроки ещё до консерватории.

Хранитель Оружейной палаты

Когда в 1918 году выпускник университета пришёл в открывшуюся тогда живописно-реставрационную мастерскую Наркомпроса, Грабарь решил использовать уникальное сочетание его химических познаний и интереса

к древнерусскому искусству. Так Померанцев, оставив службу в отделении химической промышленности Высшего совета народного хозяйства, перешёл в Коллегию по делам музеев и охране памятников. Вскоре он стал заместителем Грабаря, возглавлявшего комиссию по учёту памятников древнерусского искусства.

Вопреки канцелярскому названию, ничего чиновничьего в деятельности этой комиссии не было. Были бесконечные экспедиции по стране – Померанцев участвовал в восемнадцати, – не просто выявлявшие и ставившие на учёт памятники русского искусства, но и спасавшие их. Церкви и монастыри закрывались, их убранство погибало, художественная ценность икон и утвари мало кого интересовала. Так было не только в провинции, экспедиции комиссии исследовали памятники по берегам Верхней Волги, Москвы-реки и Оки, затем побережий Белого моря и Северной Двины. Было что спасать и в самой Москве и её окрестностях. По инициативе Померанцева на базе древних монастырей – Донского, Новодевичьего, Троице-Сергиевой лавры, обителей в Звенигороде, Волоколамске, Новом Иерусалиме организовывались историко-художественные музеи.

В 1920 году Н.Н. Померанцев был назначен хранителем Оружейной палаты и заведующим памятниками искусства Московского Кремля. В Кремле он сделал сразу несколько крупных научных открытий: обнаружил под поздними переделками портал церкви Рождества Богородицы на Сенях XIV века, раскрыл первоначальный облик Жилецкой и Государевой палат, возглавил реставрацию собора Двенадцати апостолов и бывших патриарших палат.

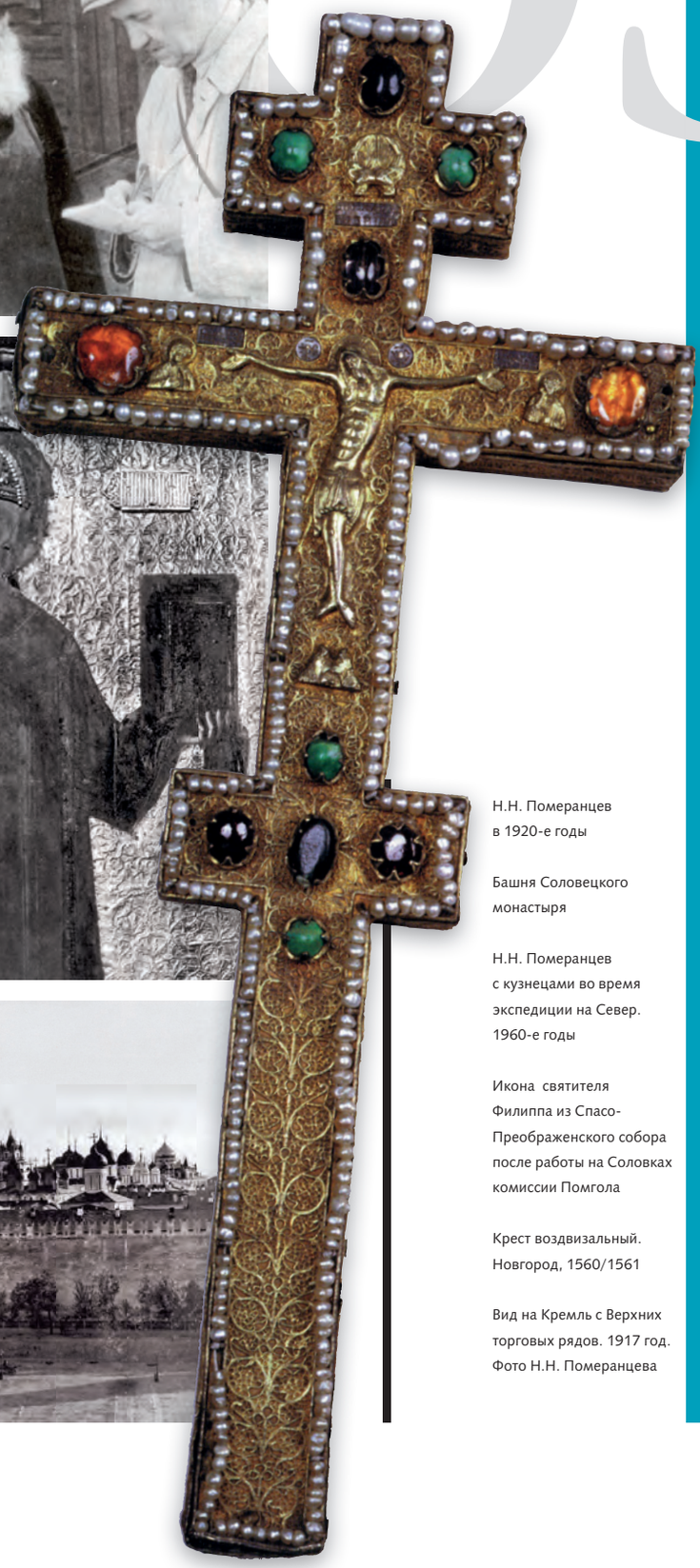
Собачка на золотой цепочке

Ему везло на открытия, потому что он умел видеть то, чего не замечали другие. Померанцев, судя по всему, был одарён интуицией от природы, а неутомимая работоспособность развивала этот талант. «Сколько раз мне приходилось переживать удивительный миг открытия, ощущения новизны находки!» – вспоминал Николай Николаевич. В 1928 году вместе с профессором В.А. Городцовым и будущим академиком Б.А. Рыбаковым, тогда студентом, он участвовал в экспедиции в Курскую область, где ещё раньше

Н.Н. Померанцев в 1920-е годы

Башня Соловецкого монастыря

Н.Н. Померанцев с кузнецами во время экспедиции на Север. 1960-е годы

Икона святителя Филиппа из Спасо-Преображенского собора после работы на Соловках комиссии Помгола

Крест воздвизальный. Новгород, 1560/1561

Вид на Кремль с Верхних торговых рядов. 1917 год. Фото Н.Н. Померанцева

Представители комиссии Наркомпроса на теплоходе в Белом море в 1922 году. На переднем плане первый слева – Н.Н. Померанцев

нашли клад золотых и серебряных вещей. Часть изделий из этого клада была им обнаружена у местных жителей: серебряная крышка от византийского сосуда хозяйственно закрывала самовар, а дворовый пёс бегал на двухметровой золотой цепи готской работы эпохи Великого переселения народов.

Его племянница Н.А. Померанцева, записавшая с его слов многие яркие истории, передаёт рассказ Николая Николаевича о том, как он перевозил эти раритеты: «В руках у меня был старый дорожный саквояж. Извозчик, снисходительно оглядев меня, спросил: «На станцию что ли?» Думал ли он, что у меня, более чем скромно одетого человека в сильно поношенном пальто, находятся в дорожном саквояже несметные сокровища… Ведь время тогда было неспокойное, вседозволенность грабежа после октября семнадцатого могла обернуться потерей драгоценных памятников». «Готский клад» вошёл в собрание Оружейной палаты.

Соловецкое собрание

Опасность, грозившая памятникам культуры от простых уголовников, была не главной. Куда страшнее оказалась деятельность тех органов, которые занимались реквизицией имущества церквей и монастырей. В 1920 году стало известно, что в Соловецком монастыре на Белом море побывали представители секретного оперотдела архангельской ГубЧК и реквизировали 59 предметов, среди которых кроме церковной утвари были две исторические реликвии: сабля князя Д.М. Пожарского и палаш князя М.В. Скопина-Шуйского (сейчас они в экспозиции Исторического музея).

Хотя в архангельский Губисполком было отправлено охранное свидетельство на Соловецкий монастырь «как памятник выдающегося художественного значения, находящийся под охраной правительства», это не помешало появлению на островах весной 1922 года комиссии по изъятию церковных ценностей в Помгол (Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК). Музейная комиссия Наркомпроса срочно отправила на Соловки своих сотрудников: П.Д. Барановского, Н.Н. Померанцева, А.В. Лядова. Ещё раньше из Петрограда был направлен эксперт Главмузея художник М.П. Мошков.

Предметы, реквизированные комиссией Помгола, должны были поступить в Гохран, где рассматривались лишь как источник драгоценного сырья. Не случайно они обрабатывались специально созданной комиссией по обезличению и сортировке ценностей. Их надо было вызволять из Гохрана, ещё лучше – помешать комиссии Помгола вывезти то, что она успела изъять.

Прибыв в монастырь 27 мая, эксперты обнаружили пугающую картину. «При снятии риз, очевидно, вследствие спешности, произведены значительные повреждения живописи и левкасного слоя на иконах… Особенно подверглась разрушению фреска Знамения Божией Матери над Западным входом в Преображенский собор 16 века (1548–1566 гг.). Для снятия серебряной ризы с указанной фрески Комиссия прибегла к совершенно непонятному новому способу удаления путём ломки каменной стены, на которой была написана фресковая живопись, вместо обычного способа снятия ризы с лицевой стороны», – писал в отчёте председатель комиссии Главмузея Н.Н. Померанцев.

Чтобы Гохран отдал музейные ценности Соловецкого монастыря, потребовалось постановление Совнаркома (9 августа 1922 года) и ВЦИК (24 августа 1922 года). 26 сентября Н.Н. Померанцев наконец получил мандат на откомандирование в Гохран для «экспертизы и отбора ценностей, вывезенных из ризницы Соловецкого монастыря ввиду исключительного их художественно-исторического значения». Почти всё удалось спасти, хотя многие вещи пришлось реставрировать.

Но в монастыре оставалась ещё часть сокровищ, неинтересных Помголу: ризы, рукописи, грамоты, иконы. Они были перенесены в ризницу и остались там до следующей экспедиции, с которой нужно было спешить: Соловецкий монастырь передавался в ведение ГПУ и должен был превратиться в концлагерь. Эта экспедиция, снова с участием

«Комиссия <Помгола>, направляя эти вещи, находит, что она не соглашается с экспертом в отношении передачи их в Главмузей, так как они больше составляют по своей материальности ценность, что они не могут дать этой ценности с художественной стороны… что подписями и удостоверяем»

Н.Н. Померанцева, прибыла на Соловки после страшного известия о пожаре, уничтожившем изнутри Успенский собор и трапезную палату. Из всех помещений, соединённых общей папертью, уцелела только ризница со всеми сокровищами. Они были переданы в Государственный музейный фонд.

Впрочем, и на месте осталось кое-что, вошедшее позднее в экспозицию Соловецкого музея. На вопрос исследовательницы древнерусского искусства Т.М. Кольцовой, почему он не всё тогда вывез, Николай Николаевич ответил так: «Я знал, что мне скоро придётся там срок отбывать, вот и обеспечил себя работой на будущее».

«Однажды в сарае Смоленского музея я обнаружил псалмопевца Давида с гуслями, который был осуждён провести остаток дней своих в этой темнице… Не менее печальна была и участь Параскевы Пятницы XV века из Галича, которая «жила» на свалке старых бочек. Более достойное применение нашла себе резная сень XVII века, ею было забито окно Благовещенской церкви в Каргополе»

Ссыльный садовод

С местом ссылки Померанцев ошибся. «В 1934 году, в период сноса ряда памятников в Москве, я был выслан в город Вельск Северного края, сроком на три года. Защита таких памятников в Москве, как Сухарева башня, Красные ворота, Триумфальная арка 1812 года и ряда храмов в то время была поставлена в вину некоторым специалистам, сотрудникам мастерской, в том числе и мне. В городе Вельске я работал чернорабочим на подённых работах Горсовета. В свободное от работы время занимался собиранием материалов по местному народному творчеству, а также восстанавливал по памяти события 1918–20-х годов и свои записи по древнерусскому искусству, так как знал, что моя вторая жена после моего ареста уничтожила весь собранный мной архив».

Николай Николаевич назвал не все свои занятия в Вельске. Он начал с должности руководителя оркестра в местном Доме культуры и относился к этому очень серьёзно (пригодилось консерваторское образование). Неизвестно, почему ОГПУ запретило Померанцеву его музыкальные занятия, и он получил временную работу «в качестве подённого рабочего по посадке деревьев и очистке дорожек в Вельском городском саду». Но и к этой случайной должности он отнёсся основательно. В его архиве сохранились удивительные документы: подробная программа озеленения города, с которой он обратился к местным властям, и эскизы планировки парка с цветниками и клумбами, для которых он собственноручно собирал семена в окрестных деревнях. Программа была принята. Ссыльный чернорабочий Померанцев получил в помощь двух работников и сарай для инструментов и рассады. Через два года хозрасчётное хозяйство, выращивавшее в парниках и теплицах рассаду для всего района, отчитывалось о прибыли: «За летний период 1936 года Домом соцкультуры было продано цветочной рассады и выручено за устройство цветников около 1600 руб.»

От Царицыной палаты до ростовских звонов

После Вельска Н.Н. Померанцеву пришлось жить в Зарайске, затем в Калуге. Только в 1947 году ему было разрешено вернуться в Москву. Он был назначен главным инспектором комиссии по охране памятников Комитета по делам искусств и начал составлять Государственный список памятников монументальной скульптуры в СССР. Это была первая паспортизация памятников в стране.

Продолжалась череда научных находок. Будучи в 1968–1980 годах председателем комиссии и научным консультантом по реконструкции и реставрации Большого Кремлёвского дворца, он сделал множество открытий, которые помогли вернуть памятникам Кремля их первоначальный вид – от резного белокаменного столба с барельефами в Грановитой палате до живописи в Золотой царицыной палате.

Отдельной главой должен бы стать рассказ о деревянной скульптуре, которая была любимым коньком Померанцева. Он практически вернул России целый огромный пласт национальной культуры, до него почти не известный: находил памятники в своих бесчисленных экспедициях, изучал их, публиковал, добился организации в реставрационной мастерской имени И.Э. Грабаря специального отдела реставрации скульптуры.

Даже восстановлением утраченной было культуры колокольных звонов мы во многом обязаны Н.Н. Померанцеву. В его архиве, находящемся в ВХНРЦ, хранятся свидетельства этого особого интереса: записи по истории и технологии литья колоколов, информация о сплавах, замеры, сведения о ладе и настройке колоколов, нотные записи звонов. И первая грампластинка «Ростовские звоны», вышедшая благодаря его усилиям…

Везучий человек

Возраста для Н.Н. Померанцева не существовало. На восьмом десятке он, как и в молодости, постоянно ездил в экспедиции – ведь работы по спасению памятников культуры не убавлялось. После одной командировки на Север вернулся в Москву, по воспоминаниям близких, «необычайно счастливым и каким-то озарённым».

Спустя тридцать лет после вельской ссылки Николай Николаевич встретил ту, которой когда-то не решился сделать предложение: она была молодая девушка, а он – сорокатрёхлетний вдовец, больной туберкулёзом административно-высланный человек, да и на пороге – 1937 год. Услышав это теперь, Галина Евгеньевна Митрофанова ответила: «Да как же вы не поняли тогда, что я бы за вами на край света пошла! Сколько же лет мы потеряли!» Они поженились и прожили в счастливом браке больше 20 лет.

В 1986 году Николай Николаевич Померанцев отметил свой последний день рождения – 95-й. В те дни он часто повторял: «Конечно, я счастливый и везучий человек! Ведь всю жизнь занимался и продолжаю заниматься именно тем делом, которое мне дорого. А, согласитесь, это удаётся не каждому».

18 июня 1986 года Н.Н. Померанцева не стало. Он похоронен на мемориальном кладбище Донского монастыря, в семейной могиле Померанцевых.

Автор: Ирина Комарова
Архивные фото

От «куриозных вещей» до австрийской модели

Охрана предметов старины зародилась задолго до того, как возникло понятие «памятник истории и культуры». Старинные вещи сохраняли из-за их сакрального значения, художественной ценности или уникальности. На развитие законодательства влияла не только отечественная история, но и общеевропейские тенденции. В 1915 году в России был выработан первый комплекс законов, направленный на охрану памятников, но утвердить его не успели

Положения 1915 года легли в основу законодательства по охране памятников первых лет советской власти. И разрабатывали его, и возглавляли охрану после 1917 года те же специалисты, что и до революции – И.А. Бондаренко, И.Э. Грабарь, К.К. Романов и другие. Интересно, что для многих людей и по сей день охрана памятников в первую очередь связана с зодчеством. Это объясняется высоким уровнем архитектуры рубежа XIX–XX веков и как следствие – развитием архитектурного сообщества. Его мечты об улучшении состояния охраны, казалось бы, близки к осуществлению. Однако разрушение памятников и после 1917 года происходило в не меньшем масштабе, а в ряде случаев – в большем.

В чём же дело? Сводить всё к врождённому негативному отношению народа к своим памятникам неправомерно, как нельзя всё сваливать на большевиков. Достаточно выйти на Ильинку и посмотреть на памятники архитектуры, построенные знаменитыми зодчими, разрушившими блистательный ансамбль, в который когда-то превратил эту улицу знаменитый Матвей Казаков. А Казаков, в свою очередь, создавал его на месте средневековой застройки. При этом великим зодчим были уничтожены несколько древнейших церквей.

Кроме того, чтобы охрана памятников стала потребностью обывателя, необходимо было не только повышение жизненного уровня и образования, о чём заявляли многие общественные организации в своих отзывах на очередной проект закона, но и развитие строительства. Вряд ли при бедственном положении народа большая часть российских губерний могла серьёзно относиться к указам об охране памятников.

О «куриозных вещах»

Ряд исследователей относят зарождение охраны памятников ещё к Псковской судной грамоте 1467 года, но это уже явная натяжка. Некоторые историки справедливо указывают, что их охране способствовало Соборное уложение 1649 года, принятое царём Алексеем Михайловичем, которое регламентировало строительство, противопожарные мероприятия и ремонт городских строений. Чаще историю этого законодательства начинают с Петра Великого.

Самыми ранними законами по охране памятников стали указы Петра, посвящённые «куриозным вещам» (1704, 1718 годы): «О приносе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей во всех городах к губернаторам и комендантам, о даче за принос оных награждения и о штрафе за утайку». Они составили первую группу из четырёх. Подобные указы издавались не раз на протяжении XVIII века и при потомках Петра I.

Ко второй группе можно отнести указы этого периода, относительно предметов, обнаруженных в могилах, курганах и кладах. В 1718 году Пётр распорядился зарисовывать эти вещи «как что найдут». В этом же году по царскому указу в зданиях бывшего Казенного двора в Кремле было устроено нечто вроде музея фамильных драгоценностей русских монархов. То, что сегодня называют «движимыми памятниками», собиралось и в частных коллекциях. Так, находкам в захоронениях, тайниках, например наконечникам копий и стрел, приписывалась мистическая сила, и они сберегались в руках частных владельцев, часть же раритетов (это касалось золотых и серебряных вещей) переплавлялась, и они должны были стать предметом охраны. С этим было связано ещё несколько указов: на запрос губернатора Сибири, что делать, если обыватели заявляют о находке золотых изделий, первоначально поступило распоряжение их закупать по цене золота, не переплачивая (1720 год), а чуть позднее – велено помимо стоимости металла выплачивать за ценность вещи и докладывать

На Ильинке памятники архитектуры построены знаменитыми зодчими, разрушившими блистательный ансамбль, в который превратил эту улицу великий Матвей Казаков. А Казаков, в свою очередь, создавал его на месте средневековой застройки, уничтожив при этом несколько древнейших церквей

государю. Третья группа указов появилась в связи с созданием научного исследования по истории России. Начался поиск и собирание рукописных книг: «…Во всех монастырях, обретающихся в Российском государстве, осмотреть и забрать древние жалованные грамоты и другие куриозные письма оригинальные, также книги исторические, рукописные и печатные, какие где потребные к известию найдутся». Кстати, почти все летописи, доставленные в Синод по указу 1722 года, хранятся сейчас в Историческом музее.

Кроме летописей, было велено «старые монеты, каменья хорошие, которые по старому обычаю не огранивали и сим подобное… дабы то всё принесли в Синод, где мочно разобрать, что не куриозное, отдать им, что куриозное деньги дать достойной цены».

По этому указу косвенно можно вычислить возраст, с которого предмет считался памятником древности, – 100 лет: «А особливо таких вещей много в Троетском и иных монастырях, которые не были в Московское разорение за поляки». Кстати, вопрос о том, с какого времени предмет может считаться памятником древности, так и не был решён для русского законодательства до 1917 года.

Новизна четвёртой группы указов – строительных – не была столь очевидной: эта отрасль деятельности издавна регламентировалась. Строительные указы петровского времени (около 30) были направлены на решение следующих проблем: создание системы управления строительством, его материальное обеспечение, сооружение кирпичных заводов и т.п., регулирование застройки и благоустройство, противопожарные меры.

«Для предупреждения дальнейшего вреда»

Обилие собранных данных, конкретизация историко-географических представлений, начало формирования государственной и частных коллекций сказались и на отношении к памятникам архитектуры. Первые известные указы, относящиеся к древним архитектурным сооружениям, также связаны с именем Петра I. Один из них касался поддержания Булгарских строений: «…Отправить немедленно к остаткам разорённого города Булгар несколько каменьщиков с довольным количеством извести для починки повреждённых и грозящих упадком строений и монументов, пещись о сохранении оных, и на сей конец всякий год посылать туда кого-нибудь осматривать для предупреждения дальнейшего вреда».

В царствование Петра I была заложена ведомственная основа управления строительством: наблюдение за выполнением архитектурных норм было возложено на полицию. Строительной же частью попеременно ведали различные организации, прежде всего Канцелярия от строений, переименованная в 1737 году в Комиссию от строений. Основная часть зданий, которые нами расцениваются как памятники, в XVIII веке таковыми не считались, следовательно, находились в рамках строительного законодательства.

«Для сохранения вида древности»

После смерти Петра I продолжали набирать силу многие учреждения, возникшие в его правление или задуманные им: Академия наук, Кунсткамера, Академия художеств, которые создали предпосылки для дальнейшего развития интереса к памятникам, сформировали сообщество, интересующееся своей историей.

Особенность российской археологии состояла в том, что изучение памятников древности началось с окраинных районов, преимущественно Сибири (в Европе – с классической, то есть античной археологии).

На первом этапе развития охраны памятников древний предмет был выделен из группы естественно-исторических «куриозных» вещей, и началось его осмысление как свидетеля истории; из движимых памятников, которые начали разделять на группы, наибольший интерес вызывали

монеты и письменные источники. Последние делились на рукописные, хранимые в монастырях, и на надписи на камнях. В надписях и книгах ценными считались сведения, заключённые в них.

Развитие охраны памятников архитектуры интенсивнее всего велось в годы усиленной строительной деятельности. Яркий тому пример – указ Елизаветы Петровны 1750 года о сохранении Золотых ворот в Киеве.

Ещё в 1743 году высочайше указано было «…в самой крайней скорости в Верхнем городе Киеве валганг и выход, как потребно починить и исправить, сделав для твёрдости каменный фундамент, но под Золотыми проезжими воротами церковных стен, которые из древних более пятисот лет стоят, не ломать». В ответ на отчёт военного инженера Дебоскета, отмечавшего плохое состояние ворот и предложившего их снести, вышло постановление Сената: «…вместо оных ворот построить вновь другие в пристойном месте… каменные… однако оные несравненно против деревянных прочнее быть могут, а те прежние в починку негодные и состоящие не в подлежащем месте ворота, дабы имеющиеся на них старые церковные стены и своды для сохранения вида древности по-прежнему остаться могли, надлежит засыпать внутри из сторон землёю крепко». Этот указ – первое постановление о сохранении внешнего вида памятника древности. Впоследствии вышло несколько указов, направленных на сохранность облика Екатерининского дворца (1745), колокольни Ивана Великого (1759), Бахчисарайского дворца, села Булгар.

Екатериной II была начата перепланировка городов в крупных масштабах. Так, в 1763 году были составлены планы для перестройки 123 городов. Это повлияло на возникновение интереса к зданию как памятнику старины: сохранялась тенденция к максимальному сохранению казённого фонда даже при самых широких масштабах перепланировки.

В царствование Елизаветы при создании исторического атласа разыскивались дополнительные документы о различных объектах, в том числе церквах и монастырях, а в эпоху Екатерины II землемерам предложено было фиксировать обнаруженные ими древние сооружения. Всё это способствовало накоплению исторических сведений о старинных зданиях. Своего научного значения эти фиксации не потеряли и в XX веке.

Любовь к древности

В последнюю четверть XVIII века, время господства классицизма, внимание исследователей привлекли античные города Причерноморья, ставшие археологическими центрами. Раскопки заинтересовали и общественность. Находки доставлялись в Петербург, менее ценные пополняли открывавшиеся южные археологические музеи. Значительная часть вывозилась за границу, так как ограничений не существовало.

В это время издаются первые переводные пособия по изучению древностей, создаётся сообщество архео-

логов и историков-любителей, которые могли распространять идеи сохранения памятников культуры. Это во многом определило предпосылки к созданию в XIX веке законодательства по охране памятников.

Общий интерес к отечественным древностям в первую очередь проявился в отношении Москвы, состоянию отдельных сооружений которой посвящён ряд документов. В императорском указе 1805 года говорилось: «1. По общему правилу, мною принятому, чтоб памятники древности в Москве сколь можно были сохраняемы,... стену Китай-город окружающую,... поддержать в её целости нужными починками». Во 2-м пункте рассматривался вопрос о повреждённых местах Камер-Коллежского вала и указывалось, что часть его «была бы приведена в первобытное её состояние». До этого указа понятие «памятник древности» в юридической литературе не встречается.

Постановления об охране Китайгородской стены и кремлёвских зданий выходили множество раз, дополняясь в соответствии с представлениями своего времени.

После войны 1812 года

Отечественная война 1812 года стала рубежом в развитии охраны памятников. Гибель большого их числа активизировала стремление сохранить оставшееся. Для восстановления картин, пострадавших во время военных действий, при Эрмитаже в 1819 году под руководством А.Ф. Митрохина была создана школа реставрации масляной живописи.

Один из послевоенных указов должен был отразиться на состоянии архитектурной реставрации. Он касался выделения денежных сумм «на исправление соборов, церквей, монастырей... в Москве, ея уездах и в других губерниях». Скорее всего, проводившиеся на отпущенные средства работы не были реставрационными – не хватало специалистов. Однако ремонтно-восстановительные работы в столь больших масштабах способствовали накоплению опыта.

Возросший интерес просвещённой части общества к истории своей страны способствовал во многом и охране памятников. Так, путешествуя по Крыму в 1819 году, драматург В.В. Капнист, повсеместно видевший разрушение остатков старины, написал об этом министру народного просвещения А.Н. Голицыну. Письму его был дан ход, в 1821 году академик Г.К. Кёлер и архитектор Е.Ф. Паскаль были посланы для осмотра древностей в Крыму. Вернувшись, они подали правительству записку о состоянии памятников, которые подразделялись на две группы. В первую входили те памятники, которые нуждались в реставрации, после чего они приобрели бы тот же вид, что и до разрушения. Таковы были укрепления Мангуп-Кале, Балаклавы, мечеть в Евпатории и многие другие. Ко второй группе были отнесены руины, которые восстанавливать невозможно, но требующие консервации, после чего они «могут существовать целые века». Это развалины античных зданий и гробниц около Керчи, Херсонеса.

Было издано постановление, в котором впервые намечался конкретный план мер по обеспечению охраны целой группы крымских памятников, не являвшихся религиозными центрами и не имевших отношения к царской фамилии.

Кроме работ, предполагающих консервацию, относительно новым для памятников архитектуры в России был такой вид охраны, как издание альбомов с описанием и рисунками всех древностей Крыма, то есть их каталогизация.

Заложена основа

В начале XIX века были законодательно закреплены все слагаемые охраны памятников, совершенствовались научно-исследовательские работы по их изучению и классификации, началась регистрация памятников архитектуры и публикация сведений о них. В сфере законодательства развитие получили только акты, касающиеся архитектуры.

Наряду с существовавшей ранее реставрацией живописи и скульптуры началась реставрация и консервация памятников архитектуры. Стала развиваться и популяризация памятников – но силами исключительно общественных организаций, а не государства.

В 1826 году была заложена та основа, на которой базировалась вся последующая система охраны памятников в России. Одним из основных документов был указ «О правилах устроения церквей». Им устанавливались нормы перестройки и ремонта, а также утверждения проектов. Вид финансирования делил объекты на две группы: первая субсидировалась государством, вторая – за счет личных вкладов. В обоих случаях необходимо было утверждение проекта в Строительном комитете Министерства внутренних дел, для чего требовалось «...при доставлении плана и фасада оной <церкви> прилагать и подробное описание, как она была до повреждения, в чём и каким образом положено её исправить или переменить». В дальнейшем все положения были внесены в Строительный устав. В том же году вышел именной указ «О доставлении сведений об остатках древних зданий в городах и о воспрещении разрушать оные». Он касался преимущественно замков и крепостей. Списки, ставшие результатом долгой работы, не получили характера свода памятников. Не было определено, какого рода ответственность возлагается за разрушение таких объектов. Не ясен был смысл, вкладываемый в термин «здания древности».

Постановление было воспринято с энтузиазмом: пришло много запросов о дозволении чинить подобные здания по сделанным на местах сметам. На это был получен ответ, что «разрушать их не должно, но и чинить ненужного не надобно, а поддерживать одни ворота, или такие здания, в которых есть нужные помещения». Главным для всякого сооружения была возможность его использования в дальнейшем. Поэтому наряду со стремлением юридически оформить охрану памятников архитектуры разрушение их продолжалось, что вызывало новые и новые постановления.

Запретить нельзя разрешить

В 1830-е годы под руководством М.М. Сперанского была закончена работа по составлению Свода указов Российской империи. Все указы, касавшиеся регламентации строительных работ, а также охраны древних зданий, вошли в новый Строительный устав, который не имел стройной системы. Точнее всего характеризует устав запись в дневнике министра внутренних дел П.А. Валуева: «О наших законах Сперанский отзывался, что их надлежит писать неясно, чтобы народ чувствовал необходимость прибегать к власти для их исполнения.

Гр. Блудов присовокупил: "Это впрочем, была не его мысль, а мысль покойного государя"». Похоже, что это соответствовало действительности, так как и указы по охране, и весь Строительный устав допускали много толкований, так что нельзя было с уверенностью сказать, всё ли то разрешено, что не запрещено, или всё то запрещено, что не разрешено.

В отличие от английской модели, в которой созданы предпосылки для того, чтобы разрушение памятников было экономически невыгодно, австрийская модель требует постоянного выделения средств на охрану. Как только денег становится недостаточно или исчезает жёсткая централизация, охрана возвращается к исходному состоянию

Что есть древнее здание?

В основу Строительного устава в части охраны легло постановление 1826 года о сборе сведений о памятниках древности. Неясное представление о том, что есть древнее здание, когда не всякий архитектор мог отличить постройку петровского времени от елизаветинской, александровской и т.п., требовали составления списков таких древних зданий. Эту работу возглавило Министерство внутренних дел. На протяжении XIX века указы 1826 года постоянно дополнялись, но свода законов в этой области так и не было составлено. Очень остро стоял вопрос о сохранении церковных памятников. В 1840-е годы после поновления древней живописи в одном из соборов без уведомления о том вышестоящего начальства вышел царский указ о сбережении церковных памятников. Через год Синод указом подтвердил всем архиереям, чтобы «ни под каким предлогом в древних церквах не дозволялось ни малейшего исправления, возобновления и изменения живописи и других предметов древнего времени» и всегда испрашивалось на то разрешение Синода.

Все постановления, относящиеся к церковному строительству, были ещё раз повторены в Строительном уставе 1857 года и позднее повторялись неоднократно. Тем не менее случаи, когда служители церкви губили памятники, всё учащались. В 1872 году А.С. Уваров, председатель Московского археологического общества, обратился в Синод с письмом по поводу варварского искажения облика храма Покрова на Нерли, починку которого взяла на откуп местная строительная артель. Все стены и купол были закрашены масляной краской, погубившей древние фрески. В этой связи вышло новое определение Синода, которым епархиальные власти обязывались производить переделки и исправления памятников старины не иначе как по соглашению с одним из археологических обществ. В 1870-е годы в России действовали своды актов, регламентировавшие некоторые отрасли охранной деятельности: Строительный устав, Устав Духовной консистории и Городовое положение. Так, в Городовом положении 1870 года было постановлено, что на городские средства содержатся городские общественные здания и памятники, хотя более ранними указами эта обязанность возлагалась и на Министерство внутренних дел, и на Министерство путей сообщения.

Необходимость эффективного законодательства по охране памятников была очевидна, проекты предлагались различными обществами, учреждениями и отдельными лицами.

Нерешённые вопросы

В 1859 году была создана Императорская археологическая комиссия, которая к началу XX века стала крупнейшим учреждением по сохранению памятников. К этой деятельности привлекались всё новые ведомства. Так, в 1854 году наблюдение за остатками древних сооружений и их сохранением возлагалось на губернские и областные дорожные строительные комиссии. Было намечено территориальное разделение системы охраны памятников.

Нагляднейший пример невозможности выполнить требования нормативных актов – дело о реставрации Казанского кремля. Здания на его территории принадлежали различным ведомствам: Спасо-Преображенский монастырь с прилегающей к нему стеной – духовному, часть гражданских построек – военному, а стена и башня Сююмбеки находились в ведении городского управления. После ходатайства казанского губернатора о разрешении реставрации кремля в 1890 году и составления проекта обнаружилось, что субсидировать работы некому. Переписка между ведомствами тянулась 19 лет, после чего министерство финансов в 1909 году выделило 8 тысяч рублей на починку двух башен.

В 1883 году статья 181 Строительного устава, которая строжайше воспрещала разрушать остатки древних замков, крепостей, памятников, была дополнена определением наказания: «За порчу или истребление, а равно за искажение публичных

памятников виновные, если они не имели намерения оказать неуважение властям, подвергаются: аресту не свыше одного месяца или денежному взысканию свыше ста рублей».

В статье 206 регламентировались перестройка и восстановление древних церквей, то есть построенных не позже XVIII века, а также не древних, но замечательных своей архитектурой или историческими воспоминаниями. Указано, что это не может решаться епархиальными архиереями. Однако статья 213 противоречит этому: «Починка в церквах и колокольнях: поновление иконостасов, обшивка зданий, поправка полов, крыш и пр. разрешаются епархиальным начальством без требования архитекторских планов, кроме тех случаев, когда они нужны по свойству работы».

Статья 208 определяла стилистику архитектурного сооружения: «При составлении проектов на постройку православных церквей преимущественно и по возможности должен быть сохранён вкус древнего византийского зодчества». Существенным вкладом в законодательство по охране памятников были указы местной губернской власти. Они часто дополняли и расширяли рамки действующего законодательства исходя из местных условий.

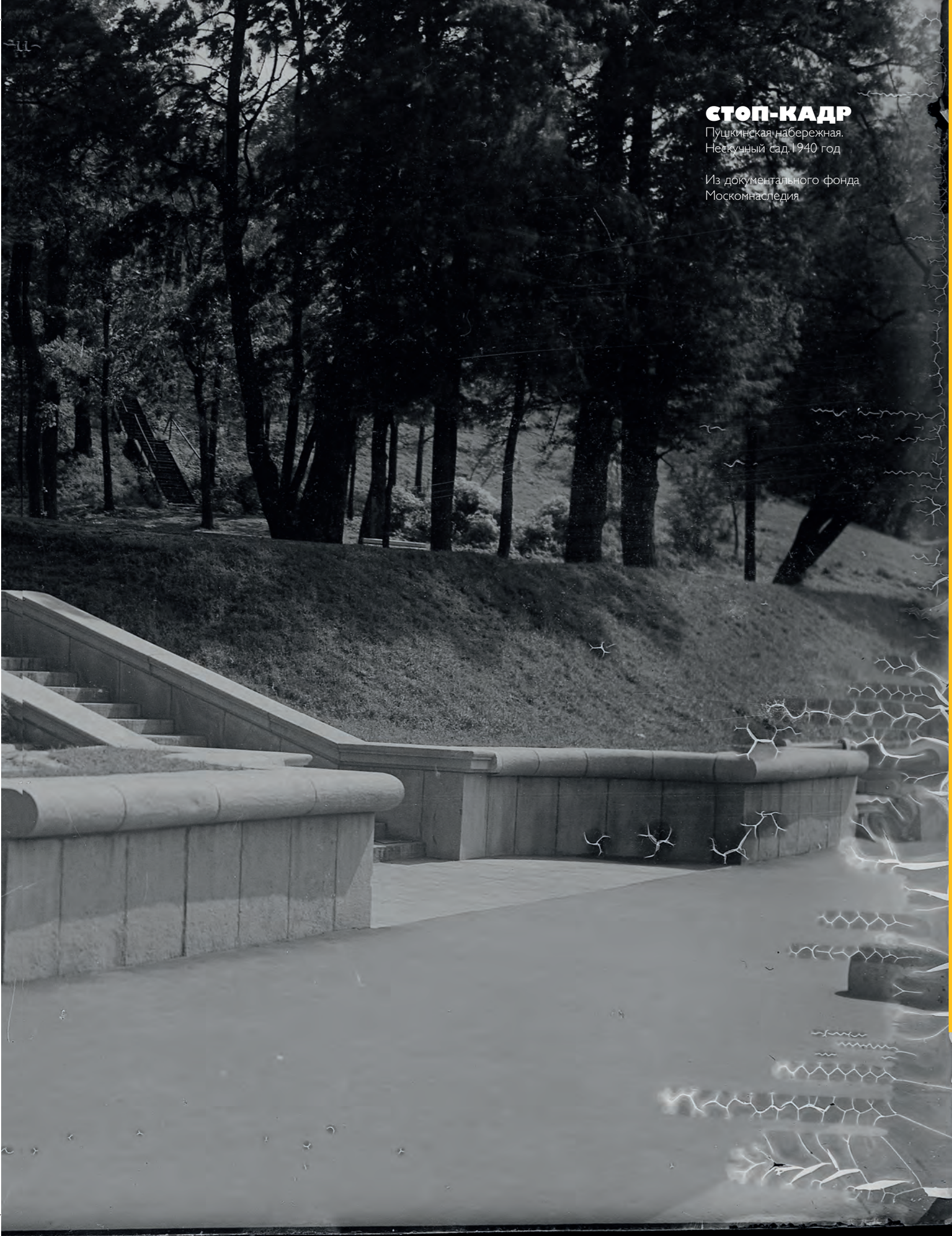
Периодическая печать активно отмечала все случаи гибели памятников. Ею неоднократно выдвигались требования организации охраны. В итоге вновь был поднят вопрос регистрации памятников. Губернаторам предлагалось обеспечить доставку в министерство точных списков построек с их полным описанием и фотоснимками. Отчёты поступили из 80 губерний и областей. В них было указано 2456 древних памятников и сооружений. Список был неполон, но работа по описанию памятников способствовала возбуждению интереса к ним и подготовила появление новых предложений по совершенствованию дела охраны.

События Русско-японской войны приостановили все эти работы. Деятельность комиссии возобновилась лишь в 1908 году под руководством архитектора и историка Н.В. Султанова. В 1908 году на XIV археологическом съезде были выработаны «Меры к охранению», предлагавшие национализацию памятников архитектуры, но вопрос тогда остался нерешённым.

Австрийская модель

Новый этап законодательной работы относится к началу П ервой мировой войны. В 1915 году был подготовлен первый проект «Мер по охранению памятников». В его обсуждении приняли участие многие научные общества. Однако и этот проект тогда не был реализован. В его основу легла австрийская модель охраны памятников – с жёсткой централизацией. В отличие от английской модели, в которой созданы предпосылки для того, чтобы разрушение памятников было экономически невыгодно, австрийская модель требует постоянного выделения средств на охрану. Как только денег становится недостаточно или исчезает жёсткая централизация, охрана возвращается к исходному состоянию.

СТОП-КАДР

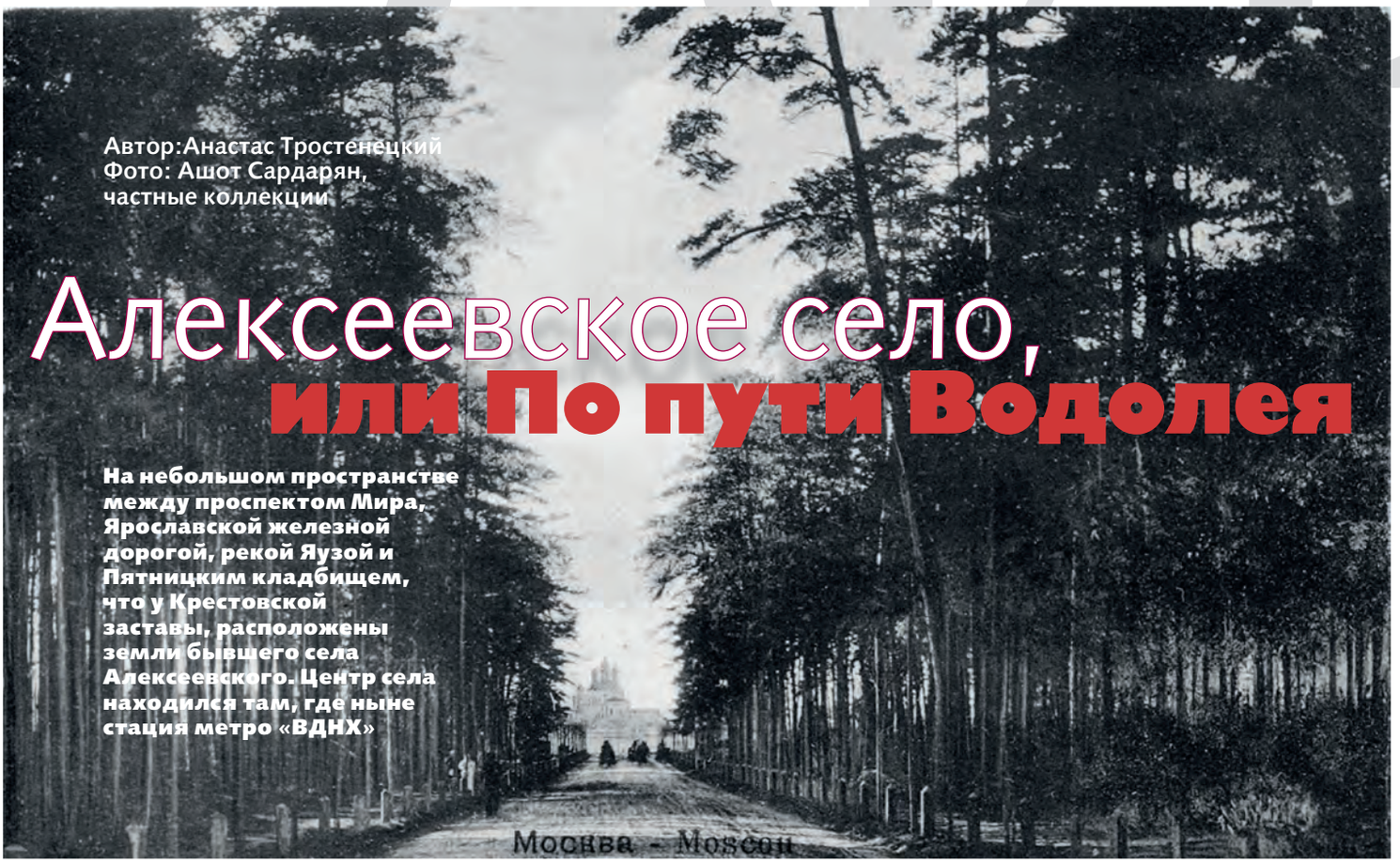
Пущкинская набережная.
Нескучный сад. 1940 год

Из документального фонда
Москомнаследия

Автор:Анастас Тростенецкий
Фото: Ашот Сардарян,
частные коллекции

Алексеевское село, или По пути Водолея

На небольшом пространстве между проспектом Мира, Ярославской железной дорогой, рекой Яузой и Пятницким кладбищем, что у Крестовской заставы, расположены земли бывшего села Алексеевского. Центр села находился там, где ныне стация метро «ВДНХ»

О названии древнего села напоминают имена улиц Староалексеевской и Новоалексеевской у станции метро «Алексеевская». Здесь сохранилось около двух десятков сооружений царских времён и примерно столько же – советского периода.

Село было основано в XIV столетии и принадлежало роду Плещеевых, у которых оно было конфисковано Василием I и отдано боярину Фёдору Свибло. Он завещал село Чудову монастырю. Со временем монахи выменяли село у царя Иоанна Грозного на другие земли. Первое название – Олексеевское – изменилось со временем на Копытово, а в середине XVII столетия вновь вернулось, слегка изменив написание – Алексеевское.

О жителях села

В 1621 году царь Михаил Фёдорович дарит Копытово воеводе, спасителю Отечества, князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому, главе первого народного ополчения. Князь строит здесь храм Алексия Римлянина, человека Божьего, «во испрошение детей». Князь умер бездетным, завещав имущество супруге, по кончине которой село было присоединено к царским вотчинам. В 1662 году царь Алексей Михайлович начинает здесь строительство путевого дворца и закладывает ещё один храм – во имя Тихвинской иконы Божьей Матери, который дожил до наших дней и является самым старым зданием на этом месте.

За два последующих века обитатели села перестали заниматься землепашеством и промышляли в основном извозом, поставкой в Москву сена и дров, заводили ткацкие производства и красильные мастерские. К началу XX столетия Алексеевское вошло в полицейскую черту Москвы и представляло собой самый многочисленный её пригород – с населением почти 20 тысяч человек. У берегов Яузы с селом сливался фабричный посёлок ростокинских текстильных предприятий, а за рекой было сельцо Ростокино.

Жили в Алексеевском и москвичи, но в основном – приезжие из Ярославской губернии. По роду занятий это были половые, извозчики, приказчики, а также гравёры и художники, жестянщики и мебельные мастера. Из крупных предприятий было несколько текстильных фабрик и мастерских по изготовлению петард и фейерверков, Алексеевская водопроводная станция. Главными достопримечательностями села считались Тихвинская церковь и ресторан «Чепуха» — своеобразный аналог ресторана «Яр» в Петровском парке.

В советское время после учреждения поблизости Всесоюзной сельхозвыставки невзрачные сельские домики уступили место помпезным домам, являющим собою своеобразный заповедник советского домостроения 1930–1970-х годов.

Как обычно, историческим дополнением к сохранившимся сооружениям являются топонимы. Переулки Графский, Водопроводный, Дроболитейный, Зубарев и Кулаков – память о титулах, предприятиях и землевладельцах; Кучин переулок – о неблагоустроенности местности (по кучам мусора; до переименования в 1922 году назывался по

той же причине Грязным переулком); улица Касаткина названа в память о художнике-передвижнике Николае Алексеевиче Касаткине, жившем неподалёку, в Ростокинском проезде, 3.

Старая Алексеевская

Выйдя из круглого павильона станции «Алексеевская», достаточно обойти его против часовой стрелки и спуститься по пандусной лестнице вниз, чтобы обнаружить во дворе маленький деревянный двухэтажный домик с вывеской юридической конторы (Староалексеевская, 4). Каким-то чудом он сохранился среди новой застройки и заодно сберёг память об одном из известных жителей этого района – замечательном графике, офортисте и монументалисте Игнатии Игнатьевиче Нивинском. Именно здесь находилась его офортная студия, которую после кончины художника в 1933 году его вдова Эмилия Вацлавовна передала Союзу художников. Студия с 1934 года носит имя мастера. За домом проходит Староалексеевская улица, где можно увидеть ещё несколько старых домов бывшего села. Во владении 8 ранее располагалась фабрика жестяных икон, в избе (дом № 15А) – постоялый двор и депо ассенизационных обозов. И самое большое здание – двухэтажный, с деревянным вторым этажом, дом № 24 – шпулечная фабрика и гранитная мастерская по изготовлению надгробий. Сейчас здание занято заводом «Гранит». Торцевая стена этого дома напоминает о том, что построен он был не в городе, а именно в селе, поскольку от соседнего участка его отделяет толстая брандмауэрная стена, не примыкавшая к соседнему зданию (по законодательству Российской империи в сёлах владельцы были обязаны строить деревянные здания не вплотную к соседнему участку, а с небольшим отступом и возведением противопожарных стен).

Алексеевская водопроводная

Узкая и кривая Староалексеевская выводит к одному из лучших промышленных ансамблей – Алексеевской водопроводной насосной станции (Новоалексеевская улица, № 16–18). Сейчас от неё сохранилось не больше двадцати кирпичных сооружений, которые бережно отреставрированы Мосводоканалом.

Странное сочетание мотивов архитектуры романской, готической, ренессансной, псевдорусской, модерна и цигельбау породило своеобразнейший архитектурный ансамбль. Его архитектором был Максимилиан Геппенер. Особенно интересно выглядит дом служителей инженерного корпуса, расположенный в глубине владения (№ 18, корпус 3) и выстроенный в духе архитектуры Копенгагена времени короля Кристиана IV. Сохранились даже чугунные кронштейны фонарей. Водопроводная станция носила имя инженера В.В. Ольденбурга.

Бахрушинский приют

Неподалёку от водопроводной станции, в 1-м Рижском переулке (владение № 2), можно увидеть ещё один ансамбль, созданный старанием замечательного архитектора немца Карла Гиппиуса, – бывший Бахрушинский приют. В 1895 году предприниматели и благотворители Бахрушины обратились в Московское городское самоуправление с просьбой отвести участок земли для строительства «убежища для детей, покинутых родителями». Мальчики-сироты воспитывались в приюте до своего совершеннолетия. Здесь действовали школа, электротехническая и художественно-слесарная мастерские для обучения ремёслам, обеспечивавшие воспитанников профессией для «выхода в люди».

В деревянных бараках жили студенты разных московских вузов. Молодёжь здесь селили не случайно: Моссовет старался расселить студентов в тех местах, где обитали рабочие или «отсталый элемент», приучая одних – жить среди народа, других – хоть таким образом просвещаться

Пройдя через ворота у старой покосившейся сторожки по аллее, засаженной в начале XX века голландскими липами, осмотрев здания мастерских и дортуаров приюта, столовой и игрового павильона, попадаешь на площадь к обезображенной домовой Троицкой церкви, которую более 10 лет пытается восстановить местный приход.

Храм с пещерой и печью

От нового выхода станции метро «ВДНХ» к Тихвинской церкви идёт малозаметная тропинка, до сих пор на всех городских картах носящая название: улица Церковная Горка. Это самая старая улица села Алексеевского. Левее улицы овраг, в котором по коллектору несёт в Яузу свои воды река Копытовка. На Церковной Горке возвышается Тихвинский храм, окружённый погостом, а до 1824 года стояла ещё и древняя церковь Алексия Человека Божьего. За ветхостью её разобрали, а камень и кирпич пошли на возведение колокольни при Тихвинской церкви. Архитектор колокольни Александр Элькинский возвёл её в простых ампирных формах, не мешающих архитектуре самого храма.

Церковь Тихвинской Иконы Божией Матери в 1670-е годы была возведена подрядчиком Михаилом Прокофьевым и каменщиком Фёдором Тихоновым вместе с вольнонаёмными ярославскими мастерами. Это двухъярусный храм с гульбищем на высоком подклете. Он увенчан горкой кокошников с пятиглавием, а выразительность его силуэта подчёркивают пучки тонких угловых полуколонок и чрезвычайно редкие в зодчестве XVII века высокие прямоугольные окна, обрамлённые килевидными наличниками. Широкая двухсветная трапезная с хорами первоначально, видимо, была объединена

переходом с деревянным дворцом, разобранным в начале XIX века. От этого перехода остался лишь оформленный порталом дверной проём на северном фасаде. Одна из особенностей храма – две небольшие двухэтажные молельни, устроенные в западных углах его интерьера, по преданию – царская и царицына.

В церкви сохранились старые иконы, и среди них образ Тихвинской Божией Матери, собственноручно в день освящения престола 31 октября 1680 года перенесённый царём Феодором Алексеевичем из Кремля, а также знаменитые образа, подаренные в XVIII веке ярославскими купцами, – иконы «Недремлющее око» («Недрёманное око») и «Прибавление ума». Храм сильно пострадал от грабежей неприятеля в 1812 году, и деньги на его восстановление дал император Александр I. В 1836 году интерьеры были расписаны итальянским художником Доменико Скотти. Необычной формы многоярусный иконостас церкви – с рядами икон, напоминающими барочные фронтоны итальянских храмов, с волютами по углам – был возведён в 1848 году архитектором Михаилом Быковским на средства местного купца-сахарозаводчика Борисовского и землевладельца, текстильщика Молчанова. В бывшей царской молельне сохранилась круглая многоцветная изразцовая печь – подобную можно увидеть только в Теремном

Жили в Алексеевском и москвичи, но в основном – приезжие из Ярославской губернии. По роду занятий это были половые, извозчики, приказчики, а также гравёры и художники, жестянщики и мебельные мастера

На странице 142:
Алексеевский просек. Парк Сокольники. Открытка начала XX века

На странице 143 – Алексеевская водопроводная подстанция

Дети-сироты на работах, организованных Московскими городскими работными домами. 1910 год

Миллионный мост – Ростокинский акведук. 1915 год

В окрестностях села Алексеевское. 1905 год

Бахрушинский приют в Алексеевском. 1916 год

дворце Кремля. Но самое интересное в храме – устроенная в трапезной, в левом её приделе, пещера Гроба Господня. Она была сделана в 1680-е годы одновременно с такой же пещерой в Теремном дворце. Попасть в пещеру – проползти под сводами коридора – можно только в Антипасху, на Светлой неделе. К ней ведёт незаметная маленькая дверца в местном ряду иконостаса. Первый ярус храма, где было несколько престолов, после Великой Отечественной войны переоборудовали в свечной завод Московской патриархии, который в 1990-е годы перевели в Софрино. В советское время Тихвинский храм никогда не закрывался. По современной легенде, в 1941 году, во время зимнего наступления немцев на Москву, Сталин именно отсюда взял чудотворную икону Тихвинской Божией Матери, с которой, по его приказу, облетели на самолёте вокруг города. А вскоре произошло первое успешное наступление Красной Армии, закончившееся взятием города Тихвина.

От нового выхода станции метро «ВДНХ» к Тихвинской церкви идёт малозаметная тропинка, до сих пор на всех городских картах носящая название: улица Церковная Горка. Это самая старая улица села Алексеевского

Алексеевский студгородок

Начало массовому строительству вокруг храма было положено в 1927–1928 годах. На север от него, за оврагом, начали строить Алексеевский студенческий городок. Не доходя от церкви до улицы Космонавтов, между входом в метро и домом № 13А по Ярославской улице и по сей день остаётся безымянная дорога, ещё лет 40 назад называвшаяся «проездом Алексеевского студенческого городка». Остальные проезды были или упразднены, или переименованы (улицы Галушкина, Касаткина, Космонавтов и другие). В деревянных бараках жили студенты разных московских вузов. Молодёжь здесь селили не случайно: Моссовет старался расселить студентов в тех местах, где обитали рабочие или «отсталый элемент», приучая одних – жить среди народа, других – хоть таким образом просвещаться. Подобные студгородки строились в Лефортове, Дорогомилове, во Всехсвятском, у Калужской заставы. Современными наследниками этого студгородка являются общежития нескольких московских академий и университетов на улице Бориса Галушкина (дома № 5–11). В 1941 году на место студентов, ушедших на фронт и заводы, в Москву из Сибири и Средней Азии стали привозить новых студентов, в основном будущих экономистов, ар-

Поскольку водопровод с акведуком обошлись казне в 1 млн 648 тысяч рублей, акведук в народе прозвали Миллионным мостом, а одну из улиц, ведущую к нему со стороны Богородского, назвали Миллионной

хитекторов, художников. Тогда здесь и произошла маленькая битва: по ошибке в одно и то же здание поселили будущих бухгалтеров и архитекторов. Им всем стали выделять комнаты в бараках в студенческом городке. Разгорелась настоящая война – девушки выкидывали из окон вещи «первопоселенцев», а парни дрались на улице – вуз на вуз. Бои не утихали три дня, пока не были вызваны силы НКВД…

Коммуна и палаццо

От всех домов времён первой пятилетки сохранился лишь один – дом-коммуна рабочих ватной фабрики на проспекте Мира, 18Б, строения 5–6. Когда-то в одном здании находилось общежитие с солярием на крыше, в другом, соединявшемся с общежитием надземными переходами, – клуб, фабрика-кухня и гимнастический зал. Авторами этого «комплекса клуба с общежитием бывшей ватной фабрики» (1928 год), как он официально назывался, были Моисей Гинзбург и Соломон Лисогор. Сейчас группа архитекторов разработала проект реставрации этих двух оригинальных памятников конструктивизма и возведения на соседней свободной площадке неосуществлённых проектов того времени – Башни III Интернационала Татлина и гаража Константина Мельникова для таксопарка в Париже. Рядом с домом-коммуной возвышается огромное палаццо, построенное по проекту Ивана Жолтовского в 1957 году (проспект Мира, 184). Табличка на доме с именем архитектора появилась не сразу, потому что он строился во время начавшейся борьбы с «излишествами». Среди них – лепные рельефы, картины из цветной смальты, расписной деревянный карниз главного корпуса. Декор дома воспроизводит излюбленные мастером мотивы построек Андреа Палладио. К сожалению, разросшиеся деревья и узкий тротуар не дают рассмотреть многие красивые детали. Но брата-близнеца этого здания можно увидеть в расположенном неподалёку Рижском проезде, 3.

«Дом на курьих ножках»

С масштабами дома Жолтовского «спорит» дом-сороконожка, или «дом на курьих ножках», возведённый в 1966–1969 годах на участке между улицами Касаткина и Галушкина (проспект Мира, 184, корпус 2). Архитекторы В. Андреев и Т. Заикин специально создавали видовую ширму напротив монумента «Рабочий и колхозница».

Поскольку статуя работы В.И. Мухиной – первое в мире произведение, целиком сделанное из нержавеющей стали, то и дом решили построить на стальных блоках-опорах, которые несут на себе все 25 этажей. Чтобы все квартиры освещались равномерно, балконы устроены в шахматном порядке – при взгляде от торцов они выстраиваются в стремительные диагонали, зрительно облегчающие вес всего строения. Появление такого здания, как и строительство нескольких его собратьев в Москве, – не случайно.

Во времена хрущёвской «оттепели», когда просторы Крайнего Севера приходилось осваивать уже с помощью вольнонаёмных, встал вопрос о возведении зданий в условиях вечной мерзлоты. Строительство там требовалось вести не прямо на грунте, а на сваях, чтобы здание не соприкасалось с промёрзшей почвой. Первые эксперименты начали проводить в Москве, и эти дома – их результат.

Кроме того, в эпоху, когда принципы конструктивизма возродились, на шумных и загазованных трассах старались дома приподнимать над землёй для лучшего проветривания.

Самый длинный мост

Во время устройства Мытищинского водопровода двумя главными препятствиями для самотёчного пути воды от мытищинских ключей в центр Москвы были два оврага – близ теперешнего пересечения Ярославского шоссе с МКАД и у реки Яузы. В 1767 году Екатерина II собрала комиссию по созданию водопровода, и через 12 лет проект был готов, а в 1804 году Московский самотёчный водопровод начал действовать. Одним из главных его сооружений стал Ростокинский акведук, который Екатерина назвала лучшей постройкой Москвы. Поскольку водопровод с акведуком обошлись казне в 1 млн 648 тысяч рублей, акведук в народе прозвали Миллионным мостом, а одну из улиц, ведущую к нему со стороны Богородского, назвали Миллионной. Акведук, возведённый в 1780–1785 годах, построен с небольшим уклоном в сторону центра Москвы (при средней высоте 15 м), его арочные опоры сделаны из разобранных стен Белого города (из двадцати одной видны только 16 опор, боковые засыпаны землёй).

По легенде, у инженеров Фёдора Васильевича Бауэра и Ивана Кондратьевича Герарда был замысел устроить столько опор акведука, сколько букв составляет имя императрицы. Более полувека акведук, длина которого составляет 356 м, был самым длинным мостом в России.

Рекорд был перекрыт в 1851 году в Новгородской губернии при строительстве моста Николаевской железной дороги. На средства города в 2007–2008 годах акведук отреставрировали, со стороны Малахитовой улицы в 2006 году поставили памятник ростокинскому дворнику (скульпторы Владимир Лепешев и Андрей Асерьянц). Вдоль Яузы был разбит парк, тянущийся до реки Будайки, притока Яузы, и так называемой Танькиной рощи, где когда-то грабила проезжающих шайка легендарной Таньки Ростокинской.

На правом берегу Яузы за покосившимися заборами и огромными стволами старых ив видны корпуса бывшей ситцевой фабрики Владимира Молчанова и сахарных складов промышленника Борисовского.

Водовозы и водолеи

Сейчас для большинства москвичей Алексеевская – всего лишь станция метро перед ВДНХ. Для многих предшествующих поколений эта местность была связана прежде всего с водопроводом, проложенным вдоль границ этого старинного места. Миллионный акведук, созданный при Екатерине Великой; открытие первого Московского самотёчного водопровода при Александре Первом, устройство Алексеевской насосной станции в николаевскую эпоху; и наконец, строительство Алексеевской водопроводной станции в конце XIX столетия – всё это знаковые события для жизни города.

Многие десятилетия жили в селе и водовозы. Поэтому не случайно книжка, изданная 10 лет назад местной управой о районе Алексеевском, была названа «Путь водолея» – и начинается, и заканчивается он у водопроводных сооружений, и протекают вдоль его границ Яуза, Самотёка, Копытовка. Да и главная святыня места – икона Тихвинской Божией Матери – некогда приплыла к этому городу по воде. Но это уже совсем иная история.

Автор: Илья Печёнкин
Фото: частные коллекции,
предоставлены автором

«Золотой век» палаццо на Рождественке

Зданию МАРХИ на Рождественке принадлежит видное место в культурной топографии Москвы. Несколько десятилетий его истории связаны со Строгановским художественно-промышленным училищем, юбилей которого отмечается в нынешнем году. Строгановка задумывалась как «кузница кадров» для мануфактурного производства, но в начале минувшего столетия стала одним из главных центров художественной жизни Российской империи

Строгановское училище на Рождественке (после реконструкции 1890–1892 годов)

На следующем развороте: Н.В. Глоба; С.В. Ноаковский; Н.Н. Соболев

На подложке – план училища

Девятнадцатое столетие видело себя веком прогресса. Но бурное развитие промышленного производства в Европе порождало новую проблему: как преодолеть обезличенность массовой продукции мануфактур? Нужны были специальные учебные заведения художественно-ремесленного профиля. Первое из них – Ecole royale gratuite de dessin – было основано в Париже ещё в 1766 году. В России пионером этого движения стал граф Сергей Строганов, открывший в 1825 году в Москве на собственные средства Школу рисования в отношении к искусствам и ремёслам. С.Г. Строганов – представитель известной фамилии промышленников, участник Отечественной войны 1812 года – с 1835 года попечитель Московского учебного округа, выступавший за развитие национального искусства.

В 1860 году школа была преобразована в среднее училище. Первым директором стал Виктор Бутовский – энтузиаст возрождения национально-самобытной традиции русского искусства. Он сформулировал философию отечественного художественно-промышленного образования: «Наши фабрики и ремёсла не могут поддерживаться только чужими моделями и рисунками да копиями с чужих произведений». Основанный Бутовским при училище художественно-промышленный музей задумывался как хрестоматия исторических стилей для учеников. Естественно, приоритет при формировании коллекции отдавался образцам русских орнаментов, источникам «самобытного народного художественного стиля». Начиная с этого времени неизменной проблемой Строгановки была нехватка помещений для классов, мастерских и неуклонно разраставшегося музейного собрания. Ни принадлежавшее училищу владение на Мясницкой, ни дом возле Страстного монастыря, приобретённый в 1859 году, не удовлетворяли его потребностям.

Стены для «золотого века»

Биография владения по современному адресу: Рождественка, 11, скрупулёзно реконструирована сотрудниками Музея московской архитектурной школы. Известно, что па-

латы А.П. Волынского 1730-х годов, следы которых обнаружили десять лет назад, были заменены на исходе XVIII века репрезентативным усадебным домом в стиле классицизма. В 1809 году усадьба была приобретена казной, после чего здесь разместилась Медико-хирургическая академия. В середине столетия владение отдали под клиники Московского университета, в связи с чем основной корпус был частично перестроен, хотя и сохранил классицистический облик. Исторические пути Строгановского училища и усадьбы на Рождественке пересеклись в 1890 году, когда руководству учебного заведения удалось получить в своё распоряжение корпуса, опустевшие после переезда университетских клиник

«Сие заведение имеет целью ремесленников, подмастерьев, мальчиков и детей бедных родителей без всякой со стороны их платы обучить начальным правилам практической Геометрии, Архитектуры и разным родам рисования, относящимся к Механическим искусствам, а чрез то доставить им средства самим собой, не прибегая к посторонней помощи, производить главные свои ремёсла с большей удобностию и совершенством» (С.Г. Строганов)

в специально выстроенный для них городок на Девичьем поле. Однако устраивать классы в бывших больничных палатах рискованно с точки зрения гигиены, поэтому было предложено снести все постройки и возвести новые учебные корпуса. Претворению в жизнь этого радикального плана помешал банальный дефицит финансовых средств. Денег хватало только на перестройку зданий, и то лишь при условии продажи части территории.

Проект перестройки был выработан особой строительной комиссией, в которую вошли: попечитель училища Николай Найдёнов, тогдашний директор Строгановки Фёдор Львов, губернский инженер Александр Мейнгардт и архитекторы – Константин Быковский и Сергей Соловьёв. Было решено снести некоторые второстепенные постройки на углу Рождественки и Сандуновского переулка, вместо которых возвести новый корпус для администрации и квартир преподавателей. Главный дом бывшей усадьбы подвергся перепланировке и получил новый фасад в стилистике палаццо итальянского Возрождения, щедро украшенный майоликой по эскизам преподавателя училища Д.П. Сухова. Архитектору-строителю С. Соловьёву удалось заложить основы уникального архитектурного ансамбля, развитие которого продолжилось уже в XX веке: в 1904 году был надстроен и получил новый фасад по проекту Фёдора Шехтеля левый флигель (ныне «Лавка архитектора»), в 1910-е годы возвели новый корпус мастерских, спроектированный Александром Кузнецовым.Именно в стенах перестроенного дома на Рождественке Строгановское училище пережило «золотой век» своей дореволюционной истории. Этот расцвет был связан с именем директора Николая Глобы.

Директор Глоба

Николай Васильевич Глоба (1859–1941) был ярким примером культурного деятеля пореформенной России, сочетавшего в себе предприимчивость с фанатичной преданностью однажды избранному служению. Закончив Императорскую Академию художеств в Санкт-Петербурге по классу исторической живописи, он, однако, предпочёл организаторскую работу – стал не художником, а чиновником департамента торговли и мануфактур при Министерстве финансов. Такой поворот в судьбе выпускника академии соблазнительнее всего трактовать как доказательство его профессиональной несостоятельности, однако в нашем случае дело обстояло иначе. Уже после 1917 года, в эмиграции, когда стареющий Глоба будет вынужден снова взяться за кисть, заинтересованная общественность поразится художественному уровню его работ. Стало быть, стезя администратора была осознанным выбором того, кто ставил интересы общего дела превыше частных творческих амбиций.

Эта решимость посвятить себя становлению российской художественной промышленности не была спонтанной. Ещё до академии, летом 1883 года, известный художник и педагог Николай Мурашко привлёк Глобу, самого талантливого своего ученика, к участию в реставрации росписей Кирилловской церкви в Киеве. Глоба, по существу, возглавил работы по расчистке фресок и на всю жизнь сделался поклонником и страстным пропагандистом древнерусского художественного наследия. Сверхзадача утверждения самобытного национального стиля определяла всю его дальнейшую деятельность: в министерстве, на посту директора Строгановки, затем – Русского художественно-промышленного института в Париже и, наконец, в знаменитом обществе «Икона», члены которого стремились в изгнании сохранить живую традицию русского церковного искусства. Став директором Строганов-

ского училища в 1896 году, Глоба приступил к активной модернизации учебного процесса. Залогом успеха начатой реформы была поддержка, которую оказывал директору министр финансов Сергей Витте (существует легенда об их близком родстве). Стратегия развития училища, по Глобе, заключалась в активизации его сотрудничества с художественной промышленностью. Были учреждены ежегодные конкурсы для учеников, лучшие работы которых оценивались жюри из представителей деловых кругов, художников и архитекторов, а лучшие проекты принимались для исполнения на предприятиях фарфорового магната Кузнецова, на текстильных мануфактурах Сапожниковых и Морозовых. Это не означало подчинения искусства потребностям быта и массового производства. Обеспечение высокого художественного уровня ученических проектов было первейшей заботой директора.

Все лучшие художники

Выпускник училища живописец Александр Шевченко вспоминал: «Строгановское училище гремело на всю Россию. Желающих была масса. По 75–80, а то и до 100 человек на каждое вакантное место… У нас в Строгановском, благодаря Глобе, был собран весь цвет искусства, все лучшие художники». Действительно, список педагогов производит впечатление: здесь и Михаил Врубель, и Константин Коровин, и архитекторы Фёдор Шехтель, Лев Кекушев, Иван Жолтовский. Есть целый ряд имён, не столь популярных, но не менее достойных. Например, Дмитрий Сухов, который впервые ввёл в программу обучения обмеры хранившихся в музее Строгановского училища предметов мебели и прикладного искусства, адаптировав к потребностям художественно-промышленного образования практику, обычную при подготовке архитекторов. Своеобразными мастерами были преподававшие здесь однокашники по академии Станислав Ноаковский и Леонид Браиловский, которые снискали себе известность работами в области рисунка и акварели. Оба они воплощали собой характерный тип художника Серебряного века – с широкими горизонтами творческих интересов и романтической увлечённостью образами и формами старины. Принципиально важный для Глобы курс истории отечественного искусства и архитектуры читал Фёдор Горностаев – один из основателей отечественной историко-архитектурной науки и соавтор знаменитой «Истории русского искусства» Игоря Грабаря. Самым молодым в плеяде выдающихся педагогов Строгановки был Николай Соболев – выпускник училища, закончивший в 1900-е годы Археологический институт и посвятивший себя изучению русского декоративно-прикладного искусства.

Судьбы обитателей дома на Рождественке сложились по-разному. Кто-то не дожил до революционных потрясений – как Соловьёв и Горностаев. Некоторые – в их числе Глоба и Браиловский – приняли горькую чашу изгнания и провели остаток жизни на чужбине, не оставив, однако, служения делу искусства. Станислав Ноаковский после обретения Польшей независимости в 1918 году перебрался в Варшаву, где преподавал в Политехническом институте, а затем занимал пост министра культуры страны. Большинство из тех, кто остался в Советской России, также нашли применение своим талантам. Д.П. Сухов занял ведущие позиции в советской архитектурной реставрации и в течение нескольких десятилетий (с 1921 по 1949 год) возглавлял исследования собора Покрова на Рву (Василия Блаженного). А биография Николая Соболева, ставшего почтенным академиком и одним из первых лиц возрождённого в 1945 году «бывшего Строгановского» художественно-промышленного училища (МВХПУ), как будто замыкает кольцо исторических перипетий учебного заведения. Но к зданию на Рождественке эта история уже не имела отношения: летопись новой Строгановки связана с другими адресами.

Сегодня имя графа С.Г. Строганова носит Московская государственная художественно-промышленная академия, продолжающая традиции Н.В. Глобы и его сотрудников. Факультеты академии размещаются в монументальном здании на Волоколамском шоссе, спроектированном на рубеже 1940–1950-х годов при участии И.В. Жолтовского. Здесь готовят специалистов в области дизайна, монументально-декоративного искусства, реставрации, теории и истории искусства.

Современность предъявляет новые, подчас жёсткие требования к выпускникам Строгановки. Глубокий кризис отечественного производства (в том числе и художественно-промышленного) вынуждает многих из них искать удачи вне профессии. Это делает и без того нелёгкий путь становящегося художника ещё более тернистым. Но тем отраднее, что в каждом новом поколении «строгановцев» неизменно оказываются люди, безраздельно преданные искусству. Традиции дореволюционной Строгановки живут и в стенах палаццо на Рождественке, где в 1920 году открыл свои двери знаменитый ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские), а с 1932 года располагается Московский архитектурный институт.

Елена Борисова

Семейное чтение

Азбука московская для детей и родителей. – М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2005. – 400 с.: ил.

«Азбука…» была задумана к 850-летию Москвы, но нет ничего удивительного в том, что её подготовка растянулась на годы. Ведь такое издание требует большой основательности: это популярная энциклопедия для семейного чтения, хотя её доступность сочетается с научной достоверностью приводимых фактов. Многие их них не только школьникам, но и их родителям откроют что-то новое. Например, статья «Сорок сороков» расскажет о том, как выглядела Москва в древности со всеми её церквами и колокольнями, дополняющий статью текст на полях сообщит, что такое «сОроки» – наименование церковных районов в старой столице, по 40 храмов в каждом, а репродукция гравюры по рисунку И. Шарлеманя 1870-х годов покажет «общий вид Москвы с окрестностями с высоты птичьего полёта».

Книга устроена многослойно: основной её текст не перегружен дополнительной информацией и датами, зато есть сноски с пояснениями и система отсылок – выделение жирным шрифтом указывает на наличие статьи с таким названием. Кроме того, «Азбука…» снабжена весьма основательным аппаратом. В приложении к ней мы найдём и перечень возвращённых исторических названий, и топографический и именной указатели, и обширный библиографический список.

Рассказать о Москве всё, раз и навсегда, невозможно. И создатели книги ограничили себя определёнными хронологическими рамками: от первого упоминания в летописи до начала XX века. А форму изложения продиктовала старая добрая традиция – алфавитный порядок. Нелёгкой была задача составителей – отобрать для каждой буквы всего несколько памятников, понятий или имён из сотен и тысяч. На букву «А», например, представлены Александровский сад, Андроников монастырь, Арбат и Архангельский собор; на букву «Б» – Белый город, Благовещенский собор, архитектор О.И. Бове и Бульварное кольцо; на букву «Я» – река Яуза.

Об арбатстве и арбатцах

Арбатский архив: историко-краеведческий альманах. Выпуск II. – М.: Наука, 2009. – 926 с.: ил.

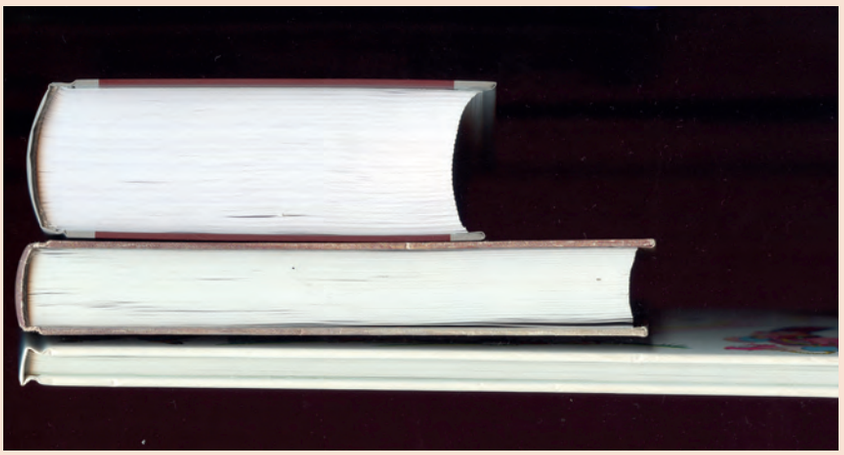
Инициатором создания альманаха стал «арбатский мудрец» – Сигурд Оттович Шмидт, главный редактор, один из авторов и идейный вдохновитель «Арбатского архива». Первый выпуск был подготовлен ещё в 1993 году, к празднованию 500-летия улицы, а вышел в год 850-летия столицы. Уже тогда это издание было задумано как продолжающееся. Так что второй выпуск сборника можно назвать долгожданным, и содержание его не обмануло ожиданий.

Почти все материалы – новые публикации или перепечатанные из малодоступных изданий, большая часть фотографий и репродукций тоже публикуется впервые. Таким образом, в оборот москвоведения вводится большой массив воспоминаний, дневников, писем, статей и очерков, разного рода документов. Толстый том – почти тысяча страниц – складывается из нескольких десятков текстов, каждый из которых дарит новую грань истории Арбата. Иногда это исторический очерк об исчезнувших местных реалиях, как, например, «Варгуниха – город, которого нет» Даниила Силенко или публикация Андреем Топычкановым любопытного судебного дела XVII века. Но бОльшая часть текстов посвящена событиям и людям XX столетия.

Какие же изумительные личности населяли эти края! От великих артистов, музыкантов, литераторов, учёных до единственной в Советской России представительницы семейства Романовых, известной в своё время мотогонщицы по вертикальной стене Н.А. Андросовой-Искандер-Романовской. А ещё сотни просто москвичей – не знаменитых, но замечательных, судя по публикациям альманаха. Удивляться этому не приходится: Арбат всегда был пристанищем интеллигенции, людей ярких, творческих, активных. Вот почему так интересны не только их биографии, но и воспоминания даже о заурядных, казалось бы, подробностях быта в этом, увы, ушедшем мире. Арбат – это, конечно, целый мир, бесконечный и неисчерпаемый. Да, он уже давно не

тот, каким остался в ностальгических воспоминаниях обитателей. Но и значение его в нашей культуре далеко превосходит значение любой другой столичной улицы или даже района. Недаром так легко прижились в нашей речи производные от этого имени – и окуджавское «арбатство», и введённое Андреем Белым слово «арбатцы». Они стали знаками настоящего московского духа, воплощённого в этом «одном километре Москвы».

Хотя альманах «Арбатский архив» позиционирован как научное издание, для многих он станет прежде всего, несомненно, захватывающим чтением.

Кто не жил в Токмаковом переулке?

Токмаков Л.А. Потешные прогулки по Москве. – М.: РИПОЛ классик, 2010. – 56 с.: ил.

Художнику Льву Токмакову за долгую творческую жизнь удалось нарисовать иллюстрации примерно к двумстам детским книгам, на которых выросло не менее двух поколений читателей. Не удалось ему, похоже, только одно: хоть раз создать что-нибудь скучное. Поэтому новая книга с его рисунками просто обречена быть успешной. В недавно вышедших «Потешных прогулках по Москве» и текст тоже принадлежит Токмакову. Впрочем, это тот самый редкий случай, когда одно от другого неотделимо: безумно смешные рисунки не дополняют и не иллюстрируют текст, а сосуществуют с ним в едином игровом пространстве.

Как гулять по Москве с Токмаковым? Это просто: надо задать ему вопрос, не стесняясь того, что он может быть очень-очень детским, и в ответ вы получите по крайней мере два варианта ответа: ожидаемый (на рисунке) и правильный (в подписи к ней). Скажем, простодушное предположение, что Боярский переулок назван в честь артиста, иллюстрируется профилем в знаменитой шляпе и толпой бородатых бояр с транспарантом «Боярский переулок – наш!», а ниже – разъяснение о боярах, которые жили у Красных ворот.

Среди шуток-прибауток рассыпаны десятки любопытных сведений о Москве – топографических, исторических, культурологических. Ребёнок усвоит их между делом, не заметив, что его таким образом приобщают к москвоведению. Но и взрослый, взяв книжку в руки, не выпустит её, пока не пролистает до конца. А там, в конце, – последний вопрос: «Кто никогда не жил в Токмаковом переулке?» И ответ: «Художник Токмаков».

Алексей Че (Черепанов)

.moscow, или Зачем Москве домен

В начале сентября 2010 года компания RU-CENTER (nic.ru), отвечающая за администрирование русскоязычной части Интернета, а также регистрацию сайтов в зонах .ru, .su, .рф, выступила с предложением создать доменные имена верхнего уровня .MOSCOW и .МОСКВА. Возможно, адреса московских сайтов в скором времени будут выглядеть так: «кремль.москва» или «museum.moscow»

Когда в далёком 1985 году появились 7 доменов верхнего уровня, которые подразделяли сеть на зоны, предполагалось, что этих имён хватит до конца эпохи Интернета. Казалось, больше доменов и не нужно: .com – для коммерческих сайтов; .edu – для образовательных; .mil – для военных; .gov – для государственных организаций; .org – для некоммерческих; .int – для международных; .net – для сайтов, чья деятельность связана с Интернетом. Тем не менее создатели Интернета предусмотрели так называемые национальные домены. Первыми их получили США – .us, Великобритания – .uk и Израиль – .il. 19 сентября 1990 года по инициативе сотрудников Курчатовского института был зарегистрирован домен верхнего уровня SU для применения на территории Советского Союза.

Конечно же, этим дело не ограничилось, сейчас существуют не только основные и национальные домены, но и спонсируемые, которые финансирует та или иная организация. К примеру, .museum – для музеев или .travel – для туристической индустрии. С первого взгляда понятна направленность сайтов «getty.museum», «egypt.travel», «moscow.travel»… Но дело здесь не только в «красивом», легко запоминаемом названии, а значит, коммерческой привлекательности сайта. В доменных зонах .com, .ru, .net уже практически не осталось незанятых имён, ведь лексический состав языка ограничен. И это сдерживает развитие Интернета.

Зона .pupkin

В 2008 году ICANN – международная некоммерческая организация, которая регулирует вопросы работы глобальной сети, – предложила создать программу «new gTLD» (icann.org/en/topics/new-gtld-program.htm). Аббревиатура «gTLD» расшифровывается как «общий домен верхнего уровня», а слово «new» предполагает увеличение количества этих доменов на порядок. Согласно программе «new gTLD» пользователи могут не только зарегистрировать сайт в доменных зонах .com, .name, .рф, но и подать заявку на создание нового домена. В принципе можно будет зарегистрировать даже зону .pushkin или вовсе .pupkin. В ICANN считают, что будущие домены «могут подтолкнуть новую волну инноваций» в Интернете.

Конечно, ICANN выдвигает условия для заявителей и предупреждает, что процесс получения нового домена очень сложен. В предварительной редакции «Руководства кандидата», которая выложена в сети для всеобщего обсуждения (icann.org/en/topics/new-gtlds/program-en.htm), сказано: «Любая общественная или частная организация из любой части света может подать заявку на создание нового общего домена верхнего уровня и управление им. От заявителей требуется продемонстрировать операционные, технические и финансовые возможности управления доменом».

Руководитель программы «new gTLD» Олоф Нордлинг полагает, что «домены верхнего уровня могут быть самыми разными – для носителей определённого языка, культуры, для определённой индустрии... Само понятие «сообщество» – огромно. Множество сообществ – множество доменов». Однако из этого вовсе не следует, что в скором времени в Интернете появятся тысячи новых доменных зон. Не каждая общественная организация готова пройти тернистый путь подачи заявки, к тому же и стоит это немало – $185 000.

Тем не менее претендентов на новые доменные имена верхнего уровня довольно много. Уже поданы заявки на зоны .eco, .canon, .shop, .music… Однако самую большую активность проявляют не коммерческие организации, а культурные и языковые сообщества. Так, ассоциация European Cultural and Linguistic Internet Domains (eclid.eu) выступает за создание доменов Уэльса – .cym, Бретани – .bzn, Галисии – .gal, Страны Басков – .eus и Шотландии – .scot. Есть еще и «городская тенденция», столицы тоже ратуют за создание своих доменов – .berlin, .london, .paris, .nyc, .moscow.

Красивый домен .MOSCOW

Участники инициативной группы по продвижению московских доменов создали сайт проекта – «domainmoscow.ru», где опросили экспертов о целесообразности введения .moscow и .москва. В их комментариях можно выделить три основные причины создания столичных доменов: чёткое указание на Москву, что хорошо для туристического бизнеса, правительственных структур, учреждений культуры, различных социальных проектов; коммерческая привлекательность новых имён; работа на имидж столицы. «Появление новых доменов .москва и .moscow является важным шагом к решению проблемы территориального обозначения. Каждому гостю столицы будет

понятно, что тот или иной парк, театр или музей находится именно в Москве», – считает начальник рекламно-информационного отдела парка культуры и отдыха «Сокольники» Наталья Одинцова. Директор по развитию компании NetCat Оксана Богомаз полагает: «В первую очередь домены .MOSCOW и .МОСКВА – красивые домены, легко запоминающиеся. Такие наименования, пусть и косвенно, влияют на продвижение компании на рынке…» Директор департамента по связям с общественностью RU-CENTER Андрей Воробьёв говорит: «Как и у любого другого города, у Москвы есть свои символы. Московский университет, Останкинская башня, Патриаршие пруды... На мой взгляд, домены .MOSCOW и .МОСКВА могут стать одним из таких символов, стать своеобразной «пропиской» нашей столицы в глобальной сети…»

Инициативная группа по продвижению столичных доменов не только заручилась поддержкой «профильных» департаментов правительства Москвы – развития малого и среднего предпринимательства, а также культуры, но и старается убедить обычных пользователей Интернета в целесообразности введения московских доменов. На сайте «domainmoscow.ru» собирают подписи в поддержку проекта. 9817 человек уже проголосовали «за»! Как написал веб-дизайнер Владимир Липка, «Москва всегда была отдельным государством в России, поэтому появление собственных доменов у столицы вполне закономерно. Ну что ж, подождём появления нового поколения, которое будет считать, что за доменом .MOSCOW жизни нет:)».

Кому это выгодно

У идеи создания новых доменных имён есть как плюсы, так и минусы. С одной стороны, деление Интернета на зоны упрощает восприятие сети. С другой – как запомнить не только имя сайта, но и домен? Что написать в адресной строке, когда нужно, к примеру, зайти на сайт Большого театра: «bolshoi.ru» «bolshoi.moscow», «большой.рф», «большой.москва»? Похоже, от умножения доменных зон самую большую выгоду получат поисковики, ведь уже сейчас многие пользователи заходят на сайты через Google или Yandex. Однако другого пути развития у Интернета пока нет.

Domain Name System

К счастью, машинам не нужны имена, они необходимы только человеку. Так что когда пользователь печатает в браузере адрес сайта, например, Москомнаследия, компьютер отправляет запрос серверу Системы доменных имён (Domain Name System). Тот сверяется по каталогу и отвечает: имени «mkn.com.mos.ru» соответствует IP-адрес «212.11.140.50». Только после этого браузер загружает главную страницу сайта Комитета по культурному наследию Москвы.

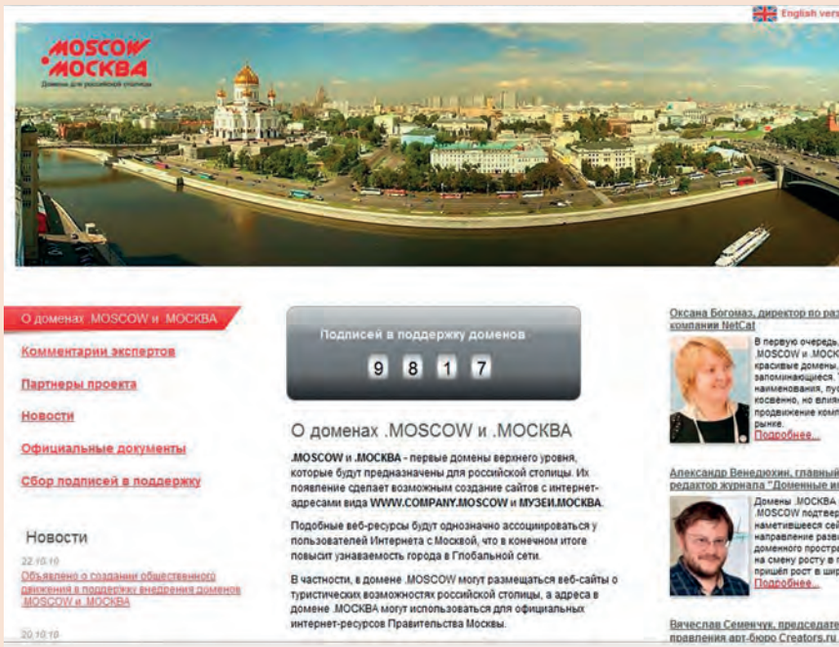
.cat, но не кошка

Ещё до запуска программы «new gTLD» в Интернете появился домен верхнего уровня .cat. Он не имеет никакого отношения к кошкам, эта зона принадлежит Каталонии. На вопрос: почему этот регион получил домен первым? – сотрудники ICANN отвечают уклончиво: «Носители каталонского языка и культуры проявили высокую активность». По всей видимости, дело здесь в амбициях «порфироносной вдовы», историческом противостоянии Барселоны и Мадрида, Каталонии и Кастилии.

Геодомены

Столичные доменные имена верхнего уровня – это логичное развитие идеи так называемых геодоменов. При создании национальных доменных зон практически каждая страна ввела геодомены – домены второго уровня, соответствующие географическим названиям. Зоны .su, а затем .ru тоже разделили географически: .bryansk.su – Брянск, .nov.ru – Великий Новгород, .udmurtia.ru – Удмуртия. Геодомены двух российских столиц – самые густонаселённые в Рунете. В зоне .msk.ru зарегистрировано 382 665 сайтов, а в .spb.ru – 497 217. Одни из самых известных сайтов: «echo.msk.ru» – радиостанция «Эхо Москвы» и «gov.spb.ru» – администрация Санкт-Петербурга.

.МОСКВА

ДЕТАЛ

Автор: Ирина Ермолаева
Фото: Ашот Сардарян,
частные коллекции

Высокий звонок, **или Выбор пути**

Дверь – начало дома. А может быть, это ещё продолжение улицы? Дверь двулика, как любая граница, и обращена одной стороной к своим, а другой – к чужим. Своё пространство, родное и надёжное, отделено от остального мира этой преградой – то хрупкой и условной, как восточная завеса проёма, то монументальной, с сейфовым замком и табличкой с именем хозяина

С дверью и порогом – тоже символом границы – связано столько поверий и примет! Сколько раз нас, легкомысленных детей, одёргивали умудрённые соседки: нельзя здороваться через порог! Неважно, что ты на минутку соль занять – зайди по-человечески!

А что будет, если через порог? Если, выйдя за дверь, спохватишься о забытой вещи и вернёшься – что будет? Да ничего не будет, но первобытное почтение к двери-границе не оставляет нас, современных и образованных: мешает подсознание.

Может быть, это же почтение, а может, страсть к самоутверждению требует устраивать вход в жилище не абы как, лишь бы закрывалась, а с особым вниманием к деталям. Пусть она ещё часть улицы, но это МОЯ дверь, и я хочу, чтобы она представляла меня, мой вкус и статус.

Нас так много, и мы все такие разные, и по-настоящему все двери в городе должны быть такими же разными, неповторимыми, индивидуальными.

***

Первая дверь казалась высокой и тяжёлой. Мне было года четыре, и чтобы её открыть, нужно было поднять руку и повиснуть на ручке. Мы жили в доме, который построили после войны пленные немцы, и добротный европейский проект предусматривал добротные деревянные двери. Наверное, и планировка предполагала: одна квартира для одной семьи. Но кто в далекие пятидесятые так жил в Москве? Норма была другая: одной семье – одна комната. В нашей комнате были две двери. Квартира по-немецки считала, что удобно из гостиной переходить в столовую не через коридор. Та дверь была просто закрыта и служила местом для вешалки: каждая семья всё своё

Двери – не просто деталь. Это визитная карточка дома, его первое приветствие входящему. Как много в каждой из них индивидуальности, характера!..

Двери могут превращаться в величественные порталы, могут выглядеть гостеприимно, а могут – отпугивающе…

хранила у себя в комнате. В конце 1950-х мы, как и многие московские семьи, переехали в отдельную квартиру блочной пятиэтажки, которые потом окрестят «хрущёвками».

А тогда переселение из комнаты в двухкомнатную квартиру – это было такое счастье! Прямо на полу праздновали новоселье, но ни одна дверь не закрывалась. В каждой вместо ручки было два аккуратно выпиленных кружка. Все двери и окна почему-то были привезены из Финляндии, где технологичные производители сразу сделали отверстия под ручки и замки, которых… не было. Они потом появились, за отдельную плату, от прорабов, решивших на этом заработать. Рассчитали правильно, счастливые новосёлы жаловаться никому не пойдут. Так на своих родных местах на гладких белых дверях появились очень красивые по тем временам, из белого блестящего металла, ручки и замочки с ключами. В квартирах у тех, кто не успел поймать продавцов или не захотел тратиться, ещё долго, до первого ремонта, зияли дырками импортные двери. А вот входная дверь – таких я не видела ни в одной хрущёвке другого района. Встретила только позже, оказавшись в Швеции. У двери было специальное отверстие, прикрывавшееся белой металлической крышечкой, – для почты. Свежая пресса с доставкой на пол коридора.

Но то, что подходит европейцам, оказалось для любящих читать москвичей не таким удобным и безопасным. Бывало, что хулиганы бросали зажжённые спички и огонь попадал на стопку газет и журналов… В общем, вскоре многие повесили на двери снаружи почтовые ящики, вынеся свой вердикт продукции законопослушных финнов. А может быть, если мой дом – моя крепость, то и её ворота должны быть без изъянов?

Но были в моём детстве, прошедшем в типовых по-

12
11

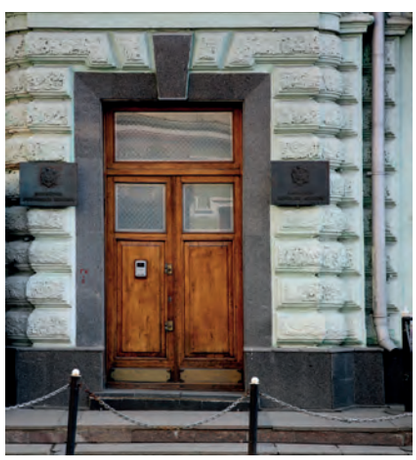

Иногда у парадного подъезда не хочется и задерживаться, потому что с чёрного хода – как-то роднее и милее...

стройках, и другие дома. Я помню квартиру, куда мы ходили в гости всей семьёй. Центр Москвы где-то в районе Кропоткинской. Комната в многонаселённой коммуналке с высоченными потолками, огромной хрустальной люстрой. Там было … три двери: одна из коридора и две двухстворчатых напротив друг друга. Так же почти у всех соседей в этой бесконечно длинной квартире. Потом я поняла: старинный дом, сохранивший красоту солидного парадного входа с резной дверью, был особняком, где, как полагалось, шла длинная анфилада комнат. И когда-то распахивались двери одной, через неё попадали в другую, в третью... Хозяйки той комнаты, интеллигентные дамы, дочь и мать, работавшая когда-то с Лениным, тоже вскоре переехали. Им дали однокомнатную квартиру в хрущёвке, недалеко от Фрунзенской, с низкими потолками, куда ту люстру даже не стали брать. Двери, соединявшие комнату с коридором и кухней, были блекло-коричневые. Старшая дама вскоре умерла, не простив райком партии, который так с ней на старости обошёлся, да и дочери эта квартира не подарила долгую жизнь. Справедливость оказалась за закрытой дверью.

***

Дом начинается и заканчивается дверью, какой бы она ни была. Настоящая дверь переживёт не одно поколение, сохранив следы от детских ботинок, настойчиво работавших вместо слишком высокого звонка, медную ручку, отполированную сотнями прикосновений рук, следы от замков прежних жильцов.

А невзрачные двери из ДСП или оклеенного оргалита – они какие-то фальшивые, и мы стараемся их поменять при первой же возможности…

СЛЕДА

Двор дома по улице Варварка, 1930-е годы.
Из документального фонда Москомнаследия
Мощные, мрачные, похожие на стены крепости дома, укреплённые контрфорсами стояли в Зарядье, там, где в советское время возвышалась на стилобате непостроенной высотки самая большая в Европе гостиница. Сейчас здесь пустырь. На кадре – тоже довольно пустынно

Журнал учрежден Комитетом по культурному наследию города Москвы

Распространяется бесплатно